

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:

М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:

Г.М. Сэндзер

Намеснік галоўнага рэдактара

на серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Гарбацкі

Рэдакцыйны савет па серыі

гуманітарных

і грамадскіх навук:

А.А. Высоцкі

Б.М. Ляпешка

Л.Г. Лысюк

Міжнародны савет

па серыі гуманітарных

і грамадскіх навук:

В.Р. Бязрогаў (Расія)

Ежы Нікітаровіч (Польшча)

А.М. Круглашоў (Украіна)

Марк Пілкінгтон (Францыя)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст

(адказны рэдактар)

В.Ф. Байнёў

В.М. Ватэль

М.А. Дабрынін

Г.А. Зорын

М.С. Кавалевіч

Г.А. Кавальчук

Ч.С. Кірвель

У.У. Лосеў

У.Ф. Мартынаў

А.В. Пятроўская

С.В. Раўгэтыкаў

Д.Г. Ротман

Б.В. Саліхаў

Я.У. Скакун

А.С. Сляповіч

А.І. Смолік

В.А. Сцепановіч

У.М. Хоміч

А.В. Чарнавалаў

Т.І. Якавук

Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Дзяржаўным

камітэце Рэспублікі Беларусь па друку

№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:

224665, г. Брэст,

бульвар Касманаўтаў, 21

тэл.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ФІЛАСОФІЯ

ГІСТОРЫЯ

ПРАВА

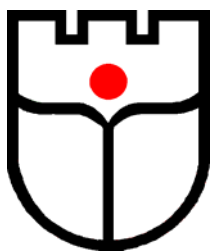
ПСІХАЛОГІЯ

ПЕДАГОГІКА

**Заснавальнік –
установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 3(38)/2009

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 часопіс «Веснік Брэсцкага універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навук

ISSN 1813-405X

Vesnik

Of Brest university

Scientific-theoretical journal

Published since December 1997

Issued four times a year

Editor-in-chief:

M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:

A.N. Sender

Deputy Editor-in-chief

of the series of the humanities and social sciences:

A.A. Garbatski

Editorial Council

of the series of the humanities and social sciences:

A.A. Vysotski

B.M. Lepeshko

L.G. Lysyuk

International Board

of the series of the humanities and social sciences:

V.G. Bezrogov (Russia)

A.N. Kryglashov (Ukraine)

Ezhy Nikitarovich (Poland)

Mark Pilkington (France)

Editorial Board:

G.I. Zaimist

(managing editor)

V.F. Baïnev

V.M. Vatył

M.A. Dabrynin

M.S. Kavalevich

T.A. Kavalchuk

C.C. Kirvel

V.V. Losev

V.F. Martynav

O.V. Petrovskaya

S.V. Reshetnikov

D.G. Rotman

B.V. Salikhov (Russia)

E.Y. Skakun

A.S. Slepovich

A.I. Smolik

G.A. Soryn

V.A. Stepanovich

V.M. Khomich

A.V. Chernovalov

T.I. Yakavuk

Y.S. Yaskevich

Registration Certificate by State

Press committee of the Republic of Belarus

№ 1084 December, 24 1997

Editorial Office:

224665, Brest,

Boulevard Cosmonauts, 21

tel.: 21-66-16, 21-47-63

e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Series of the humanities and social sciences

PHILOSOPHY

HISTORY

LAW

PSYCHOLOGY

PEDAGOGICS

**Founder –
educational institution «Brest state university named
after A.S. Pushkin»**

№ 3(38)/2009

According to the orders of Supreme certification commission from 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 the journal «Vesnik of Brest state University» has been included to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in cultural science, historical, political, pedagogical, psychological, social, philosophical, economic and judicial sciences.

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Павловская О.А. Система духовно-нравственной безопасности современного общества.....	5
Кутузова Н.А. Религиозный радикализм и альтернативные социальные проекты	13

ГІСТОРЫЯ

Грыбава С.У. Уздел беларускіх татар у падпольным руху на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.....	21
Бункевич Н.С. Методы палеоантропологии при изучении этногенеза восточных славян	29

ПРАВА

Храмов С.М. Классификация латентной преступности.....	35
Мартыненко И.Э. Экспертиза в хозяйственном судопроизводстве: понятие, виды, порядок назначения	46
Марчук В.В. О нарушениях логических правил определения уголовно-правовых понятий в правотворческой и правоприменительной практике	57
Труханович О.В., Шалаева Т.З. Рассмотрение дел судом апелляционной инстанции: отдельные вопросы процессуального правоприменения и пути их разрешения	63

ПСІХАЛОГІЯ

Лысюк Л.Г. Моральное самосознание в юношеском возрасте: опасности и возможности развития	69
Марченко Е.Е. Психологический анализ условий актуализации рефлексии смысловых оснований деятельности.....	76
Ковалевич И.В. Жизненные миры пожилых людей: качественный подход к исследованию.....	84

ПЕДАГОГІКА

Ковалевич М.С. Центр профессионального самоопределения молодежи «Профориентир»: методология организации, задачи и направления деятельности.....	92
Шаров А.В. Определение интенсивности тренировочных нагрузок по показателям частоты сердечных сокращений	103
Халецкий В.А. Профессионализация химического лабораторного практикума в техническом образовании в высшей школе	111

РЭЦЭНЗІІ

Касьяненко А.П. Лысюк А.И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.....	119
Люкевіч У.П. Садоўскі А. Беласток. Сацыяльны капітал жыхароў горада. – Беласток : Выдавецтва Вышэйшай эканамічнай школы ў Беластоку, 2006. – 263 с. (на польскай мове).....	121

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Софенко А., Носов А. Евгению Михайловичу Шукевичу – 95.....	124
---	-----

Звесткі аб аўтарах	127
--------------------------	-----

CONTENTS

PHYLOSOPHY

- Pavlovskaya O.A.** Spiritual-moral Security of the Society: Experience of Systematisation5
Kutuzova N.A. The Religious Radicalism and Alternative Social Projects..... 13

HISTORY

- Gribova S.** The Belarusian Tatars in Clandestine Activity During the Great Patriotic War in Belarus21
Bunkevich N. Paleoanthropological Methods in Studying of East Slavs Ethnogenesis.....29

LAW

- Chramov S. M.** Classification of Latent Crime 35
Martinenko I.E. Expertise in Economic Legal Proceedings: the Notion, Types, the Order of Institution46
Marchuk V. About Breaches of Logical Rules of Determination of Criminally-legal Concepts
in Practice of Lawmaking and Application of Law57
Truchanovich O., Shalaeva T. Disposal of Legal Proceeding by Court of Appeal Instance:
Separate Questions Remedial Law Enforcement and Ways of Their Sanction.....63

PHYLOSOPHY

- Lysiuk L.G.** Moral Self-consciousness Among Youth: Dangers and Possibilities 69
Marchenko E.E. Psychological Analysis of Cause Conditions of the Reflexion of the Whole Activity 76
Kovalevich I.V. The Life-Worlds of Elderly People: Qualitative Approach to Research..... 84

PEDAGOGICS

- Kovalevich M.S.** The Centre of Youth Professional Self-Determination “Prof-Orientator”:
Methodology of Organization, Problems and Directions of Activity 92
Sharov A.V. Definition of Intensity of Training Loading’s on Parameters of Heart Rate 103
Khaletski V. Profession-oriented Chemistry Laboratory Course in Technical Education in Higher School..... 111

REVIEWS

- Kasyanenko A.P.** Lysyuk A.I. Socio-cultural Determination of Political Leadership: Content,
Means, Evolution. – Chernovtsy : Bukrek, 2008. – 384 p. 119
Lyukevich V.P. Sadovskiy A. Belostock. Social Capital of Citizens. – Belostock :
Publishing House of the High Economic School in Belostock, 2006. – 263 s. (in Polish) 121

OUR JUBILEES

- Sofenko A., Nosov A.** Eugeni Michailovich Shukevich is 95 124

Information about the authors 127

УДК 1:316.334+17.022

О.А. Павловская

СИСТЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Под воздействием современных вызовов и угроз в сфере безопасности произошло смещение в сторону внутренних детерминант жизни общества, а также все более отчетливо заявляют о себе факторы морально-психологического характера. В статье обосновывается специфика духовно-нравственной безопасности, которая заключается в том, что в центре внимания находится реальный человек, выступающий, с одной стороны, как объект воздействия различных угроз и внутренний источник социальной опасности, с другой, как субъект обеспечения личной и национальной безопасности. Рассматриваются основные компоненты системы духовно-нравственной безопасности современного общества.

Введение

Масштабные качественные преобразования в жизни мирового сообщества непосредственно связаны с развитием информационных процессов. Разработка и освоение новейших технологий, распространение и практическое использование современного информационного ресурса, научно обоснованных знаний становится ведущей целью социально-экономического и социокультурного развития, кардинально меняет ментальные структуры, стимулирует поиск новых форм и способов общественного и индивидуального бытия.

В настоящее время информационный путь развития на теоретическом уровне оценивают как «достаточно реальную картину пограничного состояния современного общества, которое (состояние) образовалось в результате исчерпания ресурсов индустриализма, с одной стороны, и появившимся в связи с прорывом в интеллектуальных технологиях, системах образования, способах коммуникации людей, культур, опыта новых возможностей социального развития, с другой» [1, с. 63]. При таком рассмотрении отчетливо обнаруживает себя основное противоречие – противоречие между старым и новым, между материально-техническими и духовно-культурными возможностями индустриализма и постиндустриализма. Но особенно остро и болезненно это противоречие проявляется в сфере духовно-нравственных отношений, где, с одной стороны, уже начался поиск новых форм духовности, проявляется стремление к самореализации творческого потенциала человека, с другой, наблюдается расшатывание национально-культурных традиций, обострение социально-психологической обстановки, явно выраженное падение нравов, рост деструктивных и асоциальных явлений. Такое состояние может способствовать наращиванию стихийных, непредсказуемых явлений и процессов, усилению конфликтного потенциала как в отношениях между людьми, так и в отношениях между хозяйственными и политическими субъектами, вести к неразборчивости в выборе методов и средств для достижения поставленных целей, превратиться во внутреннюю угрозу национальной и личной безопасности.

В социальном плане опасность длительное время ассоциировалась, во-первых, с внешней военной угрозой, внутренней «подрывной» деятельностью враждебных и оппозиционно настроенных элементов, во-вторых, со стихийными ситуациями, вызванными действием природных и техногенных факторов. То есть считалось, что ре-

альную опасность для жизнедеятельности общества представляют угрозы внешнего характера, открыто проявляющие себя. На рубеже XX–XXI веков, в условиях кардинальных социальных трансформаций, наряду с этими видами угроз, появился целый ряд новых, преимущественно латентных по своему происхождению и проявлению (терроризм, различного рода психологические и идеологические экспансии и диверсии и т. п.), а также отчетливо заявили о себе угрозы внутреннего характера, обусловленные характером и уровнем развития социально-нравственных отношений в обществе, непосредственно зависящие от настроений, ориентаций, убеждений, действий людей.

В качестве субъектов безопасности на протяжении XX века преимущественно рассматривались различные государства, вступающие между собой в различного рода отношения (враждебные либо союзнические) и отстаивающие свои интересы самыми различными способами и средствами (порой и антигуманными). Сегодня, наряду с возрастающей ролью государства в обеспечении национальной безопасности, весьма определенно стали говорить о человеке, различных социальных группах, институтах гражданского общества, обществе в целом как о субъектах безопасности, которые не только нуждаются в защите своих интересов, но и сами должны быть активными и ответственными в деле их реализации. С учетом этого произошло расширение объема понятия «национальные интересы»: оно стало отражать не только интересы государства, но и жизненно важные интересы человека, различных социальных групп как важные инструменты внутри- и внешнеполитической деятельности. В содержательном плане эти интересы теснейшим образом взаимосвязаны с духовными потребностями, нравственными ориентациями, мировоззренческими установками людей. Обеспечение защиты жизненно важных интересов в условиях современных трансформаций сопряжено с активизацией многих социальных механизмов, в том числе и механизмов моральной регуляции. Таким образом, под воздействием современных вызовов и угроз в сфере безопасности произошло смещение в сторону внутренних детерминант жизни общества, а также весьма отчетливо заявили о себе факторы морально-психологического характера. Сегодня не только на государство как ведущего субъекта социальных отношений возлагается ответственность за обеспечение стабильности и порядка в обществе, но и со стороны человека, различных социальных групп, общества в целом необходимо встречное движение в этом направлении, включающее в себя обеспечение своей личной безопасности, безопасности своей семьи, безопасности ближайшего социального окружения, национальной безопасности.

В системе национальной безопасности выделяется несколько основных видов: экономическая, политическая, военная, экологическая, правовая, информационная, гуманитарная безопасность. В комплексе решения задач по обеспечению национальной безопасности традиционно на первые позиции выводятся проблемы экономической, политической, в последнее время еще и экологической, информационной безопасности. Конечно же, никто не станет оспаривать их значение в создании прочных материально-технических и политических основ государства и общества. Также известно, что именно человек был и остается главной производительной силой, субъектом созидательной деятельности, ведущей силой в природоохранном комплексе, объектом всевозможных информационных воздействий. Тем самым подразумевается и признается конкретное участие человека в решении экономических, политических, экологических и других социально значимых задач. Поэтому в современных условиях все более начинает возрастать значение гуманитарной безопасности. «Гуманитарная безопасность – состояние защищенности жизни, здоровья и благополучия граждан государства, а также духовно-нравственных ценностей общества и интеллектуального потенциала страны от реальных и потенциальных угроз. Гуманитарная безопасность является, во-первых, целью и

результатом безопасности других сфер жизнедеятельности страны, во-вторых, условием и средством национальной безопасности в целом» [2, с. 427].

В рамках гуманитарной безопасности, наряду с демографической, социальной, этнической, конфессиональной, интеллектуальной безопасностью, рассматривается и духовно-нравственная безопасность [2, с. 428]. Следует отметить, что, как правило, и в научных исследованиях, и в политико-правовых экспертизах при оценке угроз и рисков социального бытия духовно-нравственным аспектам пока еще отводится второстепенная роль, а порой они вообще упускаются из вида, либо они явно недооцениваются в качестве факторов, способных обеспечить устойчивое развитие социальной системы.

В настоящее время можно говорить пока о первом опыте определения понятия «духовно-нравственная безопасность». При этом обязательно отмечаются различного рода угрозы, представляющие опасность для состояния общественного сознания в целом и деятельность государства по сохранению существующих нравственных норм, духовно-культурных традиций, религиозных верований. «Духовно-нравственная безопасность – состояние защищенности общественного сознания и морального здоровья нации, ее традиционных, духовных ценностей и уклада жизни от внешних неблагоприятных влияний. Предполагает поддержку государственной властью нравственных норм, традиционных конфессий и традиций национальной культуры» [3]. При таком рассмотрении духовно-нравственная безопасность по существу идентифицируется с более широким понятием «духовная безопасность» и непосредственно связывается с уровнем развития духовной культуры общества, сохранением исторически сложившихся национально-культурных ценностей, утрата которых может привести к дезорганизации общества, и, в конечном счете, – к национальной катастрофе. «Духовно-нравственная безопасность страны достигается посредством двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, постоянная забота о сохранении и рациональном использовании духовного наследия, с другой, неустанный поиск по обновлению, творческому осмыслению новых более эффективных форм культуры. Что касается первого аспекта, здесь видится прежде всего залог сохранения самобытности всех населяющих страну народов, ее специфики и места в сложившейся системе координат... Другой стороной безопасности в сфере культуры является постоянная забота о том, чтобы все новое, что рождается в глубинах духовной жизни человечества и каждого народа, своевременно замечалось и поддерживалось во имя будущего» [4, с. 44].

Достаточно распространенной в последнее время является точка зрения, согласно которой сохранение духовного наследия непосредственно связывается с возрождением в современной жизни традиционных религиозных ценностей. При этом основной упор делается на то, что религия, единственная из всех сфер общественного сознания, содержит объективный источник нравственности в виде божественных заповедей, которые и должны выступать ведущими регулятивами поведения людей. Однако не надо забывать и исторические сведения о генезисе религии, эволюции ее основных форм, противоречиях и противоборстве между различными конфессиями, борьбе церкви за политическое господство, жестокости и человеческих жертвах в ходе религиозных войн, т. е. о «земной» истории религии и церкви, в которой весьма проблематичным оказывалось соблюдение божественных заповедей. Никто не станет спорить о том, что в религиозном сознании в ходе истории был накоплен богатейший нравственный опыт. Об этом убедительно свидетельствуют учения Иисуса Христа, Конфуция, Будды, произведения известных религиозных философов, труды теологов. Это духовное наследие необходимо изучать, осваивать, преобразовывать в нравственную культуру. В современных условиях деятельность в этом направлении предполагает прежде всего колоссальные эмоциональные и рациональные усилия со стороны самого человека, формирование его личностного восприятия и творческого отношения к нравственным ценно-

стям различных конфессий.

События конца XX – начала XXI века свидетельствуют о динамизации социальных процессов, усилении проявления индивидуально-личностных начал в общественной жизни, о качественных изменениях в культурно-цивилизационных парадигмах. В этих условиях общественное сознание, его различные структуры находятся в нестабильном, противоречивом, разбалансированном, кризисном состоянии. Поэтому сами эти структуры могут стать источником социальных волнений и потрясений, а следовательно, превратиться во внутреннюю угрозу национальной безопасности. В этой связи в определении духовно-нравственной безопасности и в процессе ее реализации на первом месте должен находиться реальный человек, который является как объектом воздействия различных угроз и внутренним источником социальной опасности и напряженности, так и субъектом обеспечения личной и национальной безопасности. Такой подход позволит не абстрактно, голословно рассуждать о проблемах духовно-нравственной безопасности, а выявлять ключевые проблемы, «болевые точки», внутренние резервы, целенаправленно влиять на разрешение возникающих противоречий. Причем появляется реальная возможность активно вовлекать в этот процесс самого человека как гражданина, используя его творческий потенциал, повышая меру личной ответственности. Деятельность государства, его структур в этом направлении может и должна стать серьезной базой для формирования нравственной культуры личности, создания благоприятного морально-психологического климата в обществе, которые в свою очередь будут позитивно влиять на реализацию государственной политики, на стабилизацию общественных отношений в целом.

Обеспечение национальной безопасности современного общества должно осуществляться с учетом основных тенденций общемирового развития, одной из которых является возрастание роли человека в динамике социокультурных процессов. Это реально осуществляется через раскрытие его личностной природы. Концентрированное выражение личностного начала в человеке есть не что иное, как формирование и проявление в нем собственно человеческого. «Каждый становится человеком заново и каждый миг усилием своего Я должен воссоздавать в себе человеческое» [5, с. 41]. И в то же время, воспроизводя в самом себе родовые сущностные признаки, человек посредством самосознания наполняет их определенными личностными смыслами, тем самым приводя в движение свои мотивационные и поведенческие структуры. В потребностях и интересах личности, ее эмоционально-чувственных переживаниях, знаниях, представлениях и убеждениях, волевых усилиях и целенаправленных действиях – во всем этом многообразии формируется персонализированное ценностное «ядро», нравственная позиция личности, проявляются ее совесть, долг, честь и достоинство, раскрывается уникальность, неповторимость человеческого «Я». Самосознание личности, наряду с отражением и познанием своих природных и социальных характеристик, отчетливо выражает в качестве ключевого звена ее моральное состояние, где во взаимосвязи находятся, с одной стороны, выработка ею представлений о нравственных идеалах, с другой, осмысление и оценивание с нравственной точки зрения различных своих реальных проявлений. Самосознание личности по существу выступает в качестве специфического морального субъекта, автономно существующего внутри самого человека. Исследование проблемы духовно-нравственной безопасности с таких позиций позволяет углубить представления о роли самого человека в системе национальной безопасности, более обоснованно анализировать его личностный потенциал в качестве реальной силы устойчивого социального развития.

Таким образом, духовно-нравственная безопасность представляет собой систему социальных условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности и самозащищенности человека, его сознания, отношений с окружающим миром от воздействия

различного рода угроз, что способствует возвышению человеческой духовности, гармонизации межличностных отношений, формированию благоприятного социально-психологического климата, стабилизации в целом общественных отношений. При таком рассмотрении в центре внимания находится сам человек, который, с одной стороны, выступает как объект воздействия внешних по отношению к нему угроз и, соответственно, нуждающийся в защите и получающий ее от различных социальных структур, с другой, как субъект, осознающий степень опасности тех или иных объектов и обеспечивающий свою самозащиту и защиту других от их негативного воздействия.

В теоретико-методологическом плане целесообразно разделять понятия «безопасность» и «обеспечение безопасности». Они «являются разнопорядковыми понятиями: *безопасность* выражает, прежде всего, существенную характеристику состояния социальной общности, тогда же как *обеспечение безопасности* – деятельностьную характеристику, то есть деятельность элементов социума по поддержанию безопасности. В этом отношении *безопасность* – основа целеполагания политики, а *обеспечение безопасности* – само реализуется как деятельность по достижению безопасного состояния общества или социальной группы» [2, с. 21].

В этой связи следует рассматривать:

– собственно духовно-нравственную безопасность как устойчивое, упорядоченное, надежное состояние социально-моральных связей и отношений. В содержательном плане здесь можно выделить: 1) достаточно развитый духовно-нравственный потенциал человека, который он сознательно и добровольно реализует в лично и социально значимых целях в своей деятельности, отношениях с другими людьми; 2) систему нравственных ценностей, отвечающих духу времени и целям социокультурного развития на определенном конкретно-историческом этапе; 3) отлаженный механизм моральной регуляции; 4) благоприятный морально-психологический климат общества, его различных подразделений; 5) эффективную систему нравственного воспитания и самовоспитания; 6) этические профессиональные кодексы;

– *обеспечение духовно-нравственной безопасности* как деятельность, направленную на ликвидацию угроз и создание благоприятных условий для духовного развития личности и общества. В процессе обеспечения духовно-нравственной безопасности можно выделить два вида воздействия: 1) *опосредованный*, когда решение актуальных проблем духовно-нравственного характера осуществляется спонтанно (попутно) в процессе самореализации человека в различных видах деятельности, в ходе реализации социальной политики государства, в действиях общественных институтов; 2) *непосредственный, или целенаправленный*, когда сам человек ориентирован на свое самосовершенствование, когда государственные и общественные институты, формальные и неформальные объединения граждан осуществляют различные действия с определенной целью – сознательно и организованно оказывать воздействие на духовный мир личности, морально-психологическое состояние тех или иных социальных общностей.

В качестве источника опасности для личности и общества выступают различного рода угрозы, которые принято подразделять на внешние и внутренние. Следует отметить, что «особенность проявления угроз здесь (в интеллектуальной и духовно-нравственной сферах) заключается в том, что они не всегда на конкретном промежутке времени имеют реальное воплощение. Однако их разрушительная сила оказывает постепенное негативное воздействие, которое в перспективе может стать необратимым» [2, с. 461]. В системе духовно-нравственной безопасности в первую очередь говорят об опасности, которая исходит от внутренних угроз, проявляющихся как на уровне личности, так и на уровне общества.

На уровне личности угрозой является прежде всего сам человек, в природе которого, если вспомнить известного английского философа Т. Гоббса, содержится источ-

ник опасности, который конкретно выражается в соперничестве, недоверии, жажде славы. Соперничая между собой, люди прибегают к насилию в целях наживы. Не доверяя друг другу, они вынуждены использовать насилие в целях самозащиты. Желание прославиться, честолюбивые амбиции не останавливают людей перед использованием силовых методов и средств [6, с. 151–152]. К внутренним угрозам на уровне личности следует отнести также неразвитость индивидуальных чувств и интеллектуальных способностей, различные неудовлетворенности, нездоровые амбиции, разочарование, неадекватность оценок и самооценок, деформации жизненных ориентаций, а подчас и полную личностную деградацию. В моральном отношении угрожающий и разрушительный характер для самой личности и ее окружения носят зависть, ненависть, жадность, жестокость, безответственность, беспринципность и другие негативные проявления человеческой природы. Такого рода угрозы исподволь, постепенно накапливаясь, способны превратиться в мощную силу, выходящую за пределы внутреннего мира человека, и стать серьезной опасностью как для жизни его самого, так и для функционирования различных общественных структур, общества в целом. Поэтому духовно-нравственная безопасность как социальный феномен напрямую зависит от уровня развития нравственной культуры личности.

На уровне общества к числу внутренних угроз духовно-нравственной безопасности относится нарастание кризисных явлений и процессов в жизни общества, его различных структур, которые непосредственно сказываются на дестабилизации, дезорганизации социально-нравственных связей и отношений, разбалансированности механизмов моральной и правовой регуляции, снижении эффективности работы системы образования и воспитания, ухудшении социально-психологического климата в обществе. Более конкретно здесь можно рассматривать негативное воздействие на морально-психологическое состояние человека и общества таких социальных явлений и процессов, как социально-имущественное расслоение населения, безработица, бюрократизация, нарушение прав человека, социальное сиротство, нелегальная миграция, коррупция, криминализация, «дедовщина» и др.

В качестве внешних угроз духовно-нравственной безопасности выступают различного рода идеологические и психологические «вторжения» (диверсии и экспансии) в индивидуальное и общественное сознание с целью дезориентации, расшатывания и разрушения смысложизненных установок и нравственных ориентаций. В настоящее время действия подобного рода активно осуществляются как через средства массовой информации, так и через новые средства информационных коммуникаций. Особо в этой связи следует сказать об информационном поле Интернета, в котором ценность свободы зачастую превращается в различные формы распущенности и вседозволенности, открыто пропагандируются бездуховность, асоциальность. Тревогу вызывает деятельность новых религиозных организаций (неокультов), которые в условиях так называемого «религиозного ренессанса» осуществляют целенаправленные «атаки» на духовный мир личности.

Процесс обеспечения духовно-нравственной безопасности в значительной мере зависит от функционирования механизмов моральной регуляции и саморегуляции. Мораль, являясь одной из основных внутренних детерминант человеческой жизнедеятельности, призвана выполнять свою основную функцию – регулирующую. Проявление этой функции на разных уровнях социальной организации имеет свои специфические черты.

На *общественном* уровне, где человек формируется и проявляет себя как представитель различных социальных групп, мораль действует прежде всего в виде такого средства регулирования, как нравы. Нравы представляют собой относительно устойчивую совокупность традиций, обычаев, суждений о должном, норм и оценок поведения, которые сформировались на уровне обыденного сознания и функционируют посредст-

вом механизмов общественного мнения, долга и совести. В зависимости от социальных, демографических характеристик различают нравы семьи, нравы молодежной среды, нравы сельских жителей, нравы городских жителей, нравы преступного мира и др.

На *государственном* уровне, где человек формируется и проявляет себя как представитель определенной формы государственности, ее структурных образований, нравственные ценности являются важной составной частью государственной идеологии, находят отражение в юридическом законодательстве, а также могут быть представлены в виде самостоятельных этических кодексов поведения человека. На государственном уровне моральные ценности транслируются через государственные органы управления, сферу профессиональной деятельности, систему образования, СМИ и др.

На *личностном* уровне, где человек развивается и реализует себя как уникальное духовное существо, способное осознанно и по своей воле принимать решения и нести за них персональную ответственность, мораль получает наиболее полное выражение в качестве самостоятельной личной системы жизненных установок и убеждений, внутреннего морального законодательства. На этом уровне моральное регулирование осуществляется через самопознание, самоконтроль, самовоспитание, самореализацию личности.

Обеспечение духовно-нравственной безопасности будет позитивно и эффективно осуществляться, если моральная регуляция на различных социальных уровнях будет не только слаженно функционировать и взаимодействовать между собой, но и последовательно и неуклонно совершенствоваться, способствуя на личностном уровне реализации идеала духовно богатой личности, на государственном уровне – идеи демократического правового государства, на общественном уровне – идеи развитого гражданского общества.

Выводы

Таким образом, в современных условиях все более начинает осознаваться то, что стабильность социальных связей и отношений, устойчивость и динамичность социально-экономического развития в значительной степени зависят от состояния духовно-нравственной сферы, морально-психологической обстановки в различных социальных группах, уровня развития нравственной культуры личности. Принимая во внимание чрезвычайную актуальность духовно-нравственной проблематики, в системе национальной безопасности необходимо значительно усилить гуманитарный блок, как можно полнее отразить в нем основные тенденции социально-морального развития современного человека, злободневные проблемы в сфере человеческих взаимоотношений, освободиться от устаревших стереотипов и шаблонов в трактовке вопросов духовной жизни. Формирование системы духовно-нравственной безопасности позволит как оценить степень опасности внешних и внутренних факторов для морально-психологического состояния личности и общества, так и определить потенциальные и реальные духовные силы самого человека, возможности различных социальных институтов по преодолению разного рода угроз, стабилизации и совершенствованию общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грядущее информационное общество / А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 392 с.
2. Национальная безопасность Республики Беларусь. Современное состояние и перспективы / М.В. Мясникович [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2003. – 562 с.

3. Виноградов, А.В. Проблемы национальной безопасности / А.В. Виноградов // Право и безопасность [Электронный ресурс]. – 2003. – № 1–2. – Режим доступа : http://dpr.ru/pravo/pravo_5_26.htm. – Дата доступа : 17.01.2008.

4. Яновский, Р.Г. Духовно-нравственная безопасность России / Р.Г. Яновский // Социологические исследования. – 1995. – № 3. – С. 39–47.

5. Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека. – М. : Наука, 2001. – 237 с.

6. Гоббс, Т. Избранные произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 748 с.

Pavlovskaya O.A. Spiritual-moral Security of the Society: Experience of Systematisation

A shift to the side of internal determinants of the society life has occurred under influence of modern challenges and threats in security sphere, factors of moral-psychological character manifest themselves more and more distinctly as well. In the article the specificity of spiritual-moral security according to which the real man who appears on the one hand as an object of influence of various threats and internal source of social danger and on the other hand as a subject of ensuring personal and national security is situated in the centre of attention is proved. The main components of the system of spiritual-moral security of the modern society are considered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.03.2008

УДК 29:320.3:321(476)

Н.А. Кутузова

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ

Статья посвящена анализу основных концептуальных положений социальных проектов новых религиозных организаций. Автор дает трактовку форм религиозного радикализма, считая, что необходимо различать собственно религиозный радикализм, религиозно-этнический и религиозно мотивированный политический радикализм. Выявлены отличительные черты данных форм радикализма, идеологический, организационный потенциал. Автор подчеркивает, что распространение религиозного радикализма является аспектом более широкого комплекса проблем, связанных с угрозами национальной безопасности Республики Беларусь: новые религиозные организации экстремистского толка представляют угрозу как в идеологической сфере, так и в качестве субъектов потенциально противоправной деятельности.

Введение

В научной литературе радикализм трактуется как совокупность идей и действий, направленных на кардинальное (*radix* (лат.) – корень) изменение существующей системы социальных, религиозных, политических и других отношений. Кроме того, радикализм рассматривается как особый психологический механизм, социокультурная традиция, обусловленная типом личности и особенностями развития общества и государства [1]. В современной научной литературе отсутствуют какие-либо системные исследования современного радикализма, в то время как существуют специальные исследования по отдельным аспектам радикализма (Д. Ольшанский – психология терроризма, А. Залужный, А. Верховский, А. Нуруллаев – религиозный и этнический экстремизм). Практически все исследователи считают, что для идеологии и психологии радикализма характерно негативное отношение к социальной действительности, признание одного из социально-поведенческих проектов как единственно возможного. В силу этих обстоятельств радикализм проявляет себя в формах нигилизма, экстремизма, фанатизма, терроризма. Некоторые исследователи, в частности Д. Ольшанский, выделяют «радикализм мысли» и «радикализм формы». Первый исходит из признания самоценности социальных и политических конструкций (анархизм, социализм, индивидуализм) и предлагает действия, которые ведут к реализации данных проектов. Второй предлагает разрушение с последующим созиданием на основе примитивных социальных проектов [1, с. 169–170].

Различают правый, левый, анархистский, революционный, реформаторский, консервативно-охранительный типы радикализма. Данное многообразие показывает отсутствие жесткого понятийного аппарата, позволяющего описывать феномен радикализма. Радикализм трактуется как особая синтетическая идеологическая система, возможная в любой политической и социальной среде. Д. Ольшанский допускает, что радикализм может являться «энергетической политико-психологической основой любой идейно-политической конструкции» [1, с. 170].

Религиозный радикализм возникает в рамках определенной религиозной традиции, выделяется из нее путем критики и противопоставления базовому вероучению, его источником, как правило, является харизматический культ лидера.

В Беларуси, как и в любой другой стране, постоянно происходят процессы появления деноминаций с последующей харизматизацией лидеров либо оформления внеконфессиональных вероучений, авторами которых являются самозванные «пророки», «духовные учителя», получающие «откровения». Распространяется такая идеология – вероучение среди небольших групп последователей. Учету такие группы не подлежат,

к государственной регистрации не стремятся, в поле зрения властей или экспертов попадают лишь тогда, когда сами стремятся к контакту, либо случайно.

Религиозный радикализм как идеологическая система и психологический комплекс имеет черты как регионального, так и универсального характера. Выявить особенности современного религиозного радикализма представляется возможным при решении следующих исследовательских задач: во-первых, необходимо произвести системный анализ религиозных форм современного радикализма: их субъектов, особенностей идеологии, деятельностного потенциала, возможностей развития; во-вторых, уточнить терминологический аппарат радикализма и его смысловые коннотации (фанатизм, экстремизм, терроризм); в-третьих, рассмотреть специфические черты социально-религиозных проектов. В основе методологической программы данного исследования лежит изучение радикалистских концепций как знаковых систем на основе структуралистского моделирования идеологических и социальных кодов, сравнительного анализа концепций схожей ориентации. Таким образом, изучение форм религиозного радикализма основано на анализе основных идеологических, организационных и коммуникативных концептов.

В настоящее время довольно подробно описана история философии радикализма от XVIII до XX веков. При некотором разнообразии трактовок истории радикализма согласны в том, что определяющую роль в формировании идейных установок радикализма играет социальная среда, главным образом субъект – создатель идеологии, а также возможности политической системы и коммуникационной среды. Историки современного радикализма также отмечают, что особенностью радикалистских установок XX века стала выраженная социально-политическая доминанта (Мао Цзе-Дун, представители Франкфуртской школы, движение «новых левых», Эрнесто Че Гевара, Жоао Карлос Марингелла и европейские теоретики «городской герильи», неомарксисты, Гальвано Делла Вольпе, Эрнст Мандель, теоретики «альтернативных обществ»: Иммануил Валлерстайн, Франц Фанон, Луи Альтюссер и другие) [1; 2]. Однако исследователями также отмечается тот факт, что современные политические, социальные и коммуникационные системы, будучи подвержены тенденциям глобализационной унификации, постепенно сокращают поле возможных проявлений радикализма, заимствуя и реализуя некоторые из радикалистских проектов прошлого (например, идеи «экоциализма», экологическая доминанта гражданских инициатив). Если альтернативные движения 80-х годов не претендовали на тотальное изменение общества, протестуя против государства как «мегамашины» и формируя региональные гражданские инициативы, то новый радикализм, в том числе и религиозный (90-х годов XX века и нынешний), является реакцией на процессы глобализации и унификации.

Причины развития религиозного радикализма в нашей стране, как и в странах СНГ, связаны с ростом религиозности населения, который наблюдается с 90-х годов. Последние социологические исследования показывают, что в Беларуси уровень религиозности населения достиг 60% [3, с. 81], по данным 2000–2001 годов уровень религиозности населения не поднимался выше 50%. В структуре религиозности внеконфессиональные формы занимают значительное место. В своих доктринах новые религиозные организации эксплуатируют широкий спектр популярных социально-политических идей от призыва к национальному (или этническому) возрождению до полного космополитизма (интернационализма). Религиозные группы, исповедующие внеконфессиональные верования, формируются значительно быстрее и легче, в отличие от политических партий. Новые политические идеи, особенно радикалистской направленности, вызывают некоторую осторожность у граждан, членство в политических партиях не является популярным. А эклектическая смесь религиозных, псевдонаучных идей с социаль-

ными и политическими программами вызывают неизменный интерес у представителей практически всех социальных групп.

В настоящее время религиозный радикализм развит в трех основных формах: во-первых, собственно религиозный, во-вторых, религиозно-этнический, в-третьих, религиозно мотивированный политический радикализм.

Собственно религиозный радикализм развит в локальных, малочисленных группах, формирующихся вокруг духовного лидера [4]. Экспертам известна новая «пророческая школа» из небольшого города Ж., возглавляемая Валерием Е. Голоса и видения «приходят» к нему около 5 часов утра. Он пенсионер, все свободное время читает Библию, знает ее почти наизусть (или близко к тексту), начал изучать ее в детском возрасте. Считает себя «воплощением» Зоровавеля и «вспоминает» о подробностях строительства храма во времена Соломона. Текст пророчеств В.Е. «Евангелие царства» насчитывает более 80 страниц. Это мозаика из библейских цитат и сюжетов. «Пророческая школа» составляет около 20 человек, у которых также бывают видения, но какие-либо связные тексты ими не передавались. «Пророк» Е. заявляет о видении скорого конца света (через 1 200 дней), который уже должен был наступить, но отложен. В.Е. собирался переселиться вместе со своими прихожанами за Урал еще в 2004 году, но новое видение (Господь пообещал спасти его населенный пункт только ради прихожан) остановило его. «Пророк» критически настроен против оккультизма, считает его мировым злом, искушающим человечество.

Еще одна организация, возглавляемая Г.П. (Брест), строит свое вероучение на псевдохристианских идеях и главным орудием дьявола считает СПИД. В «Открытом письме к президентам» Г.П. призывает: «Мы стоим на пороге эпидемии по верхнему вирусу СПИД, который будет нарушать связь с Богом головного мозга человека! Прекратите рекламу всего, что против Заповедей! Измените свое поведение в мыслях и действиях. Воры, убийцы, торговцы наркотиками, террористы, ловящие рыбу электротоком...! Творимым злом вы толкаете СПИД к более опасным формам, – готовите к смерти себя и своих детей. Правители стран с жесточайшими вооружениями! Пожалейте жизнь свою и сограждан! Все воюющие! Остановитесь! Миритесь и целуйтесь!» Г.П. сообщает, что свои материалы отправил не только президентам, но и в академии наук стран СНГ, в прессу, пытаясь добиться широкого резонанса, однако пока безуспешно.

Подобные харизматические культы далеко не всегда бывают безобидными. Нелепые вероучения пропагандируются лидерами-харизматиками в микрогруппах последователей, которые зачастую пытаются реализовать социальные эсхатологические проекты. Пример тому – группа последователей П. Кузнецова, ожидавшая Апокалипсиса весной 2008 года в пещере под Пензой.

Данный вид радикализма можно считать «тихим»: лидеры не призывают к масштабным социальным потрясениям, политическому протесту, ориентируются на узкий круг адептов. Именно адептам предписывается реализовать альтернативный социально-религиозный проект: разорвать семейные узы, отказаться от официальной церкви, от официального образования, медицинских услуг, документов, не использовать продуктов цивилизации (товаров, маркированных штрих-кодом, и пр.). В 70-х годах подобные идеи развивались т. н. движением Иисуса, позже его направлениями, в том числе организацией «Дети Бога» (секта Д. Берга), официально признанной в ряде стран деструктивной. «Экополис Тиберкуль» как альтернативный проект «Церкви Последнего Завета» Виссариона уже более десяти лет реализуется в Красноярском крае. «Церковь Унификации» Муна направлена на формирование новой семьи и отрицание традиционного института семьи и брака. Исследователь новой религиозности Т.П. Короткая отмечает, что данному типу религиозного радикализма присущ хилиазм или милленаризм (учение о земном рае, доступном для немногих избранных). Чертами альтернативного со-

циального проекта являются примитивные формы хозяйственной жизни, патриархальная семья или коммуна, культ духовного лидера, эсхатологичность мышления [5, с. 81].

Радикализм подобного рода, несмотря на ограниченный круг его последователей, обладает мощным деструктивным потенциалом, ставя под сомнение социально-значимые ценности и отношения. Он составляет основу для формирования религиозного и социального фанатизма. Многие исследователи (например Д. Ольшанский) рассматривают фанатизм как феномен групповой и массовой психологии, базирующийся на вере, которая внедряется лидером-харизматиком в сознание верующих в готовом виде, без логических обоснований, но подкрепляется убеждением исключительности собственной идеологии и готовностью к самопожертвованию во имя идеи (вероучения) [1, с. 179–187]. Религиозный фанатизм толкает приверженцев подобных учений на противоправные действия: не все фанатики являются террористами, но все террористы – фанатики. Адепты всех вышеназванных организаций активно занимаются мессианской, пропагандистской деятельностью, привлекая в свои ряды новых адептов.

Идеи радикалистской направленности в той или иной степени могут быть присущи практически любой конфессии. Ряд лидеров и идеологов Русской православной церкви призывает к отказу от ИНН, социальных и страховых номеров, электронных паспортов, рассматривая их как «печать Антихриста или число Зверя», выступая таким образом против электронной унификации и «экуменизма – церкви глобализма сатаны» [6].

Религиозно-этнический радикализм представлен в настоящее время эклектичным комплексом идей традиционалистской (консервативной) ориентации: возрождение этнической религии, этнически чистого общества и государства. Социальной базой данных организаций является городская интеллигенция. Именно в этой среде формируются утопические проекты, где нет места политической и экономической глобализации, мировым религиям, в том числе христианству. Социальному расслоению противопоставляется идея этносоциализма, просматривается антисциентистская и антитехнократическая направленность, характерны идеи нативизма и био (эко-) политики, -права, -экономики.

С 90-х годов носителем идеологии религиозно-этнического радикализма является определенная часть интеллигенции России, Украины, Польши, Беларуси. В Латвии проект «латышского государства» развивается в идеологии неоязыческой организации «Dievturība». Неоязыческая организация «Rodzima Wiaga» существует в Польше с начала 90-х годов, в 1996 году была зарегистрирована. Председателем является доктор философии Станислав Потребовский. Наиболее авторитетные общины существуют в Кракове и Щецине, они же практически на 80% являются молодежными (средний возраст 18–27 лет). Основная социальная база – городская молодежь. «Rodzima Wiaga» – политизированная организация. Деятели активно участвуют в политическом процессе, критикуют католическую церковь, работают со СМИ. Организация имеет довольно разветвленную структуру, подчиненную территориально-административному делению страны. Несмотря на то что деятельность организации осуществляется легально, польские местные органы власти и католическая церковь создают разнообразные препятствия для проведения мероприятий родноверческих общин, для регистрации общин местными органами власти, трактуют деятельность этой организации как проявление политического радикализма либо экстремизма. По своей сути «Rodzima Wiaga» является типичным примером религиозно-этнического радикализма. Доминантами идеологии являются идея этнического возрождения поляков, широкий спектр культурных проектов от фольклорных программ до исторической реконструкции. Претензии на захват власти или организацию массовых беспорядков у названных организаций отсутствуют, однако эти факторы определяются ресурсом организаций, возможностями политического пространства.

«Rodzima Wiara» участвует в мероприятиях так называемого «родноверческого движения», которое развито в Российской Федерации, Украине. В Беларуси оно представлено малочисленными группами последователей. «Родноверство» представлено в Украине и в украинской диаспоре многими течениями: «Родная вера», РУНВер, «Ладовир», «Ягновир», орангийцы. Они объединены идеей возрождения дохристианских верований украинцев и рассматривают христианство как «чуждую» для Украины религию, а процесс возрождения язычества считают необходимым условием процветания украинской нации. В настоящее время действует также Объединение Родноверов Украины (ОРУ) и Украинская Духовная Академия Родноверов (УДАР).

С конца 90-х годов в интеллигентской среде России, Украины, Беларуси актуализируется идея панславянского единства как ответная реакция на разорванные связи бывших субъектов СССР. На территории Республики Беларусь предпринимаются попытки консолидировать разрозненные славянские организации в целое движение. Идеология панславянского движения строится на критике глобализации, пропаганде идеи сближения государственных и общественных инициатив славянских народов. Славяне рассматриваются как суперэтнос, или культурно-политическая, идеологическая и государственная общность народов. Новая доктрина строится на легендарной истории, которая интерпретируется с политических позиций. Так, например, один из теоретиков нового мифа, известный историк Ю.А. Шилов, считает, что славянская цивилизация (государственность) началась не с рабовладельческой формации и базировалась не на эксплуатации, войнах, а на иных ценностях. Ю. Шилов ссылается на древнейшее в мире легендарное государство Аратта, которое якобы существовало на территории нынешних Украины и Беларуси с 6200 г. до н.э. и было апофеозом первобытно-коммунистического строя с его неперемными атрибутами: сотрудничеством, согласованностью действий, общинной государственной соборностью, экологической нравственностью [7]. Врагами славянского суперэтноса провозглашаются иудео-масоны, целью которых является захват кредитно-финансовой системы государств и создание Нового Мирового Порядка с мировым правительством в виде Евросоюза. В связи с этим лидеры панславянского движения предлагают рассмотреть вопрос о воссоздании «Духовно-Родовой Державы Русь», перейти на собственный календарь космических циклов, очистить государственный аппарат, средства массовой информации, систему образования, культурные учреждения, государственные научные учреждения от агентуры Евросоюза.

В среде украинских панславянских организаций распространяются материалы автора М. Коханевича «Мир должен стать украиноцентричным. Новое понимание». В данном репринтном издании пропагандируются не неоязыческие идеи, а оккультные, подчеркивается, что «оранжевая революция» со временем перекинется на другие страны бывшего СССР и приведет к объединению в Единую Космическую Семью; на Украину возлагается особая миссия: ее жители должны стать «Свободными Козаками», «живущими по Космическим Законам» [8].

При явной утопичности и фантастичности панславянского проекта необходимо отметить его большую популярность в кругах научной, творческой, военной интеллигенции в определенной возрастной группе (от 45 лет и старше), потенциал в плане распространения в системе образования.

Религиозно-этнический радикализм, пропагандирующий этноцентризм, негативизм в отношении мировых религий, вполне может принимать форму религиозно мотивированного политического радикализма, стать идеологической основой экстремизма и представлять опасность для общества.

Религиозно мотивированный политический радикализм представляет собой идеологию и деятельность, направленную на изменение государственного строя сило-

выми методами, захват власти, нарушение суверенитета, создание незаконных вооруженных формирований, провокацию религиозной или национальной вражды. Субъектами данной идеологии выступают религиозные организации либо организации, идеология которых включает элементы религиозности.

Примером может служить Клуб славянской традиции «Схорон Еж Славен», который нелегально осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь с 2002 года. Информация о доктрине (вероисповедании) и деятельности распространяется посредством нескольких репринтных изданий и сайта [9]. «Схорон Еж Славен» позиционирует себя как соратников РНЕ, среди близких по доктрине и организационным структурам называет ряд профашистских организаций, группы скинхэдовского движения. «Схорон Еж Славен» имеет иерархическую структуру, региональные и мелкие районные отделения со своими лидерами, подчиняющимися верховным жрецам. Основной социальный состав организации – это молодежь в возрасте от 15 до 23 лет, со средним или средним специальным образованием.

В целом особенности организационной структуры и идеологической доктрины позволяют характеризовать «Схорон Еж Славен» не просто как радикалистскую, а как *потенциально деструктивную организацию с выраженной экстремистской ориентацией*. Идеологический национализм и ксенофобия, разжигание этнической и национальной розни, культ вседозволенности в совокупности с активной организационной деятельностью, созданием военизированных структур (в материалах «Схорон Еж Славен» содержится реклама боевых единоборств, которым обучают специальные тренеры), экстремистской евгенической программой, направленной на отбор (биологический и педагогический) здорового поколения и «освобождение» от «этнического (или расового) мусора», свидетельствуют о возможности совершения противоправных действий членами данной организации.

Религиозно-политический и социальный проект, предлагаемый данными организациями (группы РНЕ, Партия ведического социализма, «Коловрат», «Корпус варваров»), сводится к утопической концепции «соборного государства», основанной на идеях элитарности власти, иерархизме, аристократической (или олигархической) форме правления. Иерархия выражается в том, что более ответственные проявляют «отеческую» заботу об остальных, а те отвечают им доверием и личной преданностью. Сама идея «соборного государства» является утопичной, так как стирает грань между частным (личным) интересом и политическим, создает иллюзию вовлеченности в политику абсолютно всего населения и предлагается как альтернатива существующей политической системе, при этом подается как «этническая идея». Ключевым понятием социально-политических доктрин является нация (этнос), которая описывается как моральная, ценностная и психологическая общность в противопоставлении «образу врага» (иной нации (этносу), Евросоюзу как образу «Нового мирового порядка»).

Идеологическая альтернативность подобных организаций, подкрепленная организационными возможностями, ориентации или зачастую даже программы кардинальных изменений в политической и социальной системе позволяют рассматривать их как носителей идеологии политического радикализма.

Для подавляющего большинства религиозно-политических организаций религиозный (мировоззренческий) фактор в оформлении доктрины является приоритетным; как правило, социально-политические программы носят вторичный характер. Однако если говорить о клубе «Схорон Еж Славен», наблюдается обратная тенденция: неоязыческие идеи являются своего рода «приманкой» для неофитов, доминанты ставятся на политической деятельности радикалистского толка. Хотя понятие «религиозно мотивированный радикализм» терминологически и концептуально не оформлено, тем не менее практика аналитической работы с материалами подобных организаций приводит к

мысли о необходимости более пристального внимания к потенциалу данных идеологических доктрин, который важно рассматривать в комплексе с организационными возможностями, политическими притязаниями, социальной базой данных организаций.

Выше были выделены основные формы религиозного радикализма и их идеологический и деятельностный потенциал, а также их альтернативные социальные проекты, носящие явно утопический характер. Религиозный радикализм – явление вечное, присущее любой эпохе и региону. Социальную опасность представляют его противоправные формы, выраженные в деятельности экстремистских религиозно-политических организаций, о чем свидетельствуют мнения российских экспертов и данные мониторинга правонарушений в Российской Федерации, мотивированных религиозной либо этнической неприязнью, а также квалифицируемых как экстремистские либо террористические действия [10]. Думается, при целенаправленной профилактической работе можно избежать деструктивных последствий распространения радикалистских идей, не позволив радикализму оформиться институционально и выразиться в противоправных формах.

Выводы

Во-первых, необходимо различать три основные формы религиозного радикализма: собственно религиозный, религиозно-этнический, религиозно мотивированный политический радикализм.

Во-вторых, чертами альтернативных социальных проектов, развиваемых адептами локальных религиозных радикалистских групп, являются примитивные формы хозяйственной жизни, патриархальная семья или коммуна, культ духовного лидера, эсхатологичность.

В-третьих, религиозно-этнический радикализм основывается на эклектическом комплексе идей традиционалистской (консервативной) ориентации: возрождение этнической религии, этнически чистого общества и государства. Ему присущ этноцентризм, негативизм в отношении мировых религий, он может стать идеологической основой экстремизма.

В-четвертых, религиозно мотивированный политический радикализм представляет собой идеологию и деятельность, направленную на изменение государственного строя силовыми методами, захват власти, нарушение суверенитета, создание незаконных вооруженных формирований, провокацию религиозной или национальной вражды. В основе данной идеологии лежит утопическая концепция «соборного государства», идеи элитарности власти, социальной иерархии, аристократической (или олигархической) формы правления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский, Д. Психология терроризма / Д. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 288 с.
2. Тарасов, А. Общественная мысль XX века: практически ценное для радикала наших дней [Электронный ресурс] / А.Тарасов. – Режим доступа : <http://radical-xxi.narod.ru>. – Дата доступа : 15.09.2007; Альтернативные движения в странах Западной Европы: социально – политические аспекты / Е.Н. Агладзе [и др.] // Реферативный сборник // Академия Наук СССР. Институт информации по общественным наукам. – М., 1984. – 277 с.; Социокультурные утопии XX века. Вып. 5. Реферативный сборник / Э.А. Араб-Оглы [и др.]. – М. : Академия Наук СССР. Институт информации по общественным наукам, 1988. – 175 с.
3. Беларусь после религиозного бума: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – № 4. – С. 46–55.

4. Использовались репринтные материалы названных авторов, а также материалы бесед с ними.
5. Короткая, Т.П. Социальные утопии / Т.П. Короткая // Неокульты: идеология и практика / Е.С. Прокошина [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2005. – С. 74–90.
6. Филимонов, В.И. Святое Православие и тайна беззакония – XXI век / В.И. Филимонов. – Вектор, 2006. – 480 с.; репринтные издания – сборники «Как спастись в современном мире»; сочинение иеросхимонаха Рафаила (Берестова) «Набат», 2004 г.
7. Шилов, Ю.А. Истоки протославянской культуры: Государство Арата / Ю.А.Шилов // Славянское вече-2 : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Жизнеутверждающая культура славянской цивилизации» и международного семинара «Концептуальные проблемы славянской цивилизации». – Минск, 2003. – С. 355–368.
8. Коханевич, М. Мир должен стать украиноцентричным. Новое понимание / М. Коханевич. – Черновцы, 2006. – 145 с.
9. Использовались репринтные материалы журнала «Родник» – вестник клуба славянской традиции «Схорон Еж Славен» (август 2005 г, № 4 (январь 2006 г.), №5 (апрель 2006 г.), № 6 (июль 2006 г.); а также материалы сайта www.slav-pride.net.
10. Нуруллаев, А.А. Религиозно-политический экстремизм: понятие, сущность, пути преодоления / А.А. Нуруллаев // Десять лет по пути свободы совести : материалы науч.-практ. семинара. – М., – 2002. – С. 58–60; Верховский, А. Государство против радикального национализма / А. Верховский. – Москва: Панорама, 2002. – 111 с.; Залужный, А.Г. Экстремизм: сущность и способы противодействия / А.Г. Залужный // Современное право. – 2002. – № 12. – С. 23–27; Афанасьева, Р. Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде / Р. Афанасьева // Власть. – 2007. – № 5. – С. 51–55.

Kutuzova N.A. The Religious Radicalism and Alternative Social Projects

The article is devoted to the analysis of the basic social concepts of new religious organizations. The author gives his own treatment of forms of religious radicalism, considers, that it is necessary to distinguish the religious, religious and ethnic radicalism, religious motivated political radicalism. The author reveals specialties, its ideological, communicative and organizational potential. The author emphasizes, that the spreading of new radical religiousness is an aspect of a broad system of problems connected with threats of national safety in Belarus: the new religious organizations, being extremist on their nature, represent the threat both in the ideological sphere, and as subjects of potentially (eventually) illegal activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.03.2008

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476) «1941/1945» (512.145)

С.У. Грыбава

УДЗЕЛ БЕЛАРУСКІХ ТАТАР У ПАДПОЛЬНЫМ РУХУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

У дадзеным артыкуле аналізуецца інфармацыя аб дзейнасці беларускіх татар падчас Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі ў складзе падпольных антыфашысцкіх арганізацый, якая атрымала афіцыйнае прызнанне ў пасляваенныя гады. Большасць матэрыялу прысвечана барацьбе мясцовых татар у мінскім падполлі (у складзе такіх разведвальна-дыверсійных груп, як «Мсціўцы», «Першыя», у падпольнай групе на гарбарным заводзе «Большавік», групе ў складзе цэлай татарскай сям'і Адамовічаў). У артыкуле таксама разглядаецца дзейнасць татар, ураджэнцаў Беларусі, ва ўзденскім падполлі. Матэрыял у асноўным грунтуецца на дадзеных Нацыянальнага архіва РБ і ўспамінах удзельнікаў ВАВ. Трэба адзначыць каштоўнасць змешчаных у артыкуле звестаў у сувязі з тым, што большасць з іх актуалізуецца і ўводзіцца ў навуковы ўжытак упершыню.

Уводзіны

У гераічны летапіс барацьбы супраць фашызму яскравую старонку ўпісалі і падпольшчыкі. Безумоўна, нельга пераацаніць значнасць падполля ў перамозе над нямецка-фашысцкімі захопнікамі. У складзе яго членаў вялі барацьбу з ворагам і беларускія татары. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз іх дзейнасці ў антыфашысцкай барацьбе ў межах падпольнага руху на тэрыторыі Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны.

Шмат высакародных і самаадданных учынкаў было здзейснена татарамі Беларусі ў складзе мінскага падполля. Звяртае на сябе ўвагу постаць Александровіча Хасана Мустафавіча, мінскага татарына, удзельніка падполля з лістапада 1941 г. па лістапад 1942 г. Ён з чэрвеня 1942 г. быў наборшчыкам лістовак і газеты «Звязда» другога, трэцяга, чацвёртага і пятага нумароў у акупаваным Мінску. Апошні нумар, на жаль, не выйшаў з прычыны масавых арыштаў падпольшчыкаў. Яго дзейнасці ў пэўнай ступені надаецца ўвага ў беларускай гістарычнай навуцы (Э. Іофе, І. Канапацкі, С. Грыбава) [1, с. 131–136; 2, с. 273–278; 3, с. 22–25]. У дадзеным артыкуле мы спынімся на малавядомых фактах барацьбы татарскага насельніцтва Беларусі ў падпольным руху.

Уклад беларускіх татар у перамогу над ворагам у складзе мінскага падполля

Трэба падкрэсліць актыўнасць барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі падпольнай групы ў складзе цэлай татарскай сям'і Адамовічаў (прызнана Пастановай бюро Мінскага ГК КПБ ад 26 кастрычніка 1983 г.), якая дзейнічала ў Мінску з верасня 1941 г. па 25 сакавіка 1942 г. У склад групы ўваходзілі: Адамовіч Ібрагім Аляксандравіч (кіраўнік), яго сястра – Адамовіч Алена Аляксандраўна, бацька – Аляксандр Ібрагімавіч – і маці – Марыя Іванаўна.

Навуковы кіраўнік – Г.Я. Галенчанка, доктар гістарычных навук, галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, прафесар кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы

Адамовіч Ібрагім Аляксандравіч (1917 года нараджэння) меў вышэйшую адукацыю, у 1941 г. скончыў політэхнічны інстытут у Мінску, быў членам ВЛКСМ. Яго бацька, Адамовіч Аляксандр Ібрагімавіч (1884 г.н.), меў сярэдняю адукацыю, да вайны працаваў галоўным бухгалтарам на прамысловым прадпрыемстве. Маці, Адамовіч Марыя Іванаўна (1888 г.н.), таксама мела сярэдняю адукацыю, працавала тавараведам. Сястра, Алена Аляксандраўна (1921 г.н.), скончыла першы курс Мінскага політэхнічнага інстытута. Да вайны сям'я жыла ў Мінску па вуліцы Чычэрына, д. 31, аднак пры першай жа бамбардзіроўцы гітлераўцаў дом згарэў, і пасля няўдалай спробы выйсці з горада яны перасяліліся да свайго знамага яўрэя (яго хутка немцы забралі ў гета) на Пугачоўскі завулак, 12 [4, л. 34]. З першых дзён акупацыі члены сям'і аказвалі дапамогу воінам Чырвонай Арміі, якія збеглі з лагераў ваеннапалонных ці не выйшлі з варожага акружэння. Хавалі іх у сваёй кватэры, забяспечвалі вопраткай, дакументамі, часова ўладкоўвалі на працу. Некаторыя з іх, атрымаўшы неабходныя дакументы, тапаграфічныя карты, пасля выходзілі з Мінска, далучаліся да партызанскіх атрадаў або былі ініцыятарамі іх стварэння (Д.І. Копанеў – начальнік штаба партызанскай брыгады «Народныя месціўцы» імя В.Т. Варанянскага, А.Ф. Сакалоў – камандзір атрада «Мсцівец» брыгады «Народныя месціўцы» імя В.Т. Варанянскага, І.І. Мураўёў і інш.) [4, л. 8].

Ініцыятарам шматлікіх рызыкаўных спраў быў Адамовіч Ібрагім. Выкарыстоўваючы свае прыродныя задаткі, ён з поспехам падрабляў пячаткі акупацыйных устаноў і подпісы начальнікаў на пашпартах, пропусках і іншых дакументах. Аднаму з першых ён зрабіў дакументы Леаніду Леаненку [4, лл. 7–8, 34]. Аб здольнасцях Ібрагіма Адамовіча сведчаць у сваіх успамінах падпольшчыцы Л.Д. Драгун і В.А. Салаўянчык, якія па заданні падпольшчыкаў уладкаваліся на працу ў Заявачнае бюро. Адтуль яны выкрадалі чыстыя бланкі пашпартоў, запаўнялі іх, а подпісы падрабляў Ібрагім Адамовіч (у падполлі «Боб») [5, л. 19; 6, л. 3].

Менавіта ў кватэры Адамовічаў па Пугачоўскім завулку, 12 неаднаразова збіраўся штаб падпольнай арганізацыі “Ваенны Савет партызанскага руху” (ВСПР). Гэтая арганізацыя ўзнікла ў верасні 1941 г. (дзейнічала да сакавіка 1942 г.) і ставіла сваёй мэтай агульнае кіраўніцтва партызанскім рухам у наваколлі Мінска пры супрацоўніцтве з падпольным ГК КП(б)Б [7, с. 37]. У штаб-кватэры абмяркоўваліся планы барацьбы з фашысцкімі захопнікамі, праходзілі сустрэчы падпольшчыкаў з сувязнымі партызанскіх атрадаў і груп. У кватэры Адамовічаў хаваўся начальнік штаба ВСПР І.М. Бялоў, які далучыў да падпольнай дзейнасці арганізацыі ўсю сям'ю. Адамовічы выконвалі даручэнні ВСПР, наведвалі ўдзельнікаў падполля ў іншых месцах горада, перадавалі ім неабходную інфармацыю і ўказанні. У іх былі сувязі з чыгуначным вузлом, дзе працаваў сябар Ібрагіма Адамовіча Мікола Вялічка («Малый»), з падпольнай групай політэхнічнага інстытута праз студэнта 3 курса С. Аўхіменя [4, лл. 7, 35]. З успамінаў Алены Адамовіч (у падполлі Галі) можна даведацца: «...из подпольных штабных квартир я знала квартиру в Серебрянке по ул. Надежденской, 14а, где жила Лидия Драгун, квартиру по ул. Берсона, 3, куда часто ходил брат, так как там жили машинистки, которые печатали приказы штаба ВСПД. ...квартиру Вороновых, по ул. Шорной, 9, которую мы с мамой часто посещали по заданию брата, ...и квартиру по ул. Проводной, 24. Знала, што на Комаровке тоже есть штабная квартира, но никогда там не была, с ней был связан мой брат» [4, лл. 34–35].

У кватэры Адамовічаў захоўваліся здабытыя зброя і медыкаменты. Тут жа друкавалі на пішучай машыныцы антыфашысцкія лістоўкі, якія потым распаўсюджвалі па горадзе. Алена Ібрагімаўна Адамовіч ўспамінае: «По приказанию штаба меня устроили в торговый отдел. Я доставала бумагу для листовок, копирку, ленту для печати. Удалось достать неисправную печатную машинку, которую брат починил. На ней мы с мамой и печатали воззвания к полицаям, чтобы они переходили к

партизанам, обращения к народу, что гитлеровцы – это наш заклятый враг и что они никогда не победят. ... В торговом отделе получали продукты немцы, полицаи. Часто шли разговоры о их планах. Нас они не считали за людей. Так я узнала о готовящихся погромах в гетто. У меня там была подруга Ф. Танхилевич, через которую я предупредила о намерениях фашистов. Доставала продукты для скрывающихся военных у нас» [4, л. 35].

Маці, Адамовіч Марыя Іванаўна, добра ведала замежныя мовы: нямецкую, літоўскую, французскую, польскую. Яна выкарыстоўвала свае веды на карысьць падполля. Кожны раз, знаходзячы новую прычыну, даставала ў немцаў медыкаменты. Прыслухоўваючыся да размоў немцаў, даведвалася аб іх планах, здабывала карысную інфармацыю. Алена Адамовіч успамінае і такі выпадак: «Однажды наш район окружили немцы и начали производить повальные обыски. Кругом стояли литовцы (паліцэйскія 12-га літоўскага паліцэйскага батальёна. – аўт.) и смотрели, чтобы никто не вышел из района оцепления. У нас находился человек, которому брат должен был сделать документы. Дома были я, брат, мама и бабушка. Надо было уходить. Мама вышла с нами и на литовском языке заговорила с литовцами. Они нас пропустили. Так мы спаслись, благодаря маме» [4, л. 37].

Бацька Ібрагіма і Алены, Адамовіч Аляксандр Ібрагімавіч, пачаў працаваць на фабрыцы-кухні, дзе ў гады вайны была сталовая БНС. Дзякуючы Аляксандру Ібрагімавічу, пэўны час на фабрыцы-кухні працаваў І.М. Бялоў (начальнік штаба ВСПР), І.І. Рогаў (старшыня ВСПР, член ГК КП(б)Б) і многія іншыя.

Трэба адзначыць, што ў кіраўніцтва ВСПР сям'я карысталася асаблівай павагай і даверам. Аб гэтым сведчыць і той факт, што загадам ВСПР ад 1 кастрычніка 1941 г. Адамовіч Аляксандр (у падполлі «Алебовіч») і Адамовіч Ібрагім былі прызначаны камандзірамі будучых партызанскіх атрадаў і груп [4, л. 27].

Аднак дзейнасць падпольшчыкаў была выкрыта немцамі. 25 сакавіка 1942 г. кіраўніка групы Адамовіча Ібрагіма арыштавалі ў штаб-кватэры па Берсана, 3 (за дзень да запланаванага адыходу ў партызанскі атрад). Астатніх членаў сям'і гестапаўцы забралі ў кватэры па Пугачоўскім завулку, 12. Аб гэтых трагічных падзеях у сваіх успамінах Алена Адамовіч (па мужу Томах) у 1983 г. пісала: «Поздно вечером к нам в квартиру ворвались гестаповцы и выгнали всех во двор. Начали обыск. Только не тронули бабушку, которая успела сесть на бланки, паспорта, приказы, хранившиеся у нее под матрасом. ... Нас привезли в гестапо, где мы увидели брата и много других людей, среди которых были и подпольщики. Нас поставили лицом к стене. ... Нас допрашивали, не имея улики. Маму с папой отпустили, а меня, брата, мужа и других незнакомых людей повели в тюрьму на ул. Володарского. После допросов через несколько дней меня и мужа отпустили. В управе на выдаче паспортов сидели друг Севы Авхименя и мой знакомый Александр Магилевич. Они срочно выписали нам поддельные паспорта, и мы с мужем выехали в г. Новогрудок, на родину отца. Мать и отец ушли на другую квартиру и стали искать возможность узнать что-нибудь о брате. Им удалось через подпольщиков наладить с ним переписку. ... В последнем письме брат написал, что его судьба предreshена, о нем в гестапо все известно...» [4, лл. 38–39].

У нямецкіх дакументах-справаздачах наконт арыштаў мінскіх падпольшчыкаў вясной 1942 г. паведамлялася, што гітлераўцамі было захоплена 404 чалавекі, 251 з іх расстраляны. Таксама адзначалася, што 7 мая 1942 г. у Мінску былі публічна пакараны смерцю яшчэ 28 чалавек [7, с. 40]. Як сведчаць удзельнікі мінскага падполля, гэты ж час пасля допытаў, на працягу якіх праявіў мужнасць і нікога не выдаў, быў павешаны і Адамовіч Ібрагім Аляксандравіч [8, л. 31; 4, лл. 9, 40].

Астатнія члены сям'і, бацька Адамовіч Аляксандр Ібрагімавіч, і маці Марыя Іванаўна, пасля гібелі сына пераехалі ў Навагрудак. Пэўны час сям'я Адамовічаў была

вымушана хавацца ў партызанскай зоне [4, л. 40]. А.І. Адамовіч памёр у 1944 г. Адамовіч Марыя Іванаўна пасля вайны працавала ў Мінску бухгалтарам (памерла ў 1978 г.), іх дачка, Алена Ібрагімаўна, скончыла будаўнічы факультэт Беларускага політэхнічнага інстытута, працавала па спецыяльнасці [4, л. 10–11].

Такім чынам, відавочна, што цэлая сям'я мясцовых татар Адамовічаў з'яўляецца яскравым прыкладам актыўных самаадданных барацьбітоў супраць фашызму на беларускай зямлі.

Пастановай бюро Мінскага гаркама КПБ ад 30 студзеня 1985 года (пратакол № 18, § 12) «Аб прызнанні дзейнасці падпольнай патрыятычнай групы на гарбарным заводзе «Бальшавік» у час Вялікай Айчыннай вайны 1941–45 гг.» была прызнана дзейнасць падпольшчыкаў на гарбарным заводзе [9, л. 1]. Група дзейнічала са жніўня 1941 г. па ліпень 1944 г. [10, с. 208]. У складзе ўдзельнікаў групы значацца 15 чалавек, у тым ліку татарын **Канапацкі Якаў Мацвеевіч** (1913 г.н.), які быў яе членам са жніўня 1941 г. па сакавік 1944 г., і яго сястра **Канапацкая** (па мужу Малаковіч) **Роза Мацвееўна** (1911 г.н.), член групы са снежня 1942 г. па сакавік 1944 г. [9, л. 1]. Асноўная дзейнасць падпольшчыкаў зводзілася да выкрадання з завода вырабленых скур, хімікатаў, медыкаментаў, солі і перадачы іх праз сувязных партызанам. Таксама падпольшчыкі распаўсюджвалі на заводзе лістоўкі, газету «Звязда». Яны падтрымлівалі цесную сувязь з камандаваннем партызанскай брыгады «Народныя мсціўцы» імя В.Т. Варанянскага і атрадаў «Мсцівец», імя А.В. Суворова, імя І.Г. Катоўскага Мінскай вобласці, выконвалі іх заданні [9, л. 1].

Канапацкі Якаў Мацвеевіч пачаў працаваць на заводзе «Бальшавік» у 1932 г. стрэгалшчыкам. Пасля акупацыі г. Мінска ў 1941 г. працягваў сваю працу на гэтым жа заводзе, бо з горада выйсці не паспеў, а ў Чырвоную Армію не змог трапіць па стане здароўя [9, л. 59]. Першапачаткова ў жніўні 1941 г. падпольная група стварылася ў складзе У.Ф. Гаеўскага (кіраўнік групы), Я.М. Канапацкага (намеснік кіраўніка групы), Р.І. Наркевіч, Ф.І. Гаеўскага. Працу групы накіроўвала член ВКП(б) В.Ф. Мацюшка, якая давала парады Гаеўскаму і Канапацкаму па арганізацыі работы групы, а таксама канкрэтныя заданні [9, л. 11]. В.Ф. Мацюшка з моманту стварэння падпольных раённых камітэтаў г. Мінска (май 1942 г.) выконвала функцыі намесніка сакратара падпольнага Варашылаўскага РК КП(б)Б. На пасяджэнні камісіі КП(б)Б, прысвечанаму мінскаму патрыятычнаму падполлю, 28 мая 1958 г. В.Ф. Мацюшка паведаміла: «На кожзаводе «Большевик», который не входил в мою зону, но мне было поручено доставать в отряд кожтовары, я связалась с В. Гаевским, Я. Конопацким, Р. Наркевич. Вот через этих трех комсомольцев я организовала работу. Они сколько могли выносили кожтовары, накапливали их по ул. Белорусской. Затем туда приходил из отряда Е. Волостных (камісар атрада імя Г.І. Катоўскага брыгады «Народныя мсціўцы» імя В.Т. Варанянскага. – аўт.) и кожтовары забирал в отряд. И даже когда я ушла, Волостных с этой группой обеспечивал партизанские отряды этими товарами» [11, л. 79].

Канапацкі Якаў Мацвеевіч стаяў ля вытокаў стварэння патрыятычнай групы на гарбарным заводзе і быў адным з актыўных яго ўдзельнікаў. Аднак у сакавіку 1944 г. дзейнасць падпольшчыкаў была выкрыта немцамі. Па падазрэнні ў сувязях з партызанамі разам з некаторымі іншымі членамі групы былі арыштаваны Канапацкі Якаў Мацвеевіч і яго сястра Роза Мацвееўна. Яны мужа трымаліся на допытах, нікога не выдалі і ні ў чым не прызналіся [9, л. 17]. Роза Мацвееўна ў сакавіку 1944 г. была вывезена немцамі на працу ў Германію, Якаў Мацвеевіч – у канцэнтрацыйны лагер у Францыю [9, л. 60]. У канцы вайны ён апынуўся ў амерыканскай зоне акупацыі і ў 1945 г. вярнуўся на Радзіму. Жыў і працаваў у Мінску. Я.М. Канапацкі за свой уклад у перамогу над агульным ворагам атрымаў наступныя медалі: «За баявыя заслугі», «Партызану Айчыннай вайны» 1-й і 2-й ступеней, «30 гадоў Узброеных Сіл СССР» [9, л. 25].

Нягледзячы на тэрор акупантаў у дачыненні да мінскіх падпольшчыкаў на працягу 1943–1944 гг., у горадзе ўзнікаюць новыя падпольныя групы. У складзе мінскага падполля, а менавіта ў спісе сувязных разведвальна-дыверсійнай групы «Мсціўцы» (кіраўнік С.В. Юрын), якая дзейнічала з ліпеня 1943 г. па ліпень 1944 г. у г. Мінску і суседніх раёнах, значыцца татарын **Мейшутовіч Адам Сулейманавіч** (1915 г.н.). Да вайны ён працаваў сталяром на будаўніцтве авіязавада. Сувязным групы А.С. Мейшутовіч быў з 22 студзеня 1944 г. Ён садзейнічаў выяўленню здраднікаў радзімы і нямецкіх памагатых [12, л. 8].

Татарка **Байрашэўская Марыя Канстанцінаўна** з 8 чэрвеня 1943 г. па 1 ліпеня 1944 г. выконвала функцыі сувязной падпольнай разведвальна-дыверсійнай групы «Першыя» (кіраўнік В.І. Жукаў), якая дзейнічала з 27 сакавіка 1943 г. па 1 ліпеня 1944 г. у г. Мінску, а таксама ў Смалявіцкім, Барысаўскім, Пухавіцкім і Чэрвеньскім раёнах Мінскай вобласці. Яна праводзіла работу па выяўленні здраднікаў Радзімы, кіраўнікоў пранямецкай БНС [13, лл. 1–2]. За сваю дзейнасць у барацьбе з ворагам М.К. Байрашэўская была ўзнагароджана медалём «Партызану Айчыннай вайны» 2-й ступені [14, л. 21а].

У барацьбе з ворагам таксама ўдзельнічала **Якубоўская (Нікалайчык) Таісія Якаўлеўна** 1927 года нараджэння, якая жыла ў Мінску па вул. Саўгаснай, д. 11 (непадалек ад Татарскай вуліцы, дзе размяшчалася мячэць). У 1940 г. памерлі яе бацькі, апекуном стаў брат маці – Александровіч Асан, які 24 чэрвеня 1941 г. пайшоў на фронт і загінуў у першыя дні вайны. Яна засталася адна. Як успамінае сама Т.Я. Якубоўская, з лістапада 1942 г. яна ўваходзіла ў склад падпольнай групы, якой кіравала Р.П. Духоўнікава (член мінскага падполля, сувязная партызанскага атрада «За радзіму» брыгады імя М.В. Фрунзе Вілейскай вобласці з верасня 1941 г. па ліпень 1944 г. – аўт.), якая жыла па суседстве і садзейнічала далучэнню Таісіі Якубоўскай да падпольнай працы. У маі 1943 г. члены групы арганізавалі ўцёкі 20-і ваеннапалонных і пераправілі іх у партызанскі атрад «За радзіму». З атрада атрымлівалі лістоўкі і зводкі інфармбюро, якія потым распаўсюджвалі [15, с. 63]. Таісія Якаўлеўна здабывала і перапраўляла партызанам зброю, медыкаменты, боепрыпасы, соль і іншыя неабходныя рэчы. Кватэра Таісіі Якубоўскай была явачнай для падпольшчыкаў і партызан, якія накіроўваліся ў Мінск па заданні. Дарэчы, Т.Я. Якубоўская была афіцыйна прызнана ў пасляваенныя гады сувязной атрада «За Радзіму» брыгады імя М.В. Фрунзе Вілейскай вобласці (з 15 лістапада 1942 г. па 3 ліпеня 1944 г.) [16, л.10, 14].

Антыфашысцкая барацьба беларускіх татар у складзе ўздзенскага падполля

Свой уклад у перамогу над ворагам прынеслі і падпольшчыкі з г. Узда Мінскай вобласці. Уздзенская раённая камісія па ўвекавечванні гераічных подзвігаў савецкіх людзей у гады ВАВ пасля вывучэння ўсіх неабходных матэрыялаў прызнала дзейнасць Уздзенскага патрыятычнага антыфашысцкага падполля і ў Пастанове ад 21 жніўня 1968 г. звярнулася з просьбай да РК КПБ аб зацвярджэнні спіса яго членаў. Станоўчае рашэнне райкам КПБ прыняў 3 верасня 1968 г. Сярод членаў уздзенскага падполля значыцца татарын **Александровіч Адам Якаўлевіч** (1923 г.н.). Да вайны – студэнт БДУ, член ВЛКСМ. Падчас акупацыі ён працаваў настаўнікам у Магільнянскай школе Уздзенскага раёна, потым меў дачыненне да выпіскі пашпартоў, працуючы ў Целякоўскай валасной управе, чым значна дапамагаў падпольшчыкам і партызанам. Членам уздзенскага падполля А.Я. Александровіч лічыцца з лістапада 1942 г. па ліпень 1944 г. У гэты час ён веў актыўную і разнастайную дзейнасць у барацьбе з ворагам. А.Я. Александровіч праводзіў сярод насельніцтва мястэчка працу, накіраваную на зрыў планаў немцаў. Ён садзейнічаў расклеиванню лістовак ва ўздзенскім нямецкім

гарнізоне, перадаючы іх надзейным людзям. Падкідваў лістоўкі ў калідоры нямецкай управы, паблізу паліцэйскіх пастоў [17, лл. 2, 13, 161]. Распаўсюджваў сярод насельніцтва пры дапамозе арганізаванай ім групы атрыманую з РК КП(б)Б савецкую літаратуру. Адам Якаўлевіч з'яўляўся сакратаром падпольнай камсамольскай арганізацыі. Адначасова ён выконваў функцыі сувязнога партызанскага атрада «Патрыёт Радзімы» 300-й брыгады імя К.Я. Варашылава Мінскай вобласці. А.Я. Александровіч збіраў і перадаваў партызанам звесткі дзейнасці пранямецкага СБМ, а таксама аб нямецкім гарнізоне, аб яго колькасным стане, узбраенні, аб тых мерапрыемствах, якія праводзілі немцы па ваеннаму ўмацаванню м. Узда [18, лл. 9–10; 19, л. 20]. Ён таксама забяспечваў партызан паперай і стужкамі для пішучых машынак [17, л. 13]. Усе даручэнні камандавання выконваў своєчасова і дакладна. У 1944 г. быў прызваны Уздзенскім РВК у Чырвоную Армію для далейшай барацьбы з фашызмам. Змагаўся ў складзе 2-га і 3-га Беларускіх франтоў [18, л. 9]. Падчас ваенных дзеянняў два разы быў паранены. Пасля вайны вярнуўся на радзіму. За ўклад у агульную перамогу над ворагам А.Я. Александровіч атрымаў наступныя медалі: «За адвагу», «За ўзяцце Кёнігсберга» і інш. [17, л. 161].

У спісе членаў антыфашысцкага ўдзенскага падполля значыцца і прозвішча татаркі **Раецкай Эміліі Аляксандраўны**. Нарадзілася яна ў 1917 г. у г. Узда. Беспартыйная, мела сярэдняю медыцынскую адукацыю. У падполлі Эмілія Аляксандраўна змагалася з ліпеня 1941 г. па ліпень 1944 г. [17, л. 108]. Да вайны і падчас акупацыі яна працавала ва ўдзенскай раённай бальніцы. З першых дзён вайны Э.А. Раецкая прыклдала шмат намаганняў па выратаванні параненых камандзіраў і байцоў Чырвонай Арміі, якія паступалі ва ўдзенскую бальніцу. Пасля заняцця гітлераўскімі войскамі Узды яна разам з іншым медперсаналам бальніцы хавала зброю, абмундзіраванне і боепрыпасы чырвонаармейцаў, якія лячыліся ў бальніцы, што выратаўвала іх ад арыштаў. Пасля загойвання ран байцы і камандзіры накіроўваліся ў партызанскія атрады. У лютым 1942 г. Мінскім падпольным ГК КП(б)Б было прынята рашэнне аб аб'яднанні невялікіх партызанскіх груп, штодзейнічалі на Уздзеншчыне, у партызанскі атрад, камандзірам якога быў прызначаны М.М. Нікіцін. Уздзенскія падпольшчыкі актыўна ўключыліся ў арганізацыю атрада. Э.А. Раецкая і Т.Г. Зайцава дасталі абсталяванне для стаматалагічнага кабінета, якое было перапраўлена ў атрад для партызанскага шпіталя [7, с. 115, 117]. Э.А. Раецкая перадала партызанам шмат медыкаментаў, перавязачных матэрыялаў, хірургічных інструментаў (з 10 кастрычніка 1943 г. яна лічыцца ў спісах сувязных партызанскага атрада імя Р.І. Катоўскага 300-й брыгады імя К.Я. Варашылава Мінскай вобласці), а таксама зброю і боепрыпасы. Яна даставала пісчую паперу і стужкі для пішучых машынак. За ўклад у перамогу над ворагам Э.А. Раецкая была ўзнагароджана медалем «Партызану Айчыннай вайны» 2-й ступені. Пасля вайны яна жыла ў Мінску [17, л. 108].

Заклучэнне

З прыведзеных дадзеных становіцца відавочным, што прадстаўнікі татарскага насельніцтва Беларусі не былі ўбаку падчас барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. Яны змагаліся і ў складзе падполля, свядома ідучы на рызыку, не шкадуючы ўласнага жыцця. Большасць з іх была прадстаўлена ў мінскіх падпольных антыфашысцкіх арганізацыях. Падпольная дзейнасць беларускіх татар супраць ворага атрымала афіцыйнае прызнанне ў пасляваенныя гады. Трэба адзначыць каштоўнасць сабраных намі матэрыялаў у сувязі з тым, што большасць з іх актуалізуецца і ўводзіцца ў навуковы ўжытак упершыню.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Иоффе, Э. К вопросу об участии татар в Великой Отечественной войне на территории Беларуси / Э. Иоффе // Исламская культура татараў-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі : матэрыялы другой міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 19–20 мая 1995 г. : у 2 ч. / Бел. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: І. Канапацкі [і інш]. – Мінск, 1996. – Ч. 1. – С. 130–137.
2. Канапацкі, І. Удзел татараў у Вялікай Айчыннай вайне на тэрыторыі Беларусі / І. Канапацкі // Народы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : материалы XI междунар. науч.-практ. конф., Мінск, 30–31 мая 2005 г. / Бел. гос. пед. ун-т ; редкол.: З.И. Канапацкая [и др.]. – Минск, 2006. – С. 263–278.
3. Грыбава С. Уклад мінскіх татар у перамогу над ворагам у час Вялікай Айчыннай вайны / С. Грыбава // Актуальныя праблемы історыі савецкіх Вооруженных сил и Вооруженных сил Республики Беларусь : науч. тр. / Брест. гос. техн. ун-т ; под ред. А.Н. Баюры. – Брест, 2008. – С. 18–25.
4. Постановление бюро Минского ГК КПБ от 26 октября 1983 г. о признании подпольной группы, рук. И.А. Адамович, действовавшей в г. Минске в 1941–1942 гг., и приложения к нему // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 270.
5. Воспоминания Драгун Л.Д. об участии в деятельности Минского антифашистского подполья в 1941–1943 гг. (подлинник и копия) 1960 г. // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 133.
6. Воспоминания Соловьянчик В.А. об участии в деятельности Военного Совета партизанского движения в 1941–1942 гг. (1959 г) // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 122.
7. Подвиги их бессмертны / Институт истории партии при ЦК КПБ ; сост. Л.В. Аржаева, А.Б. Рогов. – Минск : Беларусь, 1978. – 383 с.
8. Справка Института истории партии при ЦК КПБ и Института истории АН БССР от 1 декабря 1959 г. «К вопросу о партийном подполье в годы ВОВ (июнь 1941 – июль 1944 гг.)» // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 88.
9. Постановление бюро Минского горкома КПБ от 30 января 1985 г. о признании деятельности на минском кожевенном заводе «Большевик» подпольной патриотической группы в 1941–1944 гг. и приложения к нему // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 282.
10. Мінскае антыфашысцкае падполле / Камітэт па архівах і справаводства РБ, Нацыянальны архіў РБ ; рэдкал.: Я.І. Бараноўскі, А.М. Літвін [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1995. – 256 с.
11. Стенограммы заседаний комиссии ЦК КПБ об истории организации и деятельности Минского антифашистского подполья и его участниках. 1958 г. // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 74.
12. Список связных разведывательно-диверсионной группы «Мстители», проводившей операции в 1943–1944 гг. в г. Минске и его окрестностях // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 197.
13. Информация КГБ при СМ БССР от 30 июля 1980 г. о личном составе и деятельности связных разведывательно-диверсионной группы «Первые» в г. Минске // НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 195.
14. Отряд им. С.М. Кирова бригады им. С.М. Кирова, Минская обл. // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 53.

15. Нікалайчык, Т.Я. Тое, што помніцца / Т.Я. Нікалайчык // Байрам. – 1994. – № 4. – С. 61–63.

16. Постановление парторганов о признании граждан участниками партизанского движения Беларуси в годы ВОВ и приложения к ним (справки, заявления, личные листки по учету партизанских кадров, характеристики, свидетельские показания, рапорта др.) 20 марта – 8 апреля 1980 г. // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 743.

17. Документы о признании деятельности подпольной партийной организации КП(б)Б Узденского района (постановления, выписка из протокола, справка, информация, личные листки, фотографии, список). 1966-1969 гг. // НАРБ. – Фонд 1393. – Воп. 1. – Спр. 99.

18. Документы, на основании которых выданы партизанские справки и справки связных за 1947 г. (буквы А–И) // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 506.

19. Бригада им. К.Е. Ворошилова, Минская обл. // НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 151.

Gribova S. The Belarusian Tatars in Clandestine Activity During the Great Patriotic War in Belarus

The article includes information about the activity of the Belarusian Tatars who were the part of clandestine organizations during the Great Patriotic War in Belarus. Most of the material is devoted to the struggle of local Tatars in Minsk clandestine organization which was the part of such organizations as “Mstiytsy”, “Pershiya”, the clandestine group of tannery “Balshavik”, the clandestine group that consisted of Tatar family the Adamovichy. The article reviews the activity of the Belarusian Tatars who were the part of the Uzda clandestine organization. The author draws attention to the fact that the article includes only the information about anti-fascist struggle of the Belarusian Tatars that was officially confirmed after the war. The material is mostly based on data of the National Archive of the Republic of Belarus and on memoirs of the participants of the Great Patriotic War. It is necessary to note the value of the gathered information – most of it is actualized and brought into scientific usage for the first time.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 17.11.08

УДК 93(=81)+39(=81)+569.9(=81)

Н.С. Бункевич

МЕТОДЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭТНОГЕНЕЗА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В данной статье проанализированы особенности методик при изучении палеоматериалов антропологами. Для изучения древнего населения наиболее репрезентативны измерительные и описательные методики. Выявлены различия краниоскопических методик, разработанных учеными г. Москвы и г. Санкт-Петербурга. Отсутствие унификации краниоскопических параметров ведет к затруднению в изучении этногенетических процессов. Для статистической обработки измерительных данных наиболее приемлем метод обобщенного расстояния П. Махаланобиса, так как он позволяет учитывать угловые параметры.

Введение

История любой науки неотделима от развития методов, к которым она прибегает. Для методов, впрочем, как и для науки в целом, характерны сложности в их становлении и признании. Без унификации способов сбора и обработки данных невозможно сопоставление результатов, полученных разными авторами. Одним из направлений современной антропологии является изучение ископаемых популяций человека, с которым тесно связана проблема этногенеза восточных славян. Еще в конце XIX века «краниология представляла самую совершенную часть антропологии» [1]. Краниологические данные значительно пригоднее для статистической обработки, чем соматологические. По степени разработанности методики и ее унификации краниометрия (измерение краниального скелета) на данном этапе своего развития находится на более высоком уровне по сравнению с антропологическими методами изучения современного населения [2]. Исследование древнего населения проводится способами, имеющими как узкую специализированность, так и широко распространенные.

Целью данной работы является рассмотрение различных методов и методик, применявшихся антропологами в процессе исследования палеоматериалов по проблеме этногенеза восточных славян и других народов Евразии.

Задачи:

- выявить особенности сбора информации при исследовании ископаемых останков людей;
- показать преимущество и недостатки использования в палеоантропологии краниометрических (измерение черепа) методик и изучения краниоскопических (описательных) дискретно-варьирующих признаков на черепе;
- изучить особенности применения методов статистической обработки данных и интерпретации полученных результатов при изучении древнего населения.

Результаты и их обсуждение

Среди методов в антропологии раньше появились, а сейчас наиболее употребимы измерительные и описательные (в том числе и дискретно-варьирующие) признаки, причем как при изучении древнего, так и современного населения [3; 4].

Еще в XIX веке в работе «Антропология» Л. Крижевацкого указывались причины, из-за которых возникают трудности при антропологических исследованиях. Разработка методов краниологии проходила в нескольких независимых один от другого

Научный руководитель – И.В. Чаквин, доктор исторических наук, ведущий сотрудник отдела народоведения института искусствоведения, этнографии и фольклора имени К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси

центрах. В них были выработаны и приняты различные программы измерений. Даже одни и те же измерения проводились разными способами. При исследовании признаков в зависимости от степени проявления проводилось их разделение на группы. Иногда группы имели одинаковое название, но цифровые критерии в них распределялись иначе, что приводило к невозможности сопоставления результатов разных авторов [1].

В статье В. Гатальского «История развития краниометрических методов» представлен хронологический обзор становления одного из основных направлений краниологии – краниометрии. Им отмечены основные различия в краниометрических программах французских и немецких антропологов XIX века, указаны достоинства и недостатки обеих методик, которые легли в основу используемой сейчас антропологами измерительной программы исследований палеоматериала. В. Гатальский отметил, что в Женевской программе Франкфуртская ушно-глазничная и французская альвеолокондилярная плоскости сохранены на равных правах, что не является унификацией. Большинство антропологов используют Франкфуртскую ушно-глазничную плоскость, но угловые размеры определяются ими по-разному [5].

Изучаются не только краниометрические, но и остеометрические (измерение костей) параметры, по которым можно судить о росте, физическом развитии наших предков. Русскими и украинскими антропологами регулярно проводятся измерения костей [6; 7; 8]. Белорусскими же антропологами остеометрия применялась в 60–70 гг. XX века [9], но теперь все их внимание уделено изучению краниометрических параметров, что обедняет полученные результаты, не извлекая при имеющихся возможностях ценную информацию.

Морфология черепа описывается с помощью измерительных, метрических признаков (краниометрия) и описательных признаков (краниоскопия) [4]. Как выразился В.П. Алексеев, «граница между измерительными и описательными признаками часто условна» [10, с. 95]. Новые способы измерений позволяют изучать некоторые описательные признаки метрическими методами. В пример он привел такой признак, как глубина клыковой ямки, которую раньше определяли по баллам, теперь – измерительным способом [10].

Среди краниоскопических признаков в отдельную систему выделили дискретно-варьирующие признаки – «аномалии черепа». Они дополняют краниометрический анализ, а так же являются самостоятельным источником информации о древних популяциях [4].

Исследование дискретных краниоскопических признаков в ископаемых сериях позволяет ввести в научный оборот сильно фрагментированные объекты. При изучении этногенеза восточных славян применялись краниоскопические методики исследования дискретно-варьирующих признаков на черепе. Анализ около 30 неметрических признаков на черепе, проведенный А. Козинцевым, выделил из них 6 наиболее ценных для расовой систематики. По ним А. Козинцев рассчитал монголоидно-европеоидный индекс, который позволяет отнести краниологические серии к европеоидам либо к монголоидам [11]. Однако часть из них, такие, как подглазничные швы, клиновидно-верхнечелюстной шов, не рассматриваются в методике А. Мовсесян [4], а кости ламбдовидного шва и астириона, поперечно-небный шов, наличие надглазничных и лобных отверстий каждый из этих авторов рассматривает по своей методике. Поэтому частота встречаемости данных признаков у этих исследователей является несопоставимой.

Методика исследования краниоскопических дискретно-варьирующих признаков А. Мовсесян создана для выявления генетических связей между популяциями. Она позволяет реконструировать генофонд предковых популяций, при статистической обработке данных использован классификационный и канонический анализы. Итоги комплексного анализа «аномалий черепа», по мнению А. Мовсесян, подтверждают «генерализующую гипотезу» происхождения славянского этногенеза [4]. Как А. Козинцев,

так и А. Мовсесян пытались уменьшить количество рассматриваемых краниоскопических признаков, выделив наиболее информативные среди них. Сейчас программа исследований «аномалий черепа», которую разработала А. Мовсесян, насчитывает 39 признаков, хотя первоначально московскими антропологами были проведены исследования по 64 параметрам [12]. Из них Г. Чеснис выбрал 48 основных неметрических признаков. Он применил однофакторный дисперсионный анализ для неметрических параметров, который выявил только 7 признаков, имеющих достоверную географическую изменчивость именно для серий преимущественно с территории Беларуси в направлении с юго-запада на северо-восток [13].

Интегрируя знания других наук, физическая антропология использует их методы и методики. Развитие физиологического направления в антропологии обусловило обогащение ее физиологическими признаками и методиками [10].

Так, учитывая стойкость агглютиногенов костной ткани, мумифицированных мышц, кожи, волос, Г. Прейсман еще в середине XX в. предложил использовать в археологии и антропологии реакцию абсорбции агглютининов в количественной ее модификации [14]. Этот метод принадлежит к физиологической антропологии. Но среди русских, украинских и белорусских антропологов при изучении древнего населения данная методика не нашла широкого применения ввиду ее сложности и дороговизны.

Возрастает применение статистических методов в антропологии. М.В. Игнатъев в статье «Биометрические проблемы в антропологии» кроме краткой истории их развития отметил условия, которые необходимы для их применения [15]. Для статистического анализа непрерывно варьирующих признаков используют функции расстояния. В 30-е годы XX века почти одновременно П. Махаланобис и Р. Фишер предложили параметр, который позволяет учитывать корреляции признаков. Сейчас он известен как расстояние Махаланобиса. П. Махаланобис рассмотрел его как функцию расстояния между несколькими группами наблюдений. Р. Фишер получил такой же результат, но при использовании созданного им дискриминантного анализа [16].

Метод обобщенного расстояния П. Махаланобиса изначально был применен при статистической обработке современного населения. Метод не требует всех вычислений заново при добавлении в анализ новых переменных и на основании небольшого количества измерительных признаков (не больше 10) фиксирует расхождение или сходство между территориальными группами [17]. Однако Т.И. Алексеева указала на преимущества географического метода по сравнению со статистическими методами. Ею отмечено, что «статистические методы устанавливают лишь степень связи, ничего не говоря относительно географической локализации и генезисе признака». Результаты, полученные М.В. Игнатъевым и А.В. Пугачевой с помощью метода обобщенного расстояния П. Махаланобиса и географическим методом, примененным В.В. Бунаком и Т.И. Алексеевой, одинаковы [18, с. 15–16]. Сейчас метод обобщенного расстояния П. Махаланобиса стал востребованным и для анализа краниометрических данных как в России, так и на Украине и в Беларуси [6; 19; 20]. Так, с помощью расстояния П. Махаланобиса С. Санкиной выявлено резкое различие мужских групп восточнославянских палеосерий. Кластерным анализом мужских групп на основе матрицы расстояний П. Махаланобиса ею выделены два кластера, один из которых составляют исключительно ранние долихокранные группы (XI–XIII века), второй – более поздние мезо- и брахикранные группы (XIII–XVI века). Рассматривая женские краниологические серии по обобщенным расстояниям П. Махаланобиса С. Санкиной выявлено их отличие от мужских большей схожестью между собой, что позволило утверждать о меньших различиях (гомогенности) женских палеосерий по сравнению с мужскими [6]. А. Кушнир впервые среди белорусских палеоантропологов вычислил по формуле П. Махаланобиса обобщенные расстояния 13 линейных и 3 угловых признаков между 22 мужскими се-

риями, что позволило ему сделать вывод о незначительном балтском влиянии на формирование антропологического типа средневекового населения Беларуси [20].

На вариации размеров черепа и посткраниального скелета влияют факторы внешней среды, а пропорции, профилировка лица, высота переносья в большей степени обусловлены наследственностью. Поэтому белорусскими антропологами для сравнения древнего населения использован статистический метод обобщенных расстояний Л. Пенроуза, основанный на расчете межгрупповых расстояний по комплексной характеристике формы черепа независимо от его размеров, с использованием наследственно жестко обусловленных, важных в расовой диагностике 16 признаков [3, с. 97; 21]. В Беларуси впервые этот метод был применен в 1989 г. для изучения краниологии населения Понемонья, вместо носового показателя в формулу Л. Пенроуза введена высота и ширина носа. Последовательность размещения по степени генетической близости указывает на компактные группы славянских и балтских серий, промежуточное положение между которыми занимают мезакранные ятвяги культуры каменных курганов [22]. Нужно отметить, что точно такие же результаты, как формула Л. Пенроуза, дает формула вычисления расстояния Р. Кнуссмана [16]. Т. Рудич использовала для изучения населения черняховской культуры метод Пенроуза–Кнуссмана в модификации А. Козинцева [23].

При изучении этногенеза восточных славян российскими, украинскими и белорусскими антропологами статистическая обработка данных проводилась методом как обобщенного расстояния Л. Пенроуза, так и обобщенного расстояния П. Махаланобиса [6; 19; 20; 22; 23; 24]. Расстояние Л. Пенроуза тесно связано с расстоянием П. Махаланобиса, его можно рассматривать как частные случаи последнего [16]. Формула П. Махаланобиса при отсутствии внутригрупповой корреляции между рассматриваемыми признаками преобразуется в «коэффициент расового сходства» К. Пирсона [20].

Работа В. Чтецова посвящена литературному обзору использования дискриминантных функций в антропологии, в частности отмечена их непригодность для анализа качественных (описательных) признаков [25].

Таким образом, методы, которыми пользуются при изучении ископаемого материала, необходимо выбирать исходя из задач исследования, учитывая специфику анализируемого материала, иначе возможны искажения полученных результатов. Краниоскопические дискретные признаки позволяют выявлять этногенетические особенности древнего населения по сильно фрагментированным материалам. Они служат не только дополнением к результатам, полученным краниометрическими методами, но и являются самостоятельным источником.

Выводы

1. При изучении палеоматериалов, в т. ч. и восточнославянских палеоантропологических серий, антропологами наиболее употребимы традиционные измерительные (метрические) и описательные (скопические) методы исследования. Несмотря на наличие разработанной методики, методы физиологической антропологии (определение групп крови и генотипа) у древнего населения не нашли широкого применения среди российских, украинских и белорусских антропологов.

2. Краниоскопические дискретно-варьирующие признаки позволяют изучать сильно фрагментированный материал. Четко прослеживаются два направления, которые представлены московской школой и антропологами г. Санкт-Петербурга, причем большинство признаков, рассматриваемые в разработанных ими методиках, несопоставимы, что затрудняет этногенетические исследования.

Методы, которыми пользуются при изучении ископаемого материала необходимо выбирать исходя из задач исследования, учитывая специфику анализируемого материала,

иначе возможны искажения полученных результатов (как это наблюдается при сравнении исследований различных антропологов по проблеме этногенеза восточных славян).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криживицкий, Л. Антропология / Л. Криживицкий ; пер. с польского С.Д. Романовскаго-Романько ; под ред. Р.И. Сементковского. – СПб. : Тип. А. Пороховщикова, 1896. – 349 с.
2. Козинцев, А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов / А.Г. Козинцев // Расогенетические процессы в этнической истории. – М. : Наука, 1974. – С. 229–242.
3. Беларусы / Л.І. Цягака [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2006. – Т. 9 : Антрапалогія. – 575 с.
4. Мовсесян, А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии / А.А. Мовсесян. – М. : Университетская книга, 2005. – 272 с.
5. Гатальский, В.В. История развития краниометрических методов / В.В. Гатальский // Современная стоматология. – 2004. – № 2. – С. 60–62.
6. Санкина, С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии / С.Л. Санкина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 108 с.
7. Потехіна, І.Д. Антропологічні дослідження поховань в Успенському соборі Кієво-Печерської Лаври / І.Д. Потехіна, О.Д. Козак // Лаврський альманах. – Вип. 2. – 1999. – С. 87–97.
8. Козак, А.Д. Древнерусское население Горигоровки по материалам могильника / А.Д. Козак // Древнерусское село по материалам поселений у с. Григоровка. – Киев, 2005. – С. 226–241.
9. Саливон, И.И. Краниологические материалы из северо-восточной Белоруссии / И.И. Саливон // Древности Белоруссии : материалы и доклады по археологии. – Минск, 1969. – С. 453–458.
10. Алексеев, В.П. Историческая антропология : учеб. пособие / В.П. Алексеев. – М. : Высш. школа, 1979. – 216 с.
11. Козинцев, А.Г. Этническая краниоскопия: расовая изменчивость швов черепа современного человека / А.Г. Козинцев. – Л. : Наука, 1988. – 167 с.
12. Мовсесян, А.А. Программа и методика определения аномалий черепа / А.А. Мовсесян, Н.Н. Мамонова, Ю.Г. Рычков // Вопросы антропологии. – 1975. – Вып. 51. – С. 127–150.
13. Чеснис, Г. Использование неметрических краниологических признаков в этногенетических исследованиях (по палеоантропологическим материалам X–XVI вв. с территории БССР) / Г. Чеснис, И. Чаквин // Glasnik antropološkog društva Jugoslavije, 1986. – Sv. 23. – P. 53–59.
14. Прейсман, Г.А. Агглютиногены изосерологической системы АВ0 в ископаемых останках человека / Г.А. Прейсман // Вопросы антропологии. – 1960. – Вып. 5. – С. 58–66.
15. Игнатъев, М.В. Биометрические проблемы в антропологии / М.В. Игнатъев // Вопросы антропологии. – 1957. – № 1. – С. 73–82.
16. Дерябин, В.Е. Многомерная биометрия для антропологов / В.Е. Дерябин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 227 с.
17. Игнатъев, М.В. Опыт оценки различий между группами с помощью «обобщенного расстояния» / М.В. Игнатъев, А.В. Пугачева // Вопросы антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 11–28.

18. Алексеева, Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии / Т.И. Алексеева. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1973. – 330 с.

19. Козак, А.Д. Новые материалы из средневековых славянских могильников Поднепровья (Григоровка, Бучаки) / А.Д. Козак // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – М. : Старый сад, 2000. – Ч. 2. – С. 243–259.

20. Кушнир, А.И. Этнические процессы на территории Беларуси на рубеже I–II тыс. н. э. в свете краниологических данных / А.И. Кушнир // Актуальные вопросы антропологии / Институт истории НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика. – Вып. 4. – 2009. – С. 284–296.

21. Коробушкина, Т.Н. Сельское население среднего Побужья IX–XIII вв. (по материалам курганных могильников) / Т.Н. Коробушкина, И.И. Саливон // Советская археология. – 1990. – № 3. – С. 138–149.

22. Салівон, І.І. Краніялогія насельніцтва Беларускага Панямоння па матэрыялах каменных могільнікаў / І.І. Салівон, А.В. Квяткоўская, А.І. Кушнір // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1989. – № 3. – С. 73–81.

23. Рудич, Т.О. Населення черняхівської культури України за матеріалами антропології : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09. / Т.О. Рудич ; Ін-т археології НАН України. – Київ, 2005. – 19 с.

24. Беневоленская, Ю.Д. Псковские поозеры / Ю.Д. Беневоленская, Г.М. Давыдова // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л. : Наука, 1986. – С. 3–52.

25. Чтецов, В.П. Дискриминантные функции в антропологии / В.П. Чтецов // Вопросы антропологии. – 1962. – Вып. 11. – С. 128–132.

Bunkevich N. Paleoanthropological Methods in Studying of East Slavs Ethnogenesis

The peculiar features of techniques at studying paleomaterials by the anthropologists are analyzed in this article. The measuring and descriptive techniques are the most representative for the study of the ancient population. The distinctions of the non-metrical cranial techniques developed by scientists of Moscow and St.-Petersburg were revealed. The absence of the unification discrete traits conducts to the difficulty in ethnogenetic process studies. The method of the generalized distance of P. Mahanalobis is the most appropriate for the statistic processing measuring data as it allows to consider the angular parameters.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.05.09

УДК 343

С.М. Храмов

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются различные классификации латентной преступности, дается характеристика ее основных подвидов. Проанализировав имеющиеся взгляды криминологов на исследуемую проблему, автор классифицирует все скрытые преступления на естественно-латентные и искусственно-латентные. Среди последних в статье рассматриваются как известные правоохранительным органам преступления, но не взятые ими по различным причинам на учет, так и учтенные, но не раскрытые (субъектно-латентные преступления) либо частично раскрытые (частично субъектно-латентные преступления). Даны понятия «пограничных ситуаций» и «мнимой латентности». Приведенная классификация позволила сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства Республики Беларусь, направленные на снижение уровня латентной преступности.

Введение

Формы проявления латентной преступности разнообразны. Это связано с тем, что сама преступность находится в процессе непрерывной трансформации. По мере развития прогресса появляются новые способы совершения преступлений. Самым ярким примером является компьютерная преступность, латентность которой особенно высока [1, с. 272–274].

Признаками, характерными для латентной преступности, являются невыявленность (неустановленность) и неучтенность совокупности преступлений органами, осуществляющими уголовное преследование и привлечение виновных лиц к установленной законодательством ответственности, регистрацию и учет преступлений, а также нераскрытие (неполнота раскрытия) зарегистрированных преступлений.

Скрытая часть преступности образуется за счет преступлений и их разных совокупностей, которые совершены, но о которых не стало известно правоохранительным органам. Скрываемая часть преступности включает преступления и их совокупности, которые стали известны правоохранительным органам, но которые по разным причинам не нашли отражение в статистике преступности.

Для результативной борьбы с таким опасным и относительно самостоятельным социальным феноменом, как латентная преступность, следует максимально точно провести ее классификацию.

Обзор классификаций латентной преступности

В теории существуют многочисленные разновидности классификации подвидов латентной преступности. Например, К.К. Горяинов в латентной преступности выделяет преступления, «о которых не сообщалось в правоохранительные органы (незаявленные или неизвестные правонарушения) либо сообщалось, но они не получили должной правовой оценки и реагирования в правоохранительных органах (скрытые)» [2, с. 21].

Подобная же классификация латентной преступности была предложена и А.И. Алексеевым, который различает так называемую «скрытую преступность», то есть не выявленную правоохранительными органами в силу объективных свойств некоторых преступлений или пассивной позиции потерпевших и «скрываемую преступность», состоящую из преступлений, ставших известными, но укрытых сотрудниками правоохранительных органов от учета по различным мотивам [3, с. 34].

В.В. Лунеев полагает, что латентную преступность составляют :

1) незаявленныя прэступленьні, калі потерпевшыя, сведетелі, должностныя ліца і другія граждане, осведомленыя о совершеном прэступленьні, не сообщают этого в правоохранительные органы;

2) неучтенныя прэступленьні, калі правоохранительные органы, получив сообщение о совершеном прэступленьні, не регистрируют и не расследуют их;

3) неустановленыя прэступленьні, калі правоохранительные органы зарегистрировали и расследовали прэступленьні, но в силу недостаточного желания, слабой профессиональной подготовки или ошибочной уголовно-правовой квалификации не установили события или состав прэступленьня [4, с. 38].

Более подробная классификация латентных прэступлений была произведена Б. Дзювым, который предлагает классифицировать латентные прэступленьня по следующим признакам:

а) степень адекватности оценки прэступного события прэступником, потерпевшим, свидетелем;

б) степень «терпимости» граждан к уровню общественной опасности совершаемых прэступлений, устойчивость и широта социальных связей лиц, оказавшихся в криминальной ситуации;

в) нравственная позиция и правовая активность работников правоохранительного органа, обнаружившего неизвестное прэступленьніе [5, с. 108].

Исходя из указанных оснований классификации Б. Дзюв выделяет пять групп латентных прэступлений.

В первую из них входят прэступленьня, о совершении которых не знает никто, либо кто-то может о них лишь догадываться (некоторые неосторожные прэступленьня; незнание лицом, совершающим прэступленьніе, и потерпевшим уголовно-правовых норм).

Ко второй группе относятся прэступленьня, о совершении которых известно только прэступнику (присвоение имущества лиц, находящихся в состоянии сильного алкогольного опьянения; прэступленьня против малолетних).

К третьей – прэступленьня, о которых знают только прэступник и потерпевший (отсутствие свидетелей прэступленьня и нежелание потерпевшего по тем или иным причинам сообщать о случившемся в компетентные органы).

Четвертая группа – прэступленьня, о которых известно прэступнику, потерпевшему и очевидцам, но никто из указанных лиц не обращается в милицию.

В пятую группу объединены уголовно наказуемые деяния, информация о которых поступила в правоохранительные органы либо была выявлена сотрудниками данных органов в результате проведенных мероприятий, но не была должным образом проверена и не нашла отражения в официальных учетах.

В качестве основания указанного деления можно назвать особенности механизма возникновения латентности названных деяний. В связи с этим данную классификацию можно использовать при изучении причин латентных прэступлений.

Схожую классификацию предлагает и С.Ф. Милуков, который выделяет следующие группы латентных деяний: прэступленьня, о которых не известно никому, даже самому прэступнику; прэступленьня, о которых известно лишь прэступнику или потерпевшему; прэступленьня, о которых также известно узкому кругу лиц, близких к прэступнику и потерпевшему, которые не разглашают эту информацию; прэступленьня, о совершении которых стало известно неопределенно большому кругу лиц, за исключением правоохранительных органов; прэступленьня, зафиксированные в официальных государственных, общественных или частных структурах, но не ставшие известными правоохранительным органам; прэступленьня, информация о которых попала в правоохранительные органы, но:

а) они не были зарегистрированы;

б) по факту их совершения вынесено необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела;

в) дело возбуждено, но необоснованно прекращено на стадии предварительного расследования по реабилитирующим основаниям;

г) дело необоснованно прекращено судом по тем же основаниям, или виновный необоснованно оправдан;

д) дело необоснованно прекращено в кассационной или надзорной инстанциях [6, с. 235–236].

Еще одну классификацию предлагает Н.В. Сазонова, которая разделяет латентную преступность «в зависимости от причин возникновения латентности на объективно-латентную и субъективно-латентную. В свою очередь, субъективно латентную часть необходимо разделить на скрытую и скрываемую части» [7, с. 41].

Для того чтобы классификация наиболее полно и точно отражала сущность исследуемого явления, необходимо, прежде всего, принимать во внимание выявленность и учтенность преступлений и лиц, их совершивших. С учетом приведенных критериев все скрытые преступления можно условно подразделить на две большие группы:

1) естественно-латентные;

2) искусственно-латентные.

Подобная точка зрения высказывалась и ранее [8, с. 31]. Так, Г.Ф. Хохряков выделил в составе искусственно-латентной преступности :

1) структурно-латентные преступления, когда «законодательные конструкции ряда составов преступлений (отдельные виды убийств, телесных повреждений, посягательств на собственность и проч.) позволяют квалифицировать более тяжкие преступления как менее тяжкие» [9, с. 402];

2) легально-латентные преступления, которые «возникают как следствие несовершенного законодательства либо особенностей возбуждения уголовного преследования, когда соответствующие преступления не попадают в уголовную статистику на легитимных основаниях (деяния по делам частного и частно-публичного порядка)» [9, с. 402].

Следует согласиться с позицией Р.М. Акутаева, который относит к естественно-латентным «совокупность преступлений, не ставших достоянием органов и учреждений, регистрирующих их и осуществляющих преследование виновных, соответственно не учтенных в уголовной статистике, и в отношении которых не приняты предусмотренные законом меры реагирования» [10, с. 83].

Естественно-латентные преступления

В зависимости от специфики факторов, способствующих отнесению совершенных преступлений к естественно-латентным, они, в свою очередь, могут быть условно подразделены на четыре группы:

1) общественно опасные деяния, об уголовной наказуемости которых может не знать даже сам правонарушитель, не говоря уже о других лицах. Чаще всего такое случается при неосторожных преступлениях, совершенных по небрежности.

Как известно, небрежность наряду с легкомыслием является видом неосторожной формой вины. В ч. 3 ст. 23 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ) закреплена следующая формулировка небрежности: «Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо, его совершившее, не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть» [11].

Возможна также ситуация, в которой физическое лицо в силу своей юридической некомпетентности полагает, что совершило административный проступок либо

его деяние вообще является ненаказуемым, а подлежит только моральному порицанию. В теории уголовного права такие ситуации именуется юридической ошибкой, представляющей собой заблуждение лица по поводу наказуемости или ненаказуемости его действия (бездействия) и юридических последствий. По общему правилу уголовная ответственность при допущенной юридической ошибке должна наступать независимо от того, что лицо не считает свои действия преступными. Правило о юридической ошибке основано на применении общеправового принципа, известного еще со времен Римского права – незнание закона не исключает ответственности (*ignorantia juris semper hocet*);

2) преступления, когда сами потерпевшие не проявляют никакой инициативы и заинтересованности в их выявлении. Такое поведение случается, например, при автотранспортных преступлениях, посягательствах на половую свободу и неприкосновенность личности и др. А.П. Конев приводит данные о том, что около 85% потерпевших от изнасилований не обращаются с заявлениями в правоохранительные органы [12, с. 139]. Если в результате уговоров, при готовности виновного лица полностью возместить причиненный ущерб, в том числе физический и моральный, потерпевший занимает примиренческую позицию, то он уже сам не заинтересован в огласке происшедшего. В результате совершенное в отношении него преступление не регистрируется, а преступник остается безнаказанным в уголовном порядке. Подобные проявления латентной преступности являются очень опасной тенденцией. Еще древние римляне заметили: *impunitas continuum affectum tribuit delinquendi*, что в переводе с латинского означает – «безнаказанность постоянно поощряет преступника». Об этом же писал еще в 1764 году в своем знаменитом труде «О преступлениях и наказаниях» итальянский просветитель и юрист Беккариа Чезаре.

Первый шаг на пути решения проблемы нежелания потерпевших обращаться в правоохранительные органы при подобных посягательствах уже сделан. Если ранее действовавшее законодательство вообще не предусматривало возможность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с достижением мирового соглашения с потерпевшим, то УК РБ 2001 года такое основание содержит. Диспозиция ст. 89 УК РБ закрепила положение о том, что лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим. Согласно ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в связи с примирением с потерпевшим прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности вправе суд или прокурор [13].

Появление в отечественном законодательстве указанного основания освобождения от уголовной ответственности вполне оправдано, поскольку продиктовано самой жизнью и соответствует ее реалиям. Оно позволяет, не нарушая норм права, под контролем правоохранительных органов официально констатировать достижение примирения между потерпевшим и виновным лицом и на этом основании освободить лицо, совершившее не представляющее большой общественной опасности преступление, от уголовной ответственности.

Реализация на практике нормы, предусмотренной ст. 89 УК РБ, имеет прежде всего частно-превентивное значение, поскольку устраняет причины для последующих конфликтов между участниками состоявшегося примирения. Одновременно это способствует значительной экономии средств уголовной репрессии.

Однако представляется, что одного примирения с потерпевшим явно не достаточно. Возможность освобождения от уголовной ответственности по данному основанию должна зависеть также от того, возмещен причиненный потерпевшему в результате совершенного преступления вред или нет. Следовало бы предусмотреть возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпев-

шим не любого лица, а только впервые совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности. С учетом этих замечаний предлагается изложить ст. 89 УК РБ в следующей редакции :

«Статья 89. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим

Лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный потерпевшему вред».

Тогда к обязательным условиям освобождения от уголовной ответственности по рассматриваемому основанию (совершенное преступление относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, состоялось примирение с потерпевшим) добавляется условие, в соответствии с которым лицо может быть освобождено от уголовной ответственности только при совершении подобного преступления впервые, а также ключевое для восстановления социальной справедливости условие – возмещение причиненного потерпевшему вреда. Без внесения в уголовное законодательство данной поправки говорить о том, что права потерпевшего защищены надлежащим образом, преждевременно.

По мере стабилизации криминогенной обстановки актуализируется еще одна проблема – возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего менее тяжкое преступление, если оно примирилось с потерпевшим и возместило причиненный потерпевшему вред. С одной стороны, это существенно разгрузит систему исполнения наказаний, с другой – будет способствовать постепенному выведению подобных преступлений из категории естественно-латентных.

В пользу такого подхода говорят ряд дополнительных обстоятельств.

Во-первых, из диспозиции ст. 89 УК РБ прямо вытекает, что отправным и наиболее важным условием освобождения лица от уголовной ответственности является достижение примирения между виновным и потерпевшим. Все остальные условия при отсутствии состоявшегося примирения указанных субъектов уголовного процесса приобретают ярко выраженное факультативное значение.

Во-вторых, предлагаемое расширение круга общественно опасных деяний, совершение которых в случае последующего примирения с потерпевшим позволяло бы освобождать виновное лицо от уголовной ответственности, способствовало бы устранению одной из наиболее острых причин межличностных конфликтов (преступник – потерпевший), тем самым расширив границы превентивного воздействия применения данной уголовно-правовой нормы. В то же время эта мера направлена на реализацию одной из важных задач уголовной юстиции, которая заключается в том, чтобы добиться восстановления нарушенной социальной справедливости и нормализации общественных отношений.

В ряде случаев механизм реализации преступного намерения, а также характер совершаемого преступления обуславливают сопричастность к нему и самого потерпевшего лица. При благоприятном для сторон исходе преступного поведения, подкрепленного достижением поставленных целей и взаимностью их интересов, преступление, как правило, остается латентным. Особенно это характерно для взяточничества: в 2007 году в Республике Беларусь было выявлено всего 1 066 подобных преступлений [14].

Определенные возможности для профилактики либо своевременного установления (выявления) должностных преступлений содержатся и в самом уголовном законе. К этому выводу приводит анализ оснований освобождения от уголовной ответственности взяточдателя.

В примечании к ст. 431 УК РБ «Дача взятки» прямо указано на два обстоятельства, при наличии хотя бы одного из которых лицо освобождается от уголовной ответственности за дачу взятки. Ими являются :

- вымогательство взятки взяткополучателем;
- добровольное заявление взяткодателем после дачи взятки о содеянном.

Но первое из указанных оснований не предусматривает случаи требования взятки без явных признаков вымогательства, которые могут иметь место в некоторых случаях. Например, при умышленном поставлении взяткодателя в такие условия, при которых он вынужден «отблагодарить» должностное лицо для своевременного предотвращения вредных последствий своим правоохраняемым интересам. Более того, возможны случаи, когда должностное лицо не удовлетворяет законной просьбы просителя, формально не требуя взятку, хотя фактически своим бездействием вынуждает того к даче взятки.

Учитывая приведенное обстоятельство, а также в целях снижения латентности взяточничества и стимулирования взяткодателей сообщать об уже имевших место подобных фактах в правоохранительные органы, предлагается изложить примечание к ст. 431 УК РБ в следующей редакции :

«Примечание. Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки, либо инициатива в получении взятки исходила от взяткополучателя при условии, что цели, преследуемые взяткодателем, не противоречат действующему законодательству, либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном».

Законодательное признание взяткодателя лицом, потерпевшим от незаконных действий должностного лица в указанных случаях, будет способствовать не только раскрытию данных преступлений и снижению уровня их латентности, но и предупреждению в будущем незаконных действий должностных лиц во взаимоотношениях с гражданами.

Имеют место случаи, когда мотивом незаявления потерпевшими лицами о преступлении выступает их предвзятое отношение к деятельности правоохранительных органов. Такое недоверие к правоохранительным органам отрицательно сказывается на уровне правовой защищенности населения и ведет к еще большей криминализации общества. Приведенный мотив незаявления о преступлении особенно часто проявляется в качестве фактора латентности там, где граждане сталкиваются с фактами формализма, предвзятого отношения со стороны работников органов внутренних дел и волокиты. По данным Министра внутренних дел Республики Беларусь, только за один год за различного рода дисциплинарные проступки наказано 7 495 сотрудников белорусской милиции. Это и нарушение приказа № 1, выразившееся в грубом и невнимательном отношении к гражданам, нарушение процессуальных норм. Не случайно в 2007 году в Беларуси было выявлено 310 фактов злоупотребления властью или служебными полномочиями.

Зачастую мотивы несообщения потерпевшими в правоохранительные органы о совершенном преступлении и понесенных при этом убытках связаны также с низкой эффективностью мер, направленных на возмещение причиненного ущерба. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь предусматривает возможность разрешения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела. Однако даже при положительном (для гражданского истца) решении вопроса, фактическое возмещение, как показывает судебная практика, порой не достигаются вообще или, в лучшем случае, растягивается на долгие годы. Учитывая, что всестороннее обеспечение защиты прав граждан является приоритетной задачей государства, назрела необходимость разработки и принятия специального закона о возмещении ущерба потерпевшим от преступле-

ний. Этот шаг стал бы реальным воплощением положения, закрепленного в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой в 1985 году Генеральной Ассамблеей ООН. Как следует из Декларации, жертвы преступлений имеют право на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. В этих целях следует содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсации жертвам преступлений. При необходимости в этих целях могут создаваться и другие фонды, в том числе в тех случаях, когда государство, гражданином которого жертва является, не в состоянии возместить жертве причиненный ей ущерб.

Пункт 12 Декларации предусматривает следующее : «В тех случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации:

а) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье;

б) семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации».

Принятие предлагаемого нормативного правового акта позволило бы сократить латентную преступность за счет того, что потерпевшие, зная о государственных гарантиях скорейшей компенсации причиненного им в результате преступления ущерба, с большим доверием обращались бы за помощью в правоохранительные органы. Предлагаемые меры, связанные с возмещением ущерба жертвам преступлений, предполагают необходимость сообщения о преступлении и инициативного сотрудничества с правоохранительными органами Республики Беларусь;

3) преступления, где некому сообщить о преступлении в компетентные органы в силу отсутствия явно выраженной потерпевшей стороны.

Подобные прецеденты вполне возможны при посягательствах на государственные или общественные интересы, особенно с сфере экологической безопасности;

4) преступления, где факт их совершения известен ограниченному кругу лиц либо только виновному лицу.

В качестве примера можно привести случаи тщательно скрытых хищений, фактов взяточничества, убийств без видимых следов насилия.

К четвертой группе естественно-латентных преступлений следует также отнести инсценировки самоубийств, несчастных случаев (смерть в результате дорожно-транспортного происшествия, падения с балкона, окна и т. п.), отравлений, самовозгораний различных помещений и хранилищ (случаи умышленного поджога с инсценировкой пожара, возникшего по различным причинам). При этом под инсценировкой преступления следует понимать создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц. В основе инсценировки преступления всегда лежит искусственное создание материальных следов события. При таких условиях для разоблачения преступников возрастает значение различных видов криминалистических экспертиз.

Искусственно-латентные преступления

Вторую разновидность латентной преступности – совокупность искусственно-латентных деяний – образуют как известные правоохранительным органам преступления, но не взятые ими по различным причинам на учет, так и учтенные, но не раскры-

тые (субъектно-латентные преступления) либо частично раскрытые (частично субъектно-латентные преступления).

Разумеется, что по неучтенным, хотя и известным правоохранительными органами преступлениям, уголовные дела не возбуждаются. Это означает, что органы уголовного преследования, обладая необходимой информацией, не принимают установленных законодательством мер по ее реализации. Подобная бездеятельность должностных лиц сама по себе общественно опасна и при определенных обстоятельствах может быть даже квалифицирована в качестве уголовно наказуемого деяния.

Что касается субъектно-латентных преступлений, то о них следует вести речь, когда сам факт совершенного преступления известен и учтен, но остается не известным, а потому лицо, его совершившее, не привлекается к уголовной ответственности и не несет заслуженное наказание.

При расследовании преступлений, совершенных в соучастии, могут быть не установлены личности всех преступников. До установления этих лиц они также не могут быть привлечены к уголовной ответственности. В данном случае латентным является сам субъект преступления. Этим субъектно-латентные преступления отличаются от иных форм проявления латентности. В таких ситуациях лицо, виновное в совершении преступления по причине его неустановленности не претерпевает тех неблагоприятных для него последствий, которые предусмотрены уголовным законом.

В практике правоохранительных органов подобные прецеденты встречаются довольно часто. Тем не менее по действующей системе учета эти деяния считаются раскрытыми. Вместе с тем в данном случае мы имеем дело с частично раскрытыми (частично субъектно-латентными) преступлениями. Только при установлении всех соучастников можно говорить об окончательном раскрытии преступления и о полном отсутствии его латентного характера.

Итак, к латентной преступности следует отнести не только не известные органам правосудия преступления, но и деяния, по которым не удалось установить или разыскать виновного, хотя о самом преступлении соответствующие органы осведомлены. Изложенная позиция о субъектно-латентных преступлениях как относительно распространенной форме проявления искусственной латентности совпадает с точкой зрения ряда ученых-юристов. Можно утверждать, что реальный уровень латентной преступности определяется количество преступлений, оставшихся вне сферы применения уголовного закона, числом безнаказанных преступников.

Поскольку правоохранительные органы не заинтересованы выделять субъектно-латентные преступления, статистика лиц, совершивших преступления, не совпадает с данными учета количества совершенных деяний. При большом количестве нераскрытых преступлений существенно может искажаться действительное количество преступников, совершивших зарегистрированные преступления, поскольку лица, совершившие нераскрытые преступления, не находят отражения в статистических отчетах.

Значит, недостаточно рассматривать латентную преступность лишь как совокупность неизвестных и неучтенных преступлений. Латентная преступность имеет и субъектную сторону, выражающуюся в латентности лиц, совершивших преступление. Поэтому преступление может перестать считаться латентным только после привлечения лица, виновного в его совершении, к установленной уголовным законодательством ответственности.

Пограничные ситуации и мнимая латентность

Помимо естественно-латентных и искусственно-латентных преступлений на практике иногда встречаются случаи добросовестного заблуждения о совершенном в отношении лица преступлении. Эти случаи можно назвать «пограничными ситуациями», которым

характерно неосознание общественно опасного деяния как преступного потерпевшим или обнаружившим данный факт иным лицом. Такие случаи имеют место там, где потерпевшие либо другие лица не сообщают о преступлении в силу неправильной фактической либо правовой оценки имевшего место деяния. Такие ситуации случаются при совершении карманных краж, посягательстве на имущество лиц, находившихся в нетрезвом состоянии и не отдававшим отчет своим действиям, мошенничестве, обмане покупателей и т. д.

Информация о преступлении может стать известной правоохранительным органам, но исполнитель (например сотрудник милиции общественной безопасности), не имея достаточной профессиональной подготовки или допустив ошибку, дает неправильную юридическую оценку деянию, не усматривая в нем признаков состава преступления, в связи с чем оно оказывается за рамками статистического учета.

Классификация латентной преступности была бы не полной без выделения понятия так называемой «мнимой латентности». Эта условная разновидность латентности проявляется в случаях, когда лица, считающие себя потерпевшими от преступления, заявляют об этом в правоохранительные органы, хотя по критериям уголовного права деяние «виновного» лица не содержит состава преступления. На существование мнимой латентности ученые обратили внимание еще в 70-е годы XX века. По данным Г. Кайзера, в 28% случаев из обстоятельств дела, которые опрошенные оценили как преступные, объективно они таковыми не являлись [15, с. 178]. Это свидетельствует об относительной распространенности мнимой латентности среди населения.

Понятия «пограничные ситуации» и «мнимая латентность» являются близкими, но не совпадающими. Их отличие состоит в характере субъективного восприятия деяния. Характерным примером мнимой латентности является потребление наркотиков, которое в силу морально-нравственных традиций воспринимается в настоящее время большинством простых граждан как акт преступного поведения, хотя объективно таковым не является.

Заключение

1. Из всего многообразия существующих классификаций латентной преступности наиболее точным является деление ее на естественно-латентные и искусственно-латентные преступления.

2. Эта классификация основана на таких признаках латентной преступности, как невыявленность (неустановленность) и неучтенность совокупности преступлений органами, осуществляющими уголовное преследование и привлечение виновных лиц к установленной законодательством ответственности, регистрацию и учет преступлений, а также нераскрытие (неполнота раскрытия) зарегистрированных преступлений.

3. К естественно-латентным относятся преступления, не ставшие известными органам уголовного преследования.

Совокупность естественно-латентных преступлений составляют :

3.1 общественно опасные деяния, об уголовной наказуемости которых может не знать сам правонарушитель и другие лица;

3.2 преступления, когда сами потерпевшие не проявляют инициативы и заинтересованности в их выявлении;

3.3 преступления, где некому сообщить о преступлении в компетентные органы в силу отсутствия явно выраженной потерпевшей стороны;

3.4 преступления, где факт его совершения известен ограниченному кругу лиц либо только виновному лицу.

4. К искусственно-латентным относятся известные правоохранительным органам преступления, но не взятые ими по различным причинам на учет, а также учтен-

ные, но не раскрытые (субъектно-латентные преступления) либо частично раскрытые (частично субъектно-латентные преступления).

5. На практике встречаются случаи мнимой латентности, когда лица, считающие себя потерпевшими от преступления, но не являются таковыми, заявляют об этом в правоохранительные органы. Мнимая латентность не входит в классификацию латентной преступности ввиду отсутствия признака общественной опасности, позволяющей квалифицировать деяние как преступление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопатина, Т.М. Место латентности в структуре компьютерной преступности / Т.М. Лопатина // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 272–274.
2. Горяинов, К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы / К.К. Горяинов // Латентная преступность: познание, политика, стратегия : сб. материалов междунар. семинара / ВНИИ МВД России. – М., 1993. – С. 19–38.
3. Алексеев, А.И. Криминология : курс лекций / А.И. Алексеев. – М. : Щит-М, 1999. – 323 с.
4. Лунев, В.В. Объективизация криминологических показателей в системе контроля над преступностью / В.В. Лунев // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью ; редкол.: С.В. Бородин [и др.]. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 34–52.
5. Дзюв, Б. Латентная преступность в контексте практики предупреждения и раскрытия преступлений / Б. Дзюв // Латентная преступность: познание, политика, стратегия : сб. материалов междунар. семинара / ВНИИ МВД России. – М., 1993. – С. 103–117.
6. Милюков, С.Ф. Классификация скрытых преступлений по степени их латентности / С.Ф. Милюков // Латентная преступность: познание, политика, стратегия : сб. материалов междунар. семинара / ВНИИ МВД России. – М., 1993. – С. 235–236.
7. Сазонова, Н.В. Латентная преступность: Понятие, причины, измерение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. В. Сазонова. – Красноярск, 2004. – 164 л.
8. Алексеев, А.М. Латентная преступность и эффективность деятельности правоохранительных органов / А.М. Алексеев, А.Н. Роша // Вопросы борьбы с преступностью. – № 19. – М. : Юрид. лит., 1973. – С. 30 – 45.
9. Хохряков, Г.Ф. Криминология / Г.Ф. Хохряков. – М. : Юристъ, 1999. – 511 с.
10. Акутаев, Р.М. Латентная преступность : актуальность, проблемы и понятие / Р.М. Акутаев // Государство и право. – 1997. – № 12. – С. 79–87.
11. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 21 июля 2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
12. Конев А.А. Некоторые специфические признаки латентной преступности / А.А. Конев // Проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. ст. – Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД России, 1977. – С. 138–149.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 15 июля 2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.

14. О результатах деятельности органов прокуратуры Беларуси по укреплению законности и правопорядка в 2007 году [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by/press51123.html#doc>. – Дата доступа : 08.02.2008.

15. Кайзер, Г. Криминология. Введение в основы / Г. Кайзер ; пер. с нем. В.Д. Балакина ; редкол. К. Ф. Скворцов (отв. ред.) [и др.]. – М. : Юрид. лит., 1979. – 319 с.

Chramov S. M. Classification of Latent Crime

The article examines different classification of latent crime and characterizes its main forms. Having analyzed the views of the criminologists on the investigated problem the author classifies all the hidden crimes into natural - latent and artificially - latent. Among the last the article examines the crimes known to the law enforcement agencies but not registered because of different reasons, as well as the crimes registered but not solved (perpetrator-latent crimes) or partially solved (partially perpetrator latent crimes). The conceptions given in the article are of “boundary situations” and “imaginary (sham) latency”. Given classification made it possible to formulate suggestions for the improvement of the Criminal Code of the Republic of Belarus aimed at the decrease of the latent crime rate.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.05.09

УДК 340(042.4)

И.Э. Мартыненко**ЭКСПЕРТИЗА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ**

В статье рассматриваются проблемные вопросы порядка назначения и проведения экспертизы по хозяйственным спорам. Излагается установленный законом порядок назначения экспертизы, приводится классификация экспертиз по видам, раскрывается содержание отдельных видов экспертиз. Анализируется содержание и структура заключения эксперта, представляющее собой судебное доказательство, процесс оценки судом заключения эксперта, а также отличие заключения судебного эксперта от заключения специалиста. Излагается мнение автора по проблеме получения и оценки доказательств с помощью полиграфа.

Работа адресуется научным и практическим работникам, интересующимся проблемами хозяйственного процесса.

Термин «*экспертиза*» происходит от латинского *expertus* («знающий по опыту», «опытный», «испытанный», «изведанный») и в общем словоупотреблении понимается как исследование специалистом (экспертом) каких-либо вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д.

Наиболее последовательно, целостно и системно вопросы экспертизы в хозяйственном судопроизводстве изложены в комплексе работ, завершившихся фундаментальными монографиями Е.Р. Россинской и М.К. Треушникова [1; 2].

Под экспертизой в хозяйственном процессе понимают основанное на применении специальных познаний исследование, осуществляемое сведущими лицами (экспертами), выполненное по поручению заинтересованных лиц с целью установления обстоятельств, существенных для принятия правильных и обоснованных решений и дачи заключения по результатам такого исследования.

Характерными признаками экспертизы являются следующие: а) экспертиза – это одна из форм использования специальных знаний; б) их использование представляет собой исследование; в) экспертное исследование проводится компетентным, сведущим лицом – экспертом, т. е. лицом, владеющим специальными знаниями в различных отраслях науки, искусства, ремесла или техники; г) экспертиза имеет процессуальную природу, так как проводится по поручению заинтересованных лиц; д) целью экспертного исследования является получение необходимой информации об обстоятельствах, существенных для принятия правильного и обоснованного решения лицом (лицами), назначившим экспертизу; е) проведенное экспертом исследование оформляется особым документом – экспертным заключением [3, с. 9].

Экспертиза в хозяйственном процессе может быть назначена судьей (судом) как по ходатайству лиц, участвующих в деле, так и по собственной инициативе на любой стадии хозяйственного процесса, однако только после принятия искового заявления к производству и возбуждения производства по делу. Порядок назначения экспертизы представлен на *рисунке 1*.

Ходатайство о назначении экспертизы может быть заявлено в хозяйственном суде первой или апелляционной инстанции в письменной либо устной форме до объявления председательствующим в судебном заседании исследования доказательств законченным, а при возобновлении их исследования – до объявления законченным дополнительного исследования доказательств. Устное ходатайство о назначении экспертизы отражается в протоколе судебного заседания.

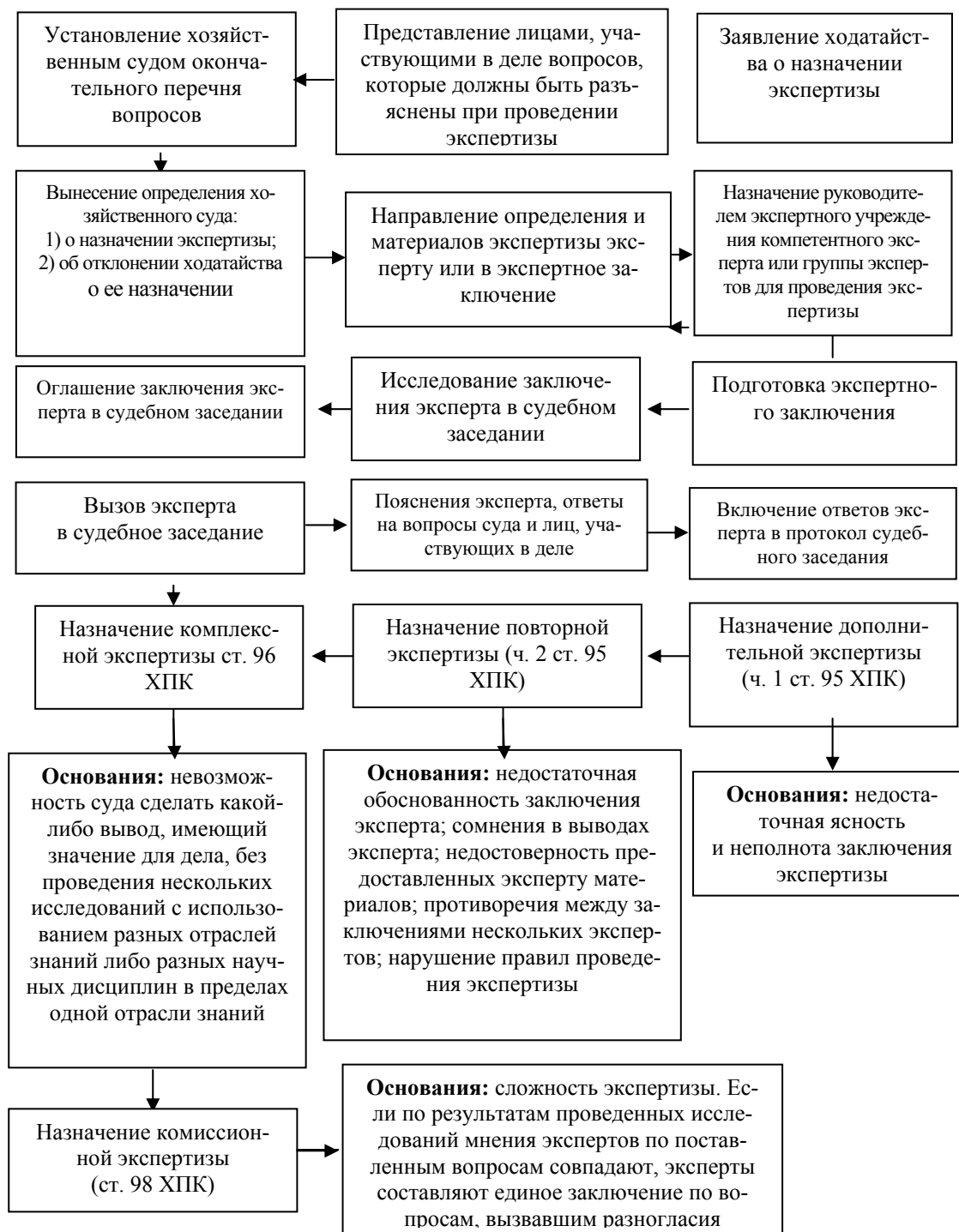

Рисунок 1 – Порядок назначения экспертизы

Виды экспертиз достаточно разнообразны. **Классификация судебных экспертиз** представлена на *рисунках 2, 3, 4, 5, 6*:

Рисунок 2 – Классификация по месту проведения

Рисунок 3 – Классификация по объему исследования

Рисунок 4 – Классификация по численности и составу исполнителей

Рисунок 5 – Классификация по последовательности проведения экспертизы

Для хозяйственного судопроизводства наиболее характерны экономическая, инженерно-техническая, бухгалтерская и другие виды экспертиз.

Например, *по договору страхования между предприятием и страховой компанией произведено страхование от пожара. Пожар произошел, однако страховая компания отказалась выплачивать страховую сумму и заявила, что причина пожара – грубое нарушение противопожарных правил. Произведенная пожаротехническая экспертиза подтвердила вывод, и в иске предприятию было отказано* [4, с. 39].

Используются и иные экспертизы (почерковедческая, строительно-техническая, землеустроительная, финансово-экономическая, дорожно-транспортная, трассологическая, фототехническая, электротехническая, компьютерно-техническая, инженерно-технологическая, почвоведческая, судебная экспертиза оценки стоимости имущества, лингвистическая экспертиза, судебно-экологическая экспертиза и другие). Например, с помощью судебно-технической экспертизы можно проводить идентификацию печатей и штампов по оттискам, идентификацию пишущей машины по текстам, идентификацию принтера по текстам, идентификацию средств репрографии по текстам, идентификацию пишущего прибора по штрихам, идентификацию бумагорезательных машин, установление способа выполнения реквизитов документов, установление давности выполнения документа [5, с. 40].

Лица, участвующие в деле, вправе предлагать хозяйственному суду вопросы, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы, и представлять свои предложения относительно конкретного лица либо экспертного учреждения, которым можно поручить проведение экспертизы. Окончательное содержание вопросов, кото-

рые необходимо осветить при проведении экспертизы, а также выбор эксперта или экспертного учреждения относится к компетенции хозяйственного суда.

В стадии *подготовки дела к судебному разбирательству* экспертиза может быть назначена в тех случаях, когда необходимость ее проведения predetermined материалами дела и представленными доказательствами либо на необходимость проведения экспертизы прямо указано в специальном законе. На этой же стадии процесса допускается и назначение дополнительной экспертизы.

Суд вправе объявить перерыв в подготовительном судебном заседании на срок не более трех дней для представления вопросов, которые должны быть разъяснены при проведении экспертизы, и внесения денежной суммы, подлежащей выплате экспертам, на счет хозяйственного суда. Если необходимость в назначении экспертизы возникла *в ходе судебного разбирательства*, хозяйственный суд для решения указанных вопросов вправе отложить судебное разбирательство или объявить перерыв в судебном заседании.

Хозяйственный суд *апелляционной инстанции* может назначить экспертизу по собственной инициативе, если придет к выводу, что хозяйственным судом первой инстанции допущено неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела. По ходатайству лица, участвующего в деле, экспертиза может быть назначена хозяйственным судом апелляционной инстанции в случаях, когда хозяйственным судом первой инстанции не рассмотрено или необоснованно отклонено ходатайство о назначении экспертизы, а также если дело рассмотрено в отсутствие заявителя ходатайства, не извещенного надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания, и решение хозяйственного суда первой инстанции отменено хозяйственным судом апелляционной инстанции по указанному основанию.

Суд, как правило, назначает эксперта из числа рекомендованных сторонами специалистов либо из числа специалистов, известных суду.

Проведение экспертизы может быть поручено специальному экспертному учреждению. В этом случае эксперт назначается руководителем этого учреждения из числа сотрудников.

Так, по делу о признании недействительным протокола собрания участников общества с ограниченной ответственностью истец ходатайствовал о проведении почерковедческой экспертизы, заявив в суде, что не им выполнена подпись на протоколе заседания учредителей общества. Для экспертного исследования были представлены рукописное заявление, протокол заседания учредителей, экспериментальные и свободные образцы подписи истца. Проведение экспертизы было поручено Экспертно-криминалистическому центру при УВД облисполкома.

В случаях, когда хозяйственный суд поручает проведение экспертизы индивидуальному предпринимателю, имеющему соответствующую лицензию, либо порученная экспертному учреждению экспертиза проводится вне экспертного учреждения, эксперт приглашается в судебное заседание, где хозяйственный суд: 1) удостоверяет его личность, специальность; 2) выясняет, нет ли оснований для его отвода; 3) разъясняет эксперту его права и обязанности; 3) под расписку предупреждает его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, за отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей.

Основанием для производства судебной экспертизы является определение хозяйственного суда (судьи), в котором формулируются те вопросы, на которые должен дать ответы эксперт. Оно состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. Суд не вправе заменить определение о назначении экспертизы другим документом, не предусмотренным законом: сопроводительным письмом, списком вопросов эксперту и т. д.

Кроме того, если конкретный эксперт назначается хозяйственным судом, то суд в своем определении должен указать права и обязанности эксперта, а также его ответ-

ственность за отказ от дачи или дачу заведомо ложного заключения. Такая ответственность установлена в статьях 401, 402 УК Республики Беларусь.

В тех случаях, когда проведение экспертизы поручено экспертному учреждению, то последнее несет ответственность как за проведение экспертизы, так и за дачу экспертного заключения. В этом случае конкретный эксперт назначается руководителем этого экспертного учреждения. На руководителя экспертного учреждения возложена и обязанность по разъяснению эксперту его прав и обязанностей, а также его ответственности за отказ от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения. Однако независимо от этого процессуальные правоотношения возникают между судом и конкретным лицом, которому поручено проведение экспертизы, но не между судом и руководителем экспертного учреждения [6, с. 127].

При исследовании заключения эксперта должны быть проверены соответствие заданию, полнота, научная обоснованность содержащихся в нем выводов.

Законом установлен следующий порядок инициирования проведения экспертизы по хозяйственному спору. Так, согласно ст. 132 ХПК в случае подачи стороной по делу или третьим лицом, заявившим самостоятельные требования, ходатайства о назначении экспертизы денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, предварительно должны быть внесены на соответствующий счет хозяйственного суда заявителем ходатайства. Если такое ходатайство заявлено обеими сторонами либо назначение экспертизы проводится по инициативе хозяйственного суда, необходимые денежные суммы вносятся сторонами в равных частях на соответствующий счет хозяйственного суда.

В данной связи в подготовительном судебном заседании либо на основании письменного ходатайства о предоставлении необходимой информации хозяйственный суд сообщает заинтересованным лицам, участвующим в деле:

- 1) номер счета хозяйственного суда и банковские реквизиты;
- 2) ориентировочный размер сумм, подлежащих предварительному внесению на счет хозяйственного суда.

В случае если хозяйственный суд отказал в удовлетворении соответствующего ходатайства, предварительно внесенные на счет хозяйственного суда денежные средства подлежат возврату лицу, их внесшему.

При поступлении ходатайств о назначении экспертизы в отсутствие предварительно внесенных денежных сумм хозяйственный суд вправе объявить *перерыв* в судебном заседании либо отложить рассмотрение дела и установить срок для внесения денежных сумм, подлежащих выплате экспертам на счет хозяйственного суда. Как указано в п. 4 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2007 г. № 11 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства об экспертизе» [7], если в установленный хозяйственным судом срок на счет хозяйственного суда не будут внесены денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, хозяйственный суд вправе отклонить ходатайство о назначении экспертизы и *рассмотреть дело по имеющимся доказательствам*.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2007 г. № 13 «О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при распределении издержек, связанных с рассмотрением дела в хозяйственном суде», в исключительных случаях, когда решение по делу не может быть принято на основании представленных сторонами доказательств без назначения экспертизы, а денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, предварительно не внесены по причине, признанной хозяйственным судом уважительной, хозяйственный суд вправе удовлетворить заявленные ходатайства или осуществить необходимые процессуальные действия по собственной инициативе [8]. В этом случае хозяйственный суд в зависимости от конкретных обстоятельств дела взыскивает необ-

ходимые суммы на счет хозяйственного суда при вынесении соответствующего определения либо судебного постановления по делу.

Действующий ХПК предусматривает *порядок компенсации издержек, связанных с привлечением в процесс экспертов*: им возмещаются понесенные в связи с явкой в хозяйственный суд расходы по проезду, найму жилого помещения и выплачиваются суточные.

Эксперты получают вознаграждение за выполненную ими по поручению хозяйственного суда работу, если эта работа не входит в круг их служебных обязанностей.

За лицами, вызываемыми в хозяйственный суд в качестве экспертов, в соответствии со ст. 131 ХПК сохраняется средний заработок по месту их работы за все время, затраченное ими в связи с выполнением обязанностей при разрешении споров, возникающих при осуществлении предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности.

Суммы, подлежащие выплате экспертам, предварительно вносятся на депозитный счет хозяйственного суда стороной, заявившей соответствующую просьбу (ходатайство), или третьим лицом по делам, возникающим при осуществлении предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, заявившим самостоятельные требования. Если указанная просьба (ходатайство) заявлена обеими сторонами либо вызов свидетелей, специалистов, назначение экспертизы и другие действия, подлежащие оплате, производятся по инициативе суда, то необходимые суммы вносятся сторонами в равных частях на депозитный счет суда.

Размер суммы, которая заранее вносится стороной (сторонами), определяется судом ориентировочно исходя из указанных в *Положении о порядке выплаты и размерах сумм, подлежащих выплате потерпевшим, гражданским истцам и их представителям, свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым*, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2006 г. № 1775 размеров оплаты [9].

Окончательный расчет производится после выполнения экспертами своих обязанностей по представлению ими или организациями, в которых они работают, соответствующих расчетов. Суммы, причитающиеся экспертам, выплачиваются независимо от взыскания их со сторон из бюджетных средств, выделяемых суду на эти цели.

После проведения необходимых исследований эксперт дает *заключение* в письменной форме.

Заключение эксперта представляет собой судебное доказательство, содержание которого составляет имеющаяся в заключении информация об искомых фактах. Процессуальной формой доказательства является собственно заключение как письменный документ.

В целях разъяснения и дополнения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы. Хозяйственный суд может ограничиться оглашением письменного заключения эксперта, не вызывая его в судебное заседание.

Объектами экспертного исследования могут быть:

- 1) вещественные доказательства;
- 2) документы, предметы, образцы для сравнительного исследования;
- 3) материалы дела, по которому производится судебная экспертиза, содержащие сведения, относящиеся к предмету экспертизы.

Характер выводов эксперта может быть различным. Выделяются два вида выводов эксперта:

- 1) категорические;
- 2) вероятные.

Сведения о фактах, содержащиеся в категорическом выводе эксперта, являются прямым доказательством, которое, будучи признанным судом относимым, допустимым и достоверным, может быть положено в основу судебного решения. Наиболее адекватно отражающим существо вопроса представляется суждение о вероятном заключении как косвенном доказательстве. Из такого заключения с одинаковой степенью вероятности можно сделать, как минимум, два вывода.

Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он обязан включить выводы о них в свое заключение.

Заключение подписывается экспертом. Если производство экспертизы поручено нескольким экспертам, они вправе совещаться между собой, давать одно общее заключение при общности выводов. Эксперт, не согласный с другими экспертами, дает отдельное заключение по всем вопросам.

Заключение эксперта исследуется в заседании хозяйственного суда и оценивается наряду с другими доказательствами.

В случае недостаточной ясности или неполноты заключения эксперта хозяйственным судом может быть назначена **дополнительная** экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту.

Структура заключения эксперта. Наиболее оптимальным способом изложения информации в экспертном заключении является такое его построение, когда заключение состоит из трех частей: вводной, описательной (исследовательской) и заключительной (выводов).

1) *Вводная часть* включает: наименование экспертизы, ее номер; является ли она дополнительной, повторной, комплексной или комиссионной; наименование хозяйственного суда, назначившего экспертизу; сведения об эксперте (экспертах), его квалификации, стаже работы; основание для производства экспертизы; наименование поступивших на экспертизу материалов; вопросы, поставленные на разрешение эксперта.

2) В *исследовательской части* описывается процесс исследования и его результаты, дается научное объяснение установленных фактов, подробно описываются методы и технические приемы, использованные экспертом при исследовании фактических обстоятельств.

3) В *заключительной части* эксперт формулирует свои выводы, излагая их в виде четких ответов на поставленные судом вопросы.

В зависимости от характера сделанных выводов экспертное заключение может быть в альтернативе:

1) *категорическим* (однозначным);

2) *вероятным*.

В категорическом заключении содержится однозначный вывод. Данный вывод может быть положительным или отрицательным. Когда в результате проведения исследования эксперт не может дать однозначного ответа на поставленные вопросы, он дает вероятное заключение. Вероятное заключение эксперта не позволяет сделать однозначный вывод о существовании тех или иных обстоятельств, имеющих значение для дела, но тем не менее является доказательством и подлежит исследованию и оценке в совокупности с другими доказательствами по делу. Фактически вероятное экспертное заключение представляет собой косвенное доказательство.

Оценивая заключение эксперта, суд должен проверить соблюдение норм процессуального права при назначении и проведении экспертизы, определить, на чем основаны выводы эксперта, соответствуют ли эти выводы поставленным вопросам, приняты ли экспертом во внимание все материалы, представленные на экспертизу, а также доброкачественность самих материалов исследования, установить, проведено ли экс-

пертом соответствующее исследование полно и объективно на основе научных или иных специальных знаний.

Суд может отклонить и не принять во внимание экспертное заключение, если оно противоречит другим обстоятельствам дела или если оно, по мнению суда, недостаточно объективно или недостаточно обоснованно. Суд также может, отвергнув заключение эксперта и не принимая во внимание сделанные им выводы, установить обстоятельства дела и вынести решение на основе других доказательств, собранных по делу. В любом случае, когда суд не соглашается с заключением эксперта, он должен в решении указать причины, по которым он не принимает во внимание заключение, обосновав эти причины ссылкой на другие доказательства, установленные обстоятельства дела или на недостатки экспертного заключения. Отсутствие в решении или определении данных о проведении судом оценки экспертного заключения, описания мотивов согласия или несогласия с ним суда может повлечь за собой отмену вынесенного решения.

Если проведение экспертизы было поручено нескольким специалистам, которые дали различные заключения, суд должен оценить каждое из заключений в отдельности. При этом мотивы согласия или несогласия суда с этими заключениями должны быть приведены в решении или определении по каждому из заключений в отдельности [10, с. 204].

Заключение эксперта следует отличать от заключения специалиста.

Специалист – это лицо, обладающее познаниями, необходимыми для обеспечения эффективного осмотра или иного процессуального действия. Такое определение этого участника хозяйственного судопроизводства дано в ст. 71 ХПК. Различаются консультационно-вспомогательная и справочная деятельность специалиста. Первая не имеет самостоятельного доказательственного значения, не опосредуется в каких-либо актах специалиста и направлена на правильное совершение судом процессуального действия. Вторая может быть опосредована в разъяснении специалиста, составляемом при отсутствии потребности в исследовании. Такое разъяснение не исключает, при наличии к тому оснований, проведения экспертизы и не подменяет собой заключения эксперта.

Экспертиза и участие специалиста – различные формы использования специальных знаний. Их отличительные черты обусловлены функциями эксперта и специалиста, способами их реализации. И специалист, и эксперт в своей работе оперируют специальными познаниями, но делают они это в различных формах.

Специалист дает профессиональные пояснения по специальным вопросам; его задача – оказать консультационную или техническую помощь. Главная отличительная функция эксперта заключается в проведении им специального исследования. Эксперт не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание экспертного заключения.

В процессуальной науке обсуждается проблема получения и оценки доказательств с помощью *полиграфа*: при появлении сомнений у суда в достоверности показаний свидетелей или объяснении сторон предлагается назначать психолого-физиологическую экспертизу с использованием полиграфа. Результат исследования оформляется как заключение эксперта-полиграфолога [11].

Подведем итоги.

1. Оценивая заключение эксперта, суд: 1) проверяет соблюдение норм ХПК при назначении и проведении экспертизы; 2) определяет, на чем основаны выводы эксперта, соответствуют ли эти выводы поставленным вопросам; 3) устанавливает, приняты ли экспертом во внимание все материалы, представленные на экспертизу, а также добротность самих материалов исследования; 4) выясняет, проведено ли экспер-

том соответствующее исследование полно и объективно на основе научных или иных специальных знаний.

2. В хозяйственном процессе экспертиза и участие специалиста – две самостоятельные и различные формы использования специальных знаний, отличительные черты которых обусловлены функциями эксперта и специалиста, способами их реализации. В суде специалист дает профессиональные пояснения по специальным вопросам, оказывая консультационную или техническую помощь. Эксперт, в отличие от специалиста, не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку, которая и составляет содержание экспертного заключения.

3. Применение полиграфа в хозяйственном судопроизводстве представляется преждевременным: недостаточная регламентация порядка назначения и проведения психолого-физиологической экспертизы не позволяет рассматривать заключение эксперта-полиграфолога как доказательство по хозяйственному спору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 688 с.

2. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Городец, 2005. – 288 с.

3. Разуваев, А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Разуваев. – Саратов, 2006. – 20 с.

4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе / Е.Р. Россинская. – М., 1996. – 185 с.

5. Каменков, В.С. Кто они – иные участники хозяйственного процесса? / В.С. Каменков // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2009. – № 3. – С. 35–40.

6. Мадудин, Н. Судебная экспертиза в хозяйственном судопроизводстве / Н. Мадудин // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2000. – № 4. – С. 125–129.

7. О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства об экспертизе : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 18 дек. 2007 г., № 11 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 4.

8. О применении Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь при распределении издержек, связанных с рассмотрением дела в хозяйственном суде : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 18 дек. 2007 г., № 13 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 4.

9. Об утверждении Положения о порядке выплаты и размерах сумм, подлежащих выплате потерпевшим, гражданским истцам и их представителям, свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, понятым : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2006 г., № 1775 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 6. – 8/24478.

10. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. М.С. Шакарян. – М. : ТК Велби, Проспект, 2003. – 752 с.

11. Алиев, Т. Получение доказательств с использованием полиграфа в гражданском процессе / Т. Алиев, М. Ульянова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 1. – С. 21–24.

Martinenko I.E. Expertise in Economic Legal Proceedings: the Notion, types, the Order of institution

The article deals with the problem issues of the order of procedure and carrying out of an expertise on economic disputes. The order of procedure of expertise established by the law is stated, the classifications of expertise by types are produced, the argument of separate kinds of expertise is revealed. The contents and structure of expert's finding is analyzed, that constitutes court evidence, the process of court evaluation of expert's finding, and also distinction of legal expert's finding from expert's one. The opinion of the author on the problem of receiving and evaluating the evidence by means of a polygraph detector is stated.

The work is addressed to scientific and practical personnel, being interested in problems of economic process.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.05.09

УДК 343.01

В.В. Марчук

О НАРУШЕНИЯХ ЛОГИЧЕСКИХ ПРАВИЛ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

В предлагаемой статье автор с позиции формальной логики критически осмысливает содержание некоторых понятий, сформулированных в Уголовном кодексе Республики Беларусь и постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. На основе проведённого анализа автор показывает, что многие уголовно-правовые дефиниции являются несоразмерными. Показаны логические ошибки, допускаемые в правотворческой и правоприменительной практике при формулировании соответствующих уголовно-правовых понятий. Сделаны выводы о необходимости чёткого определения в правотворческом процессе пределов криминализации соответствующего поведения и соблюдения принципа единообразия в официальных судебных толкованиях.

Введение

Определения, употребляемые в уголовном законе и постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по отдельным категориям уголовным дел, как ни в какой иной отрасли законодательства должны быть предельно точными и понятными для правоприменителя. Смысловая определённость понятий, употребляемых в тексте Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и правоположениях судебной практики, имеет непосредственное значение для квалификации преступлений. Чёткие и ясные уголовно-правовые термины являются теми «кирпичиками», из которых правоприменитель складывает для себя представление о признаках конкретного вида преступления.

Известно, что правила определения сформулированы в формальной логике. Соблюдены ли указанные правила применительно к определению уголовно-правовых понятий, содержащихся в тексте УК и официальных разъяснениях высшей судебной инстанции Республики Беларусь? Выяснение этого вопроса и является задачей предлагаемого исследования.

Основная часть

В логике термин «определение» имеет несколько значений. В широком смысле слова под определением понимают логическую операцию, состоящую в указании существенных признаков предмета или явления, и результат этой процедуры. В узком смысле слова термин «определение» предполагает указание на главные, существенные отличительные признаки предмета или явления, отраженные в понятии о них [1, с. 142]. Логические правила определения сформулированы применительно к операциям с понятием. В правилах определения выделяют три важных момента: определение должно быть соразмерным; оно не должно содержать порочного круга; должно быть ясным [2, с. 44].

Соразмерность соответствующего определения означает его достаточность, отражение всех существенных признаков определяемого предмета или явления. Сужение или расширение пределов определения даёт основание признавать его несоразмерным.

Основным способом формулирования понятий является определение их через ближайший род и видовое отличие. Как показывает анализ, достаточно часто в определении имеет место смешение родовых и видовых признаков или признание видового признака в качестве родового. Так, в двадцати трех статьях Особенной части УК в качестве преступного деяния называется «незаконный сбыт» соответствующих предметов. Законодатель не даёт легального определения термину «незаконный сбыт».

Но такое определение содержится в правоположениях судебной практики по некоторым категориям уголовных дел. Посмотрим, как высшая судебная инстанция даёт определение незаконному сбыту, например, применительно к незаконной операции с наркотическим средством и огнестрельным оружием. В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» разъяснено, что под незаконным сбытом наркотических средств «понимается как возмездная, так и безвозмездная их *передача* (курс. авт.) другим лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи взаймы и иным способом» [3]. Обратим внимание, что понятие незаконного сбыта здесь определяются через термин «передача». Однако в другом постановлении высшей судебной инстанции применительно к незаконному сбыту, в частности, огнестрельного оружия отмечено: «Как незаконный сбыт огнестрельного оружия необходимо квалифицировать продажу, дарение, отчуждение в иной форме перечисленных предметов их владельцами другим лицам в нарушение порядка, установленного законодательством» [4]. Слово «передача» в данном случае не употребляется в качестве ключевого дефинитивно образующего термина. Это объясняется тем, что в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 3 апреля 2008 г. № 1 путём примерного перечневого подхода определяется понятие «незаконной передачи во владение»: «Незаконной передачей во владение огнестрельного оружия... следует признавать, в частности, предоставление указанных предметов для временного использования, в качестве залога, для хранения на безвозмездной или возмездной основе иным лицам с нарушением установленного законодательством порядка». Такого рода понимание незаконной передачи во владение огнестрельного оружия существенно сужает понимание его незаконного сбыта, поскольку к сбыту не относятся варианты предоставления оружия на возвратной основе. Однако применительно к незаконному обращению с наркотическими средствами незаконная передача охватывается понятием незаконного сбыта, независимо от того, имело ли место отчуждение соответствующего средства или его предоставление на возвратной основе.

Следует заметить, что совершенно в ином соотношении рассматриваются слова «передача» и «сбыт» в этимологических определениях. В толковых словарях русского языка слово «передать» означает отдать во владение, вручить, распространить каким-нибудь способом. Под сбытом понимается продажа чего-либо [5, с. 641, 715]. Таким образом, в отличие от уголовно-правовых определений в русском языке сбыт является видовым понятием по отношению к передаче.

Ещё пример. В уголовном праве применительно к статьям УК, в которых употребляются термины «организация» или «руководство» какой-либо деятельностью, эти терминам совершенно обоснованно придаются разные значения [6, с. 4–5; 7, с. 201; 8, с. 219]. Однако в УК есть нормы, в которых речь идет только об организации соответствующей деятельности (например, ст.ст. 293, 332, 342, 371¹ УК). В таких случаях правоведы понятие «организации» трактуют расширительно: к «организации» относят и «руководство» соответствующей деятельностью [9, с. 777, 892, 915, 973].

Анализ показывает, что судебная практика, несмотря на наличие законодательных определений, по-разному определяет объём соответствующего понятия. Так, часть 13 ст. 4 УК общеопасный способ определяет как «способ совершения преступления, характеризующийся большой разрушительной силой или иным образом создающий опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий (взрыв, поджог, затопление и др.)». На законодательном определении общеопасного способа совершения преступления построено определение общеопасного способа

умышленного причинения тяжкого телесного повреждения: «Под общеопасным (п. 10 ч. 2 ст. 147 УК) следует понимать такой способ умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, при котором действия виновного были заведомо реально опасны для жизни или здоровья других людей либо создавали опасность наступления иных тяжких последствий» [10]. Однако определение общеопасного способа совершения убийства высшая судебная инстанция существенно ограничивает: «Убийство, совершенное общеопасным способом, имеет место в случаях, когда, реализуя умысел на лишение жизни определенного лица, виновный сознательно применил такой способ причинения ему смерти, который заведомо для виновного был реально опасен и для жизни других лиц» [11]. Таким образом, если при совершении убийства использовался способ, который был опасен не для жизни, а для здоровья других лиц, то вменять общеопасный способ как квалифицирующий признак убийства в силу существующего правоположения судебной практики нет оснований. Можно ли признавать такое определение соразмерным?

Таким образом, есть основания констатировать, что объём определения в некоторых уголовно-правовых понятиях ограничивается или расширяется в угоду задач правоприменительной практики. Допустимы ли такие нарушения логических правил определения, даже если это требует необходимость в борьбе с преступностью?

К сожалению, определения некоторых уголовно-правовых понятий содержат порочный круг. Это имеет место даже в дефинициях, содержащихся в уголовном законе. Например, ч. 4 ст. 16 УК определяет понятие организатора преступления следующим образом: организатором «признаётся лицо, *организовавшее (курс. авт.)* совершение преступления...».

В статьях Особенной части действующего УК законодатель при определении соответствующих видов преступлений использовал достаточно удобный приём: в гипотезах уголовно-правовых норм после описания типовых признаков конкретного преступления в скобках приводится название этого преступления. Но и здесь законодатель не удалось избежать тавтологии. Например, в части 1 ст. 349 УК дано следующее определение преступления: «Несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты (несанкционированный доступ к компьютерной информации)...» (?).

В действующем УК есть достаточно много неясных определений. Так, часть 11 ст. 4 УК определяет хулиганские побуждения следующим образом: «Под хулиганскими побуждениями понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития». Во-первых, любой мотив обозначает побуждение к чему-нибудь. Определять мотив через «стремление» методологически неверно. Стремление к чему-нибудь – это признак, характеризующий иной психологический процесс: целеполагание. Во-вторых, употребление в определении хулиганского мотива абстрактных понятий («явное неуважение к обществу», «пренебрежение к общепринятым правилам общежития») приводит к образованию весьма призрачных границ в объёме этого определения.

В действующем УК предусмотрены две специальные нормы, которые устанавливают ответственность за общественно опасные деяния, инспирирующие суицид или попытку суицида: доведение до самоубийства (ст. 145 УК) и склонение к самоубийству (ст. 146 УК). Термин «самоубийство», употребляемый в указанных нормах действующего УК, логически противоречит законодательному определению убийства. Согласно части 1 ст. 139 УК убийством признаётся «умышленное противоправное лишение жизни *другого (курс. авт.)* человека». Если раскрыть понятие самоубийства с учётом по-

ложений части 1 ст. 139 УК, то мы получим весьма парадоксальное определение. Кроме того, в ст.ст. 145 и 146 УК употребляется термин «покушение на самоубийство». В уголовно-правовом смысле термин «покушение на самоубийство» не соответствует природе этого явления. Уголовный закон оперирует термином «покушение на преступление», законодательное определение которому дано в ст. 14 УК. Самоубийство не является преступлением. Поэтому с правовой точки зрения понятие «покушение на самоубийство» является юридически ничтожным, а с точки зрения логики это понятие является нулевым.

4 мая 2005 г. были внесены существенные изменения в ст. 187 УК [12]. В данной статье было дано определение новому преступлению: незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей. Определение этого преступления сформулировано крайне неудачно. Положения данной нормы порождают возможность для необоснованного расширения причинно-следственных отношений и создают предпосылки объективного вменения [13].

Следует обратить внимание на ещё один негативный момент правотворческой деятельности. Изменения, вносимые в последние годы в УК, показывают, что его текст наполняется новыми понятиями, определение которым не даётся ни в самом УК (несмотря на функциональное предназначение ст. 4 УК «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса»), ни в правовых нормах иных отраслей законодательства (если идёт речь о бланкетном признаке состава преступления), ни в постановлениях Пленума Верховного Суда. Так, указанным выше законом существенно была изменена и редакция ст. 171 УК [12]. В названии и тексте данной статьи употреблён новый для уголовного законодательства термин: «использование занятия проституцией другим лицом». Но что следует понимать под этим термином? В части 2 примечаний к ст. 181 УК дано определение понятию сексуальной эксплуатации, к которой, в частности, отнесено использование занятия проституцией. Таким образом, в определении сексуальной эксплуатации использование занятия проституцией называется в качестве одного из её видовых понятий, но само это видовое понятие не раскрывается. Отсутствие определения термину «использование занятия проституцией» создает предпосылки для достаточно широкого толкования этого понятия в судебной практике и порождает серьёзную квалификационную проблему в части отграничения преступления, ответственность за которое предусмотрена в ст. 171 УК, от торговли людьми (ст. 181 УК).

Но даже в тех случаях, когда введение нового понятия сопровождается его легальным определением, содержание этих определений не всегда соответствует целям и природе уголовного права. Например, 7 мая 2007 г. в главу 30 УК были внесены изменения и дополнения, касающиеся уголовно-правовой охраны историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности [14]. Эти изменения и дополнения коснулись ст. 344 УК (умышленное уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности), ст. 345 УК (уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности, по неосторожности) и ст. 346 УК (надругательство над историко-культурными ценностями). Одновременно этим же законом глава 30 УК была дополнена двумя примечаниями. В части 3 примечаний к главе 30 УК было дано определение понятию особо ценного материального объекта: это «материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности, которая *может быть включена или предложена для включения (курс. авт.)* в Список всемирного культурного и при-

родного наследия либо в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, а также материальные объекты, обладающие отличительными духовными, художественными и (или) документальными достоинствами, которые *могут иметь международное или национальное значение (курс. авт.)*, и соответствующие одному из критериев отбора материальных объектов для присвоения им статуса историко-культурной ценности». Гипотетичность суждений, содержащихся в данном определении («может быть включена или предложена для включения», «могут иметь международное или национальное значение»), возможно, уместна в рамках реализации государственной политики в сфере охраны историко-культурного наследия и обозначения круга особо ценных материальных объектов. Однако законодатель, формулируя определение особо ценного материального объекта, забыл о том, что все определения, приводимые в УК, должны соответствовать принципам уголовного закона и основаниям уголовной ответственности. Определение, содержащееся в части 3 примечаний к главе 30 УК, противоречит принципу субъективного вменения и субъективному основанию уголовной ответственности. Согласно части 5 ст. 3 УК «лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых *установлена его вина (курс. авт.)*, то есть умысел или неосторожность». Основанием уголовной ответственности в соответствии со ст. 10 УК является совершение *виновно* запрещенного УК деяния в виде оконченного преступления, приготовления к совершению преступления, покушения на совершение преступления, соучастия в совершении преступления. Если лицо совершит некое физическое воздействие на материальный объект, который, оказываясь, может быть в будущем предложен искушённым специалистом в области историко-культурных ценностей для включения в Список всемирного культурного и природного наследия, то это лицо, по смыслу такого определения, нужно привлекать к уголовной ответственности. Но как тогда быть с другим определением законодателя, содержащимся в части 5 ст. 3 УК: «Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается»?

Заключение

Изложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение дефинитивных предписаний, содержащихся в действующем УК, показывает, что логические правила, предъявляемые к определению, белорусские законодатель и правоприменитель соблюдают далеко не всегда.
2. Типичной ошибкой нарушения логических правил определения является смешение родовых и видовых признаков или признание видового признака в качестве родового.
3. Определения конкретных видов преступлений, содержащихся в статьях Особой части УК, должны чётко и ясно очерчивать пределы криминализации.
4. Отсутствие единых определений криминообразующим понятиям нарушает принцип единообразия в применении уголовно-правовых норм. Обеспечить этот принцип в правоприменительной практике можно только путём законодательных определений, которые предпочтительно размещать в ст. 4 УК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, В.К. Советское право как логическая система : учеб. пособие / В.К. Бабаев – М. : Академия МВД СССР, 1978. – 212 с.
2. Малыхин, Г.И. Логика : учеб. пособие / Г.И. Малыхин. – 4-е изд., испр. Минск : Выш. шк., 2007. – 240 с.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами, сильнодействующими

и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК) : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 26 марта 2003 г., № 1 : по состоянию на 03.04.2008 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК) : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Русский язык, 1998. – 750 с.

6. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 25 сент. 2003 г., № 9 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

7. Уголовное право. Общая часть : учебник / под общ. ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

8. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

10. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2006 г., № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

11. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139) : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

12. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения : Закон Респ. Беларусь, 4 мая 2005 г., № 15–3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

13. Марчук, В. Отличие торговли людьми от некоторых преступлений (проблемы квалификации) / В. Марчук, Е. Коротич // Юстиция Беларуси. – № 5. – 2005. – С. 37–38.

14. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь и признании утратившим силу постановления Президиума Верховного Совета Республики Беларусь «О реорганизации дела охраны историко-культурного наследия в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г., № 212-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

Marchuk V. About Breaches of Logical Rules of Determination of Criminally-legal Concepts in practice of Lawmaking and Application of law

The logical mistakes in determination criminally-legal definitions are indicated, the conclusion about necessity of observance the principle of uniformity in application of criminally-legal norms is done.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 31.07.09

УДК 346

О.В. Труханович, Т.З. Шалаева

РАССМОТРЕНИЕ ДЕЛ СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

В статье раскрываются правовые проблемы апелляционного производства в хозяйственном процессе Республики Беларусь, а также предлагаются пути их решения. Для повышения эффективности судебной защиты наше хозяйственное процессуальное законодательство предусматривает специальный «охранительный блок» – «Производство по пересмотру судебных постановлений», сосредоточенный в разделе 3 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь.

По результатам изучения и анализа действующего законодательства, судебной практики, публикаций судей Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, хозяйственных судов областей, ученых-юристов Беларуси, для преодоления разногласий в применении процессуального законодательства, а также с целью формирования единообразной судебной практики, предлагается авторское видение решения проблем апелляционного производства.

Введение

Осуществление предпринимательской деятельности нередко предполагает столкновение интересов субъектов хозяйствования. Одной из форм защиты нарушенного или оспариваемого права является обращение с иском в хозяйственный суд. Очевидно, что вынесенное по результатам рассмотрения дела судебное постановление не всегда в полной мере устраивает обе спорящие стороны. К тому же осуществление правосудия, как и любая область деятельности человека, к сожалению, не исключает ошибок.

Вынесение судом незаконного и необоснованного постановления может существенно нарушить права и законные интересы как субъектов хозяйствования, так и иных лиц, не являющихся участниками предпринимательской деятельности.

Одной из важнейших гарантий законности судебного решения является возможность его проверки вышестоящей инстанцией. Для повышения эффективности судебной защиты наше хозяйственное процессуальное законодательство предусматривает специальный «охранительный блок» – «Производство по пересмотру судебных постановлений», сосредоточенный в разделе 3 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК).

Производство в апелляционном суде является первой ступенью в пересмотре постановлений суда первой инстанции вышестоящими судами. При этом суд апелляционной инстанции является единственной вышестоящей инстанцией, правомочной на основании поступившей жалобы (протеста) повторно рассматривать дело по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам.

Иными словами, апелляцией называется пересмотр судебных постановлений, не вступивших в законную силу, судом апелляционной инстанции по имеющимся в деле и дополнительно представленным доказательствам на основании поступившей жалобы (принесенного протеста).

Часть ученых-правоведов считают институт апелляции в некотором роде аномалией хозяйственного процесса, так как в идеале при неуклонном выполнении требований процессуальных норм задачи судопроизводства, как то: правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дел, будут полностью реализованы уже в суде первой инстанции [1].

При таком варианте вынесение судом законного и обоснованного постановления способствует укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Институт апелляции существует в белорусском хозяйственном процессуальном законодательстве с марта 2005 года, когда была введена в действие новая редакция ХПК, и процессуальная судебная практика по рассмотрению апелляционных жалоб (протестов) в основном является единообразной и отработанной. В то же время как стороны при обжаловании судебных постановлений, так и суд при рассмотрении апелляционных жалоб сталкиваются с проблемами применения процессуального законодательства. Так, совмещение в одном звене системы хозяйственных судов функций первой и апелляционной инстанции приводила к тому, что стороны предпочитали обжаловать постановление в кассационном порядке, нежели в апелляционном суде.

Достаточно спорным остается и вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если хозяйственный суд принял судебное постановление об их правах и обязанностях.

С предоставлением суду апелляционной инстанции права самостоятельно привлекать к участию в деле третьих лиц возникла проблема обжалования указанными лицами постановления в апелляционном порядке.

Наконец, споры и разнотолки вызывают формулировки оснований для отмены постановления суда первой инстанции, в частности, «неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела», а также «недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые хозяйственный суд посчитал установленными».

Проблемы апелляционного обжалования

По результатам изучения и анализа действующего законодательства, судебной практики, публикаций судей Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, хозяйственных судов областей, ученых-юристов Беларуси, для преодоления разногласий в применении процессуального законодательства, а также с целью формирования единообразной судебной практики, предлагаем собственное видение решения проблем апелляционного производства.

Еще до вступления в силу новой редакции ХПК, предусматривавшей введение в действие института апелляции, в юридической литературе поднимался вопрос о целесообразности рассмотрения апелляционных жалоб тем же судом, в котором было вынесено постановление по первой инстанции [2].

Законодатель считал, что с задачами рассмотрения дел по первой инстанции, а также разрешения апелляционных жалоб (протестов) успешно справятся хозяйственные суды одного звена. На практике же до недавнего времени часть субъектов хозяйствования, решивших обжаловать судебное постановление суда первой инстанции, обращались с жалобой напрямую в Кассационную коллегия Высшего Хозяйственного Суда, минуя апелляционное обжалование.

Такое поведение мотивировалось тем, что лица, подающие жалобу, не были уверены в том, что она будет рассмотрена независимым и беспристрастным судом.

Если вспомнить о том, что апелляционные жалобы рассматриваются специализированной апелляционной инстанцией, создаваемой в хозяйственных судах областей и города Минска, то есть в тех же хозяйственных судах, которые выносили решение или определение по делу по первой инстанции, то такая позиция не является обоснованной.

В состав апелляционной коллегии так или иначе входят коллеги судьи, вынесшего постановление по первой инстанции, и существует реальная опасность, что сложив-

шиеся между этими людьми личные отношения могут негативным образом отразиться на беспристрастности судей и помешать выработке позиции по делу.

С внесением в июле 2008 года изменений и дополнений в статью 288 ХПК появилось новое основание для возврата кассационной жалобы в случае, если она была подана, минуя апелляционную инстанцию хозяйственного суда. Исключение из данного правила установлено для тех постановлений, которые не были обжалованы в апелляционную инстанцию по причинам, признанным уважительными, а также для постановлений, которые в соответствии с ХПК не могут быть обжалованы (опротестованы) в апелляционном порядке.

Рост количества дел, поступающих в хозяйственные суды, а также обязательность прохождения большинства судебных постановлений при обжаловании через суд апелляционной инстанции не могли не сказаться на рабочей нагрузке апелляционных коллегий. Кроме того, судьи, входящие в состав коллегий, помимо рассмотрения апелляционных жалоб (протестов) разрешают также дела по первой инстанции. Увеличение нагрузки не может не сказаться на качестве рассмотрения как дел по первой инстанции, так и апелляционных жалоб.

По нашему мнению, разрешение сложившейся ситуации возможно путем, которым последовала система арбитражных судов Российской Федерации, то есть выделением судов апелляционной инстанции в отдельное звено. Для этого необходимо дополнить Кодекс о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь, а в частности статьи 59 и 60, положением о том, что систему хозяйственных судов помимо Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов областей (г. Минска) составляют и хозяйственные суды апелляционной инстанции областей и г. Минска. Также из статьи 61 Кодекса о судостроительстве и статусе судей следует исключить положение о том, что в состав хозяйственных судов областей (г. Минска) входит апелляционная судебная коллегия, а из компетенции хозяйственных судов областей (г. Минска), определенной статьей 62, исключить правомочие на рассмотрение дел в апелляционном порядке.

Кроме того, статью 268 ХПК необходимо изложить в следующей редакции: «Апелляционные жалобы (протесты) рассматривают коллегии судей хозяйственного суда апелляционной инстанции области и приравненного к нему суда».

Состав коллегии хозяйственного суда апелляционной инстанции назначается председателем суда или его заместителем в количестве не менее трех судей хозяйственного суда апелляционной инстанции».

Еще одним камнем преткновения остается вопрос об обязательности соблюдения требования о направлении копии жалобы иным участникам процесса (пункт 3 части 3 статьи 270 ХПК) лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если хозяйственный суд принял судебное постановление об их правах и обязанностях.

Законодатель изначально не относит указанных лиц к лицам, участвующим в деле, и, соответственно, не наделяет их правами и обязанностями, предусмотренными статьей 55 ХПК.

Согласно сложившейся практике права и обязанности участников процесса возникают у таких лиц с момента принятия судом апелляционной инстанции их жалобы к производству. Однако для того, чтобы жалоба была принята к производству, она должна соответствовать требованиям статьи 270 ХПК. А одним из условий соответствия жалобы требованиям законодательства является обязательность приложения доказательств, свидетельствующих о направлении другим лицам, участвующим в деле, копий апелляционной жалобы и документов, которые у них отсутствуют.

Лица, которые изначально не принимали участия в деле, а узнали о существовании спора лишь после вынесения судебного постановления об их правах и обязанностях, как правило, не знакомы с материалами дела и, соответственно, не всегда могут знать юридические адреса сторон по рассматриваемому спору. При этом они приобретают право на ознакомление с материалами дела и иные права участников процесса с момента принятия их жалобы к производству.

Полагаем, что для устранения такого «замкнутого круга» действующее хозяйственное процессуальное законодательство необходимо дополнить положением о том, что лица, не привлеченные к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если хозяйственный суд принял судебное постановление об их правах и обязанностях, не обязаны соблюдать требования о направлении копии жалобы иным участникам процесса.

Как альтернативный вариант разрешения данного вопроса возможно отнесение таких лиц по правовому статусу к участникам процесса с наделением их соответствующими правами и обязанностями с момента вынесения судом постановления об их правах и обязанностях.

С июля 2008 года, как уже отмечалось, полномочия суда апелляционной инстанции были расширены предоставлением ему права привлекать к участию в деле третьих лиц.

Указанная норма, несомненно, позволяет апелляционному суду более полно рассмотреть и разрешить дело, однако, как оборотная сторона медали, возник вопрос об утрате третьими лицами, привлеченными к участию в деле в таком порядке, права на обжалование судебного постановления в апелляционную инстанцию.

Одним из принципов осуществления судопроизводства в хозяйственных судах является принцип равноправия сторон. Отсутствие возможности обжаловать постановление в апелляционном порядке вносит некоторый дисбаланс в права лиц, участвующих в деле.

По нашему мнению, преодоление этой проблемы возможно путем наделения суда апелляционной инстанции полномочиями направить при таких обстоятельствах дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Таким образом, статью 279 ХПК следует дополнить в части полномочий суда апелляционной инстанции правом отмены судебного постановления хозяйственного суда первой инстанции в целом или его части и направления дела на новое рассмотрение в хозяйственный суд первой инстанции, если суд первой инстанции принял судебное постановление о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле.

По правилам статьи 278 ХПК апелляционная жалоба (протест) должна быть рассмотрена в срок не более пятнадцати дней со дня ее поступления в хозяйственный суд, включая срок на принятие постановления по результатам ее рассмотрения. Исключение из данного правила установлено для рассмотрения жалоб на определение хозяйственного суда первой инстанции о возвращении искового заявления. Такие жалобы рассматриваются в пятидневный срок без вызова сторон. В то же время в целях процессуальной экономии считаем целесообразным установить сокращенный порядок рассмотрения жалоб и на определения, препятствующие дальнейшему движению дела, например, определений о приостановлении производства по делу, изложив, соответственно, часть 3 статьи 278 ХПК в следующей редакции: «Апелляционная жалоба (протест) на определение хозяйственного суда первой инстанции о возвращении искового заявления, а также на определения, препятствующие дальнейшему движению дела, рассматривается хозяйственным судом апелляционной инстанции не более пяти дней со дня ее поступления в суд без извещения сторон».

Вынесение судом обоснованного решения предполагает полное и всестороннее исследование обстоятельств, входящих в предмет доказывания, или существенных обстоятельств.

Существенными обстоятельствами являются факты, с которыми норма права связывает определенные правовые последствия (возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей). К ним относятся и те обстоятельства, которым значение фактов придает суд при разрешении спора. Неполное выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания, или существенных обстоятельств, приводит к вынесению необоснованного судебного решения.

ХПК в качестве оснований для отмены постановления суда первой инстанции предусматривает неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела, а также недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые хозяйственный суд посчитал установленными. В то же время формулировка «обстоятельства, имеющие значение для дела» является широкой. Значение для дела могут иметь и те обстоятельства, которые не влияют на результат его рассмотрения. Более целесообразной является формулировка, предложенная Д.Н. Демиденко: «неполное выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания» и, соответственно, «положение судом в основу решения фактов, не подтвержденных достаточными и достоверными доказательствами» [3]. Таким образом, новая редакция п. 1 и 2 ч. 1 ст. 280 ХПК будет звучать следующим образом: «Основаниями для изменения или отмены судебного постановления хозяйственного суда первой инстанции являются:

- неполное выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания;
- положение судом в основу решения фактов, не подтвержденных достаточными и достоверными доказательствами».

Выводы: пути решения проблем апелляционного обжалования

Обобщая вышеизложенное, для устранения противоречий и разногласий в применении апелляционного процессуального законодательства считаем необходимым уточнить и дополнить действующее апелляционное законодательство нормами следующего содержания: во-первых, выделить хозяйственные суды апелляционной инстанции в самостоятельное звено судебной системы; во-вторых, определить, что лица, не привлеченные к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, вынесенным по делу, если хозяйственный суд принял судебное постановление об их правах и обязанностях, обладают правами и обязанностями участников процесса с момента вынесения судом такого постановления. Либо, как альтернативный вариант, уточнить положения пункта 2 части 3 статьи 270 ХПК о том, что на указанных лиц не распространяется требование об обязательности приложения к их апелляционной жалобе документов, подтверждающих направление другим лицам, участвующим в деле, копий апелляционной жалобы и документов, которые у них отсутствуют. А извещение заинтересованных лиц о поданной жалобе (протесте) возложить на хозяйственные суды апелляционной инстанции в срок одного рабочего дня со дня ее подачи; в-третьих, предоставить суду апелляционной инстанции полномочия в случае привлечения к участию в деле третьих лиц направлять дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции; в-четвертых, установить сокращенный срок рассмотрения апелляционных жалоб не только на определения о возвращении искового заявления, но и на иные определения, препятствующие дальнейшему движению дела. И, наконец, в-пятых, формулировки пунктов 1 и 2 части 1 статьи 280 ХПК «неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела» и «недоказанность обстоятельств, имеющих значение для дела, которые хозяйственный суд посчитал установленными» заменить соответственно «неполное выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания» и «положение

судом в основу решения фактов, не подтвержденных достаточными и достоверными доказательствами».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилин, Г.А. Задачи и цели суда в апелляционном и кассационном производстве / Г.А. Жилин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 5. – С. 13–17.
2. Валдайцев, Д.С. Апелляционное обжалование. Становление новой стадии хозяйственного процесса / Д.С. Валдайцев, Ю.М. Ясницкая // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2006. – № 17. – С. 44–48.
3. Демиденко, Д.Н. Институт апелляции в новой редакции ХПК Республики Беларусь и возможные пути совершенствования гражданского судопроизводства / Д.Н. Демиденко // Промышленно-торговое право. – 2004. – № 4. – С. 131–148.

Truchanovich O., Shalaeva T. Disposal of Legal Proceeding by Court of Appeal Instance: Separate Questions Remedial Lawenforement and Ways of Their Sanction

One of the major guarantees of legality of a judgement is the opportunity of its check by higher instance. For increase of efficiency of judicial protection our economic remedial legislation provides special «guarding block» – «Manufacture on revision of judicial decisions», concentrated in section 3 of the Economic remedial code of Byelorussia.

According to the results of studying and analysis of current legislation, judiciary practice, publications of judges of the Maximum Economic Court of Byelorussia, district economic lawyers Belarus, for overcoming disagreements in application of the remedial legislation, and also with the purpose of formation of uniform judiciary practice.

Author's vision of the decision of problems of appeal manufacture is offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.06.09

УДК 159.9

Л.Г. Лысюк

МОРАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ОПАСНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

В статье представлены результаты изучения особенностей морального самосознания в юношеском возрасте. Эмпирические исследования показали, что в ситуациях столкновения интересов двух людей в обычных житейских ситуациях молодые люди редко видят моральные аспекты отношений. Для большинства из них моральный конфликт как осознанное внутреннее противоречие между разнонаправленными мотивационными тенденциями в самосознании не представлен. В качестве одной из возможных причин этого рассматривается низкий уровень развития представлений об этических категориях и умений использовать их для оценки поведения других людей, а также для оценки и регуляции собственного поведения. Кроме этого, на способность объективно оценить поведение другого человека как соответствующее или не соответствующее моральным нормам оказывает влияние личное эмоциональное отношение к этому человеку, которое блокирует размышления о моральных основаниях поступка.

Введение

Юношеский возраст рассматривается как возраст возникновения личностной идентичности, возраст поиска и утверждения личного мировоззрения. Одной из важнейших составляющих личностной идентичности является моральная идентичность, в основе которой лежит осознанный выбор молодым человеком личных моральных норм и принципов, а также свободное и добровольное поведение, соответствующее этим нормам.

Необходимость обращения человека к моральным нормам появляется тогда, когда в его внутреннем мире сталкиваются две противоположные и взаимоисключающие мотивационные тенденции. Одна тенденция характеризуется стремлением действовать в соответствии со своими личными, зачастую *эгоистическими* желаниями и потребностями (приобрести для себя лично какие-то материальные выгоды или занять определенное положение в обществе, страх лишиться чего-либо, например, душевного и физического комфорта, страх осуждения и пр.). Другая тенденция направлена на помощь другим людям, на утверждение высших норм и принципов добра, справедливости и истины, то есть на утверждение духовной природы человека.

Как возникновение, так и разрешение этого конфликта предполагает прежде всего наличие у человека соответствующих *представлений* о моральных аспектах человеческих отношений. Достаточно широко развитие моральных представлений изучалось Л. Кольбергом [5]. Однако критики справедливо указывали на то, что используемые в исследованиях Кольберга моральные дилеммы не отражают конкретную реальность моральной жизни (*everyday morality*) и соответственно не позволяют выявить способность человека к моральному размышлению в ситуациях морального выбора, а также связи между моральным мышлением и моральным поведением [6]. В связи с этим исследования были направлены на поиск того, как можно выявить представления и оценки моральных ситуаций, с которыми люди сталкиваются в разных сферах реальных человеческих отношений (личная мораль, мораль в межличностных отношениях, моральные аспекты социальной жизни). На основе изучения моральных ситуаций, которые возникают в жизни подростков, была разработана The Visions of Morality Scale [6].

Возникновение противоположных мотивационных тенденций в ситуации морального конфликта отражает реальное столкновение интересов людей. По теории M.L. Hoffman [4], в основе выбора поведения, соответствующего моральной норме, ле-

жит способность к эмпатии, которая позволяет понять страдание другого человека, сопереживать этим страданиям и совершить какие-то действия, направленные на поддержку страдающего человека. Эмпатическое развитие, в свою очередь, тесно связано с развитием способности человека отличать себя от других, т. е. с развитием его самосознания. Эта идея побуждает к более тщательному исследованию роли самосознания в развитии моральности человека.

В качестве одного из возможных направлений изучения этой проблемы можно рассматривать исследование того, как знание о собственных представлениях о моральности (*moral metacognition*) может влиять на моральное поведение. Как показали исследования Н.Л. Swanson, G. Hill [7], способность рефлексировать свои размышления по поводу моральных дилемм позволяет подросткам увидеть несоответствие между суждением и поведением, что, в свою очередь, вызывает у них стремление это несоответствие преодолеть. Таким образом, размышления над своими моральными размышлениями или моральное самосознание, предшествующие совершению морального выбора или появляющиеся в результате совершения аморального поступка, влияют на моральное поведение.

В исследованиях С.Г. Якобсон, посвященных изучению психологических механизмов этического поведения дошкольников, было показано, что появление способности поступать в соответствии с моральной нормой связано с развитием у ребенка умения самостоятельно оценить свой реальный поступок как соответствующий или не соответствующий моральной норме.

О том, что самосознание включено в процесс моральной саморегуляции, свидетельствует, по мнению ряда авторов, появление таких чувств, как стыд, вина, угрызения совести [2]. Их возникновение связано с процессом самостоятельного сопоставления своих поступков с внешними (вина, стыд) или внутренними (совесть) нравственными требованиями.

Таким образом, исследования последних лет все больше акцентируют внимание на том, что в моральном развитии и функционировании личности важную роль играет самосознание. В связи с этим и в свете того, что в юношеском возрасте происходит развитие моральной идентичности, *целью* исследования было изучение некоторых особенностей морального самосознания у студентов.

Метод исследования¹

Методика, направленная на выяснение особенностей морального самосознания в юношеском возрасте, состояла из нескольких этапов.

На *первом этапе* определялась способность молодых людей выделять моральные аспекты отношений между людьми, которые представлены в поступках человека, его мыслях и чувствах.

Для достижения поставленной цели были использованы два отрывка из повести Л.Н. Толстого «Юность». В данных отрывках художественно ярко и живо описывались конфликтные ситуации, которые с достаточно большой вероятностью могли бы случиться в жизни современных молодых людей, а также переживания и мысли героев в этих ситуациях. На бланках, которые предлагались молодым людям, описания внутренних состояний были заменены точками, и испытуемые должны были вставить возможные в данных ситуациях, с их точки зрения, действия, эмоции и мысли героев (Как вы думаете, что чувствовали, думали, делали персонажи рассказа?). Заметим, что пове-

¹ В проведении эмпирического исследования принимала участие студентка социально-педагогического факультета Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина О.Горейко

дение героя обоих рассказов, который был студентом, с точки зрения морали было явно небезупречным.

Перед *началом* исследования молодым людям сообщалось, что предметом изучения является сравнение представлений о человеческих отношениях у студентов двух разных эпох.

На *втором этапе* молодых людей просили дать определение наиболее важным моральным категориям: а) добрый – злой; б) альтруист – эгоист; в) справедливый – несправедливый. Ответы сопоставлялись с определениями, данными в «Словаре по этике» [1]. Целью этого этапа являлось выяснение представлений студентов о морали, которые могут быть использованы в качестве инструмента для оценки поведения других людей и своего собственного в ситуациях морального выбора.

На *третьем этапе* молодым людям предлагалось оценить героев рассказа относительно выделенных моральных категорий. Для этого на шкале, полюса которой составляют эти категории (добрый – злой, альтруист – эгоист, справедливый – несправедливый), нужно было отметить местонахождение героев рассказов и обосновать, почему молодые люди дали им такие оценки.

И, наконец, испытуемых просили обозначить на шкалах место, куда они поместили бы самих себя, и также обосновать свой ответ. Эта процедура позволяла выяснить, существует ли идентификация с кем-либо из героев и если да, то с каким героем идентифицируют себя участники исследования. Мы полагали, что, идентифицируясь с тем или иным героем, испытуемый проецирует на него свои мысли, чувства и способы поведения.

Таким образом, опосредствованно можно выявить то, как молодые люди смотрят на ситуации, обладающие моральными измерениями, и что они выделяют в своем внутреннем мире как существенное в условиях столкновения разнонаправленных интересов (является ли у них субъективное переживание морального конфликта).

В исследовании принимали участие студенты 1–2 и 4–5 курсов в возрасте от 18 до 23 лет. Всего – 40 человек.

Результаты исследования

Результаты *первого этапа* исследования позволили выделить чувства и действия, которые приписывают студенты героям рассказов, и выявить тем самым, видят ли молодые люди в анализируемой ситуации моральный конфликт.

При анализе *чувств* мы исходили из того, что если молодые люди способны увидеть моральные аспекты ситуаций, то это обнаружится через приписывание героям таких моральных переживаний, как стыд, чувство вины, совесть. Оказалось, что только 15% студентов 1–2 курса и 25% студентов старших курсов отметили наличие моральных переживаний у персонажей историй (стыд, вина, раскаяние): «Как неудобно получилось. Я действительно виноват... Наверное, нужно извиниться»; «Не стоит накалять ситуацию. Я был неправ».

Доминируют же при описании две другие группы эмоций. Первая группа – это негативные эмоции, *направленные на другого человека* как на препятствие для реализации собственных целей: «раздражение – недовольство – возмущение – злость – гнев – ярость».

Вторая группа негативных эмоций отражает личностные переживания героев, которые связаны с субъективной угрозой для чувства собственной ценности. К таким переживаниям относятся обида, огорчение, разочарование.

Кроме указанных эмоциональных состояний встречались еще и такие, как удивление, презрение, страх. Однако их упоминало меньшее количество испытуемых и лишь по отношению к отдельным персонажам рассказов.

Анализ *действий*, которые приписывались героям обоих рассказов, показал, что *моральное поведение*, которое строится с учетом интересов и особенностей другого че-

ловека, обозначили только 20% студентов. Например, помощь в решении проблемы (уступить место другому человеку), извинение за причиненные неудобства, вопросы о состоянии другого человека («А может, он не в курсе случившегося?») и т. п. Чаще же всего участники исследования описывали следующие способы поведения в конфликтных ситуациях: отстаивание своих интересов, возмущение поведением другого человека, воздействие на другого для достижения своих целей, избегание.

Данные *второго этапа* исследования, связанные с пониманием студентами моральных категорий, показали, что у 77,5% испытуемых определение понятия «*добрый*» соответствует словарному, т. е. молодые люди полагают, что доброта проявляется в бескорыстной помощи другим, в отзывчивости и внимательности к другим людям. К неадекватным определениям были отнесены ответы, в которых добро определялось как воспитанность, любезность и пр.

Понятию «*злой*» дали верное определение 65% студентов. По их мнению, «злой» – это человек раздражительный, выплескивающий свою агрессию на других (сердитый), желающий плохого другим людям. Неадекватны такие определения, как злой – это несправедливый, безразличный, вступающий в конфликты и др.

Только 57,5% испытуемых дали верное определение понятию «*альтруизм*», а именно: «это человек, который бескорыстно делает все для других, жертвуя собой», «живет для других».

85% испытуемых определили, что «*эгоист*» – это человек, который любит только себя и который собственную выгоду, интересы ставит на первое место и думает только о себе.

35% испытуемых имеют адекватные представления о справедливости. Они считают, что справедливый – это объективный человек, может выделить истину, правду; либо что это беспристрастный и непредвзятый человек.

Результаты показали, что наиболее точно испытуемые давали определение понятиям «*добрый – злой*» и «*эгоист*», затруднились с определением понятия «*альтруист*», и не смогли определить понятия «*справедливость*» и «*несправедливость*».

На *третьем этапе* молодым людям предлагалось оценить героев рассказа относительно выделенных моральных категорий. Анализ показал, что большинство испытуемых в обеих ситуациях считают Героя «*добрым*» (75%), «*альтруистом*» (52,5%) и «*справедливым*» (72,5%). Людей же, которые находятся с ним в конфликте, соответственно рассматривают преимущественно как «*злых*» (62,5%), «*эгоистов*» (85%) и «*несправедливых*» (70%).

При обосновании своих ответов испытуемые, как правило, апеллируют к конкретным фактам поведения персонажей. Некоторые студенты не приводят никаких аргументов, а говорят, что герой для них «*просто симпатичнее*».

Анализ того, какие факты используют испытуемые для обоснования своих оценок, показал, что достаточно часто эти факты не соответствуют определениям моральных категорий, которые давали сами испытуемые. Так, например, своего сверстника они считали *добрым*, поскольку он «*ничего плохого не сделал*», «*повел себя благороднее, не кричал*», «*просто отстаивал свое мнение*». Интересно, что при определении понятий большинство испытуемых называли добрым человека, который бескорыстно помогает другим, отзывчивый, делает благо.

Альтруизм молодого человека испытуемые видят в том, что он «*вынужденно, но уступил*», «*по ситуации не скажешь, что он эгоист*» и т. п. Вспомним, что около половины студентов вообще не смогли определить, что такое альтруизм.

Обоснования оценок героев рассказов как *справедливых* или *несправедливых* также не адекватны собственным определениям тех испытуемых, которые их вообще давали. Довольно часто именно при обосновании этих категорий было зафиксировано

много высказываний, которые скорее повторяют оценку персонажей, усиливают ее, чем обосновывают. Например, герой рассказа справедлив, потому что «правильно поступил, любой повел бы себя так же в этой ситуации». Мужчина во втором рассказе несправедлив, так как «предъявлял претензии и хотел, чтобы все было «по его».

Анализ обоснований оценок, которые давались героям рассказов, обнаружил еще одну особенность, выражающуюся в том, что достаточно часто приводимые факты и их интерпретации не соответствуют сущности описанных в рассказах ситуаций. Например, при обосновании того, что молодой человек является добрым, испытуемые говорили, что он «не ответил тем же», «старался избежать конфликта», «уважает старших». Вместе с тем поведение молодого человека в обеих ситуациях фактически и спровоцировало конфликт. Или мужчина во втором рассказе был охарактеризован как злой, потому что он «задел молодого человека первым» (?), «кричал и сделал замечание», «думал только о себе, эгоист». Непременно следует подчеркнуть, что конфликт между молодым человеком и женщиной возник именно тогда, когда молодой человек несанкционированно нарушил личное пространство женщины. Очевидно, что подобные обоснования явно не соответствуют сути описываемой ситуации и поведению оцениваемых персонажей.

Аналогичные результаты были получены и при анализе обоснований того, почему испытуемые оценивали персонажей рассказов как альтруистов-эгоистов или справедливых-несправедливых.

Данные, связанные с *самооценкой* испытуемых, были получены путем обозначения на шкалах места, куда они поместили бы самих себя. Большинство испытуемых приписывают себе качества «доброего» человека (72,5%), «альтруиста» (52,5%) и считают себя справедливыми (70%). О своей доброте они судят по тому, что «помогают другим» и являются отзывчивыми, что совпадает с определением. Остальные испытуемые поставили себя в середине шкалы, аргументируя это тем, что могут быть и добрыми и злыми. Свой альтруизм молодые люди обосновывают тем, что сначала они думают и что-то делают для других, а потом для себя. Те, кто охарактеризовал себя как эгоистов (20%), сообщили, что они думают только о себе и очень любят себя. Обосновать свои самооценки, связанные со справедливостью, испытуемые не смогли. Их ответы звучали обычно так: «просто стараюсь быть справедливым», «стараюсь взвесить все «за» и «против», «действую по ситуации».

Последняя группа данных показала, с кем из персонажей предложенных рассказов идентифицируются испытуемые. Это осуществлялось путем сопоставления расположения на шкалах себя и каждого персонажа. Оказалось, что по шкале «добрый – злой» 55% испытуемых идентифицируются с молодым человеком, своим сверстником. По шкале «эгоист – альтруист» идентифицируются с молодым человеком в первой ситуации 42,5 % испытуемых и во второй ситуации 35% испытуемых. Похожие данные и в идентификации по шкале «справедливый – несправедливый»: 55% испытуемых в первой ситуации и 42,5% испытуемых во второй размещают себя на шкале в том же месте, где располагается и основной герой рассказов.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе исследования данные показали, что в случаях столкновения интересов двух людей в обычных житейских ситуациях молодые люди крайне редко видят моральные аспекты отношений. В их представлениях о внутренних переживаниях человека в подобных ситуациях и о возможных действиях, направленных на совладание с ними, доминируют тенденции отстаивания своих позиций и интересов, без учета интересов и особенностей другого человека, контекста ситуации, без обращения к урегулированию конфликта с помощью моральных норм и принципов.

Анализ отношения испытуемых к различным персонажам рассказов показал, во-первых, сильно выраженную поляризацию в оценке героев, хотя в описанных историях резкой дифференциации между ними нет. Более того, герой, которому симпатизирует большинство студентов, напротив, вел себя менее этично, чем те, с кем у него был конфликт, но, тем не менее, он был оценен испытуемыми исключительно позитивно. Во-вторых, студенты не просто симпатизируют герою, но многие из них идентифицируются с ним, что может быть свидетельством того, что наши испытуемые в похожих ситуациях ведут себя аналогичным образом. А это значит, что у большинства из них моральный конфликт как осознанное внутреннее противоречие между разнонаправленными мотивационными тенденциями субъективно не представлен.

Почему? Потому что для осознания таких противоречий необходим инструмент в виде ясного понимания моральных норм и принципов. Такое понимание создает своеобразную систему координат, в которую «помещается» конкретный акт поведения (своего или другого человека) и квалифицируется как соответствующий или не соответствующий имеющимся у человека эталонам. Как показали полученные данные, у участников исследования не развиты в достаточной мере представления о существенных этических категориях, и прежде всего таких, как альтруизм, справедливость. Можно предположить, что их моральная система координат находится в процессе становления.

Анализ обоснований этических оценок, которые были даны персонажам рассказов, показал, что многие испытуемые не опирались на данные ими же определения моральных принципов. Они руководствовались, прежде всего, своим личным отношением к героям, а не размышлениями о ситуации и взаимоотношениях между героями (моральная метакогниция не функционировала). Это, в свою очередь, можно рассматривать в определенной мере как показатель ситуативности и непосредственности поведения молодых людей в условиях объективного существования морального конфликта.

Полученные данные высвечивают психологические особенности молодых людей, которые можно рассматривать как сигнал угрозы для полноценного морального развития личности. Во-первых, оказалось, что у молодых людей недостаточно развиты знания об основных моральных категориях и умения использовать эти знания для оценки поведения других людей и своего собственного. Во-вторых, обнаружен дефицит моральных чувств и эмпатического отношения к другому человеку.

Вместе с тем юношеский возраст – это период, когда происходит интенсивный поиск себя, личных ценностей и идеалов. И хотя развитие моральности начинается еще в дошкольном возрасте, юношеский возраст является возрастом, когда человек встает перед выбором, каким ему быть. В эпицентре этого выбора оказываются процессы осознания себя в системе моральных координат. И очень важно, чтобы в это время рядом с молодыми людьми были те, кто сможет поддержать их в поисках образа жизни, наполненного смыслом, человеколюбием, милосердием и добротой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. – 6-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.
2. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
3. Якобсон, С.Г. Психологические проблемы этического развития детей / С.Г. Якобсон. – М. : Педагогика, 1984. – 144 с.
4. Hoffman, M.L. Development of prosocial motivation: Empathy and guilt. The development of prosocial behavior / ed. N. Eisenberg. – New York : Academic Press, 1982. – P. 281–313.

5. Kohlberg, L. The philosophy of moral development: Moral stages and the idea of justice: Vol. 1. Essays on moral development / L. Kohlberg. – San Francisco : Harper & Row, 1981.
6. Shelton, Ch.M. In search of an everyday morality: the development of a measure / Ch.M. Shelton, D.P. McAdams // Adolescence. – 1990. – Vol. XXV. – № 100. – P. 923–943.
7. Swanson, H.L. Metacognitive aspects of moral reasoning and behavior / H.L. Swanson, G. Hill // Adolescence. – 1993. – Vol. XXVIII, № 111. – P. 711–734.

Lysiuk L.G. Moral Self-consciousness Among Youth: Dangers and Possibilities

The article is devoted to the studying of peculiarities of moral self-consciousness of the youth. The empirical research shows that young people seldom see moral aspects of relations in situations of collision of interests of two persons in everyday situations. For the majority of them the moral conflict is not presented as the realized internal contradiction among multifaceted motivational tendencies in self-consciousness. As one of the possible reasons for this is the low level of development of representations of ethical categories and abilities to use them for both an estimation of behavior of other people and an estimation and regulation of their own behavior. Besides for the ability to estimate objectively the behavior of another person as corresponding or not corresponding to moral standards, the personal emotional attitude to this person is very important which blockades reflections of the moral bases of an act.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.09

УДК 159.9

Е.Е. Марченко**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ
АКТУАЛИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ СМЫСЛОВЫХ
ОСНОВАНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Статья посвящена анализу условий актуализации рефлексии смысловых оснований деятельности. Рефлексия смысловых оснований целостной деятельности рассматривается как психологический механизм личностного уровня жизнедеятельности, способности к самодетерминации. Представлен анализ эмпирических данных исследований рефлексии. Рассмотрено влияние ситуации выполнения «бессмысленных действий», совместного выполнения деятельности, совместной дискуссии. Представлена психологическая квалификация ситуаций, катализирующих рефлексивные процессы. Ситуации актуализации рефлексии рассматриваются как «задачи на смысл». Осознание конфликтных личностных смыслов понимается как один из механизмов актуализации рефлексии. Описаны такие характеристики ситуаций, актуализирующих рефлексии смысловых оснований целостной деятельности, как проблемность и неопределенность. Показана неоднозначность влияния ситуаций неопределенности на функционирование личности. Подчеркивается нелинейность влияния различных условий на актуализацию рефлексии смысловых оснований деятельности.

Введение

Известно, что жизнедеятельность человека может протекать на двух уровнях: бытийном и собственно личностном (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульхановой-Славская, В.И. Слободчиков) [1; 2; 3].

Бытийный способ – это жизнь, управляемая насущными нуждами и задачами. Подчиненная жесткой детерминации какими-либо внешними или внутренними факторами, она характеризуется полной погруженностью человека в происходящее. Это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, когда человек относится лишь к отдельным событиям, но не к жизни в целом.

Личностный уровень связан с рефлексивным отношением к происходящему. Рефлексия как бы приостанавливает ход событий и позволяет человеку занять позицию «вне». Благодаря такой отстраненной позиции человек может осмыслить причины своих решений, «увидеть» иной смысл, вписав отдельную ситуацию в более широкий временной или деятельностный контекст. Благодаря осознанию своих мотивов человек получает возможность регулировать не только внешнее поведение, но и его причины. Данный способ жизнедеятельности характеризуется активной позицией человека по отношению к самому себе, при которой он становится подлинным субъектом, архитектором своей жизни (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев) [1; 4; 5]. В контексте обеспечения личностного уровня жизнедеятельности речь идет о способности к *рефлексии смысловых оснований* собственной *целостной* деятельности.

Личностный, как собственно человеческий, уровень жизнедеятельности связан с оформлением способности к самодетерминации, переходом от жесткой обусловленности к возможности стать *causa sui* (причиной самого себя). Необходимым условием самодетерминации выступает способность человека ориентироваться во всем многообразии открывающихся перед ним возможностей, предложений, альтернатив и делать *свои* выборы. Удельный вес смысловой регуляции можно рассматривать в качестве меры самодетерминации,

Научный руководитель – Е.А. Бирюкевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

показателя того, «в какой степени жизнедеятельности субъекта управляется им самим через личность как орган такого управления, а не просто адаптивно подчиняется внутренним или внешним воздействиям» [5, с. 282].

Однако функционирование на собственно личностном уровне – процесс, требующий немалых сил и даже смелости (В. Джемс, З. Фрейд, А.Н. Леонтьев, Ю.Б. Гиппенрейтер). Известно, что человек, будучи личностью, далеко не каждый момент своей жизни «пропускает» через осознание и осмысление. Пристальное рассмотрение смысловых оснований собственного поведения, осмысление принимаемых решений происходит лишь в отдельных ситуациях.

Целью данной статьи является описание и систематизация характеристик ситуаций, способствующих актуализации рефлексии смысловых оснований деятельности.

Характеристики ситуаций, выступающие в качестве условий актуализации рефлексивных процессов, могут быть выделены путем анализа процедур и результатов экспериментальных исследований.

Анализ эмпирических данных исследований рефлексивных процессов

Для решения поставленных задач мы проанализировали известные исследования, в которых были получены данные об особенностях осознания смыслов деятельности.

Наиболее очевидно задача осмысления собственной деятельности выступает в ситуациях так называемых «бессмысленных действий». Одни из первых исследований особенностей поведения человека в бессмысленных ситуациях были проведены К. Левиним и его учениками. Попадая в ситуации, смысл которых был неопределенным, испытуемые К. Левина искали опорную точку вне самой ситуации и таким образом определяли свое поведение [7]. Это значит, что определение смысла происходящего совершалось благодаря «вписыванию» отдельной ситуации в более широкий временной или деятельностный контекст. Именно через соотнесение с другими смыслами ранее бессмысленная ситуация наполнялась определенным смыслом.

Анализируя опыты Т. Дембо с выполнением бессмысленных действий, Л.С. Выготский пишет: «Интересна обнаруживающаяся в выполнении бессмысленных поручений тенденция к осмыслению их, во чтобы то ни стало путем создания новой ситуации, изменения в психологическом поле, в котором желанным было бы осмысленное, но никак не бессмысленное действие» [8, с. 463]. Выготский провел аналогичные опытам К. Левина сравнительное исследование поведения в ситуации пресыщения детей с умственной отсталостью и детей без особенностей психофизического развития. В одной из серий ребенок получал задание выполнять какую-либо деятельность. Когда ребенок обнаруживал симптомы полного пресыщения и отрицательные аффективные проявления, экспериментатор пытался заставить его продолжить выполнение задания. В случае умственной отсталости для этого необходимо было изменить саму ситуацию, сделав ее более привлекательной. Например, заменить черный карандаш на цветной, потом на набор карандашей и т. д. В ситуации с ребенком без особенностей психофизического развития для продолжения деятельности было достаточно изменить смысл ситуации, попросив показать другому ребенку, как надо выполнять это задание. «Смысл ситуации определял для ребенка всю силу аффективного побуждения, связанного с ситуацией, независимо от того, что ситуация теряла все привлекательные свойства, исходящие от вещей и от непосредственной деятельности с ними» [9, с. 253]. Выготский отметил, что смена позиций (например, выполнение поочередно функций исполнителя и контролера) дает возможность открытия иного смысла ситуации. Подобное изменение связано с децентрацией, способностью увидеть ситуацию с другой стороны, увидеть ее шире, в других контекстах. Децентрация и способность рассматривать различные мнения, аспекты ситуации является одним из показателей рефлексивности самосознания [10].

Огромный вклад в развитие представлений о генезе рефлексивных процессов внесли исследования В.В. Давыдова, В.И. Слободчикова и Г.А. Цукерман [11; 12; 13; 14] и др. Результаты их исследований показали, что важнейшую роль в становлении и функционировании рефлексии в конце младшего школьного возраста на границе с подростковым играет совместное выполнение деятельности. В этот период в сотрудничестве со сверстниками рефлексивные процессы развиваются и проявляются в интерпсихической форме. Это значит, что носителем рефлексии чаще является не отдельный ученик, а группа совместно работающих сверстников или даже целый класс [11; 13].

Несмотря на то, что совместная деятельность выступает генетически исходной формой деятельности и основным условием психического развития, в психологии долгое время изучалась, по преимуществу, индивидуальная деятельность ребенка [15]. Изучение различных форм совместной учебной деятельности показало, что они имеют большое значение для развития интеллектуальной и социальной рефлексии (Г.А. Цукерман, В.И. Слободчиков, В.В. Рубцов) [12; 13; 14; 16].

Вместе с тем не каждая совместная деятельность способствует актуализации рефлексивных процессов. Интересные факты были получены в исследовании особенностей учебного сотрудничества младших школьников с разными партнерами, проведенном Г.А. Цукерман, Н.В. Елизаровой и М.И. Фруминой. Так, было выявлено, что в сотрудничестве со взрослым, даже при его доброжелательном и некритикующем отношении, у детей обычно снижается степень самостоятельности и инициативности, а в сотрудничестве со сверстниками, как правило, уровень инициативности повышается [18]. Авторы вслед за Ж. Пиаже объясняют этот факт своеобразием нормативных детских представлений о возрастном разделении функций. Цукерман указывает на особую роль совместного выполнения деятельности в конце младшего школьного возраста, на 3–4 году обучения. Именно в этот период происходит актуализация потребности определить свое положение в группе сверстников, что способствует снижению конформности и стимулирует развитие рефлексии [17; 18].

Совместная дискуссия положена и в основу метода когнитивного конфликта, или диссонанса, примененного Л. Колбергом в изучении нравственного развития детей. М. Блатт, работая под руководством Колберга, установил, что в процессе столкновения различных мнений человек более четко осознает смысловые основания собственных взглядов и действий. На основе противоречивых мнений человек становится способным сконструировать «более совершенную и всеобъемлющую позицию» [19, с. 219]. Для решения вопросов нравственного развития и побуждения детей выходить за пределы узколичных интересов Блатт организовывал дискуссионные встречи, на которых детям предлагалось обсуждение нравственных дилемм. Колберг отмечал, что для того, чтобы такие дискуссии оказались эффективными, важны самостоятельность мышления и действия детей. Исследователи рассматривали самостоятельность как необходимое условие нравственного развития и становления способности осмысления действительности в различных смысловых контекстах [19, с. 220].

О действенности дискуссии как средства развития рефлексии в подростковом возрасте говорится и в исследованиях Е. Хаяйнен.

Хаяйнен рассматривает диалог, совместное обсуждение как одно из ведущих средств интеграции представлений о себе в подростковом возрасте. Среди характеристик взаимодействия, создающих развивающее пространство для рефлексии своих личностных особенностей, автор выделила следующие: необычность или озадачивающую ситуацию; баланс между проблематичностью и поддержкой; самостоятельность принимаемых решений [20, с. 21–22].

Бесспорно, что это далеко не все экспериментальные ситуации, которые могут актуализировать рефлексию смысловых оснований деятельности. Однако анализ рас-

смотренных выше экспериментальных работ позволяет выделить общие характеристики ситуаций, которые способствуют актуализации рефлексии.

Психологическая квалификация ситуаций, катализирующих рефлексивные процессы

Прежде всего, все эти ситуации связаны с осмыслением и, следовательно, все они являются «задачами на смысл» (А.Н. Леонтьев). В широком смысле слова задачи на смысл – это задачи на определение места той или иной ситуации в широком жизненном контексте. Подчеркивая особую значимость процессов осознания смысла в функционировании человека как личности, в становлении сознания, Леонтьев образно называл их «задачами на жизнь» [4; 5, с. 258]. Решение задачи на смысл приводит к вербализации исходного смысла, а по отношению к предметному содержанию выступает как расширение контекста его осмысления [5, с. 259].

Одним из психологических механизмов, обеспечивающих рефлексивную осмысленность оснований деятельности, является *осознание конфликтных личностных смыслов* (В.В. Столин). Определенные ситуации актуализируют различные мотивационные образования, которые могут вступать в конфликтные отношения. И самосознание «выхватывает» прежде всего такие конфликтные личностные смыслы. Конфликтные смыслы можно рассматривать в качестве структурных единиц самосознания [21]. На создании таких конфликтных личностных смыслов, актуализирующихся в процессе дискуссии, построены, например, метод когнитивного диссонанса Колберга и дискуссионные встречи как средство развития рефлексии Хаяйнен. Осознание противоречивых тенденций является основой для возможности их осмысления в контексте всей жизнедеятельности личности, ее мировоззрения и дальнейшего, уже сознательного, присвоения либо отвержения. Таким образом, рефлексивное самосознание обеспечивает единство, целостность и непротиворечивость внешней активности и содержания внутреннего мира человека.

Наиболее очевидной характеристикой всех ситуаций, способствующих актуализации рефлексии, можно назвать их *проблемность*.

Проблемы, выступая в форме внутреннего противоречия, являются движущей силой развития человека в целом и его личностного становления в частности. Вслед за В. Штерном можно сказать, что именно проблемы высекают искры не только сознания, но и самосознания. И одной из самых общих характеристик ситуаций, определяющих возникновение проблемы, является *неопределенность*.

Рассмотрение ситуаций неопределенности в качестве катализирующих рефлексивную работу самосознания основывается на понимании осмысленности как фундаментальной характеристики личностного, как собственно человеческого, способа жизнедеятельности. Активность (в любой форме) стремится к снятию личностной неопределенности, незавершенности [2]. Утверждение об активном, творческом, а не приспособительном характере жизнедеятельности человека также строится на том факте, что жизненные обстоятельства человека крайне редко представляют собой повторения уже знакомых. И, как отмечает А.Г. Асмолов, встреча с ситуациями «пойди туда, не зная куда, найди то, не знаю что» в реальной жизни «является скорее правилом, чем исключением» [23, с. 133].

Неопределенность можно рассматривать как результат оценки субъектом ситуации, имеющей несколько возможных исходов или содержащей непредвиденные события при необходимости принятия решения. Во всех тех случаях, когда человек сталкивается с ситуацией, имеющей несколько возможных исходов (альтернатив) или, по крайней мере, когда дело именно так представляется самому человеку, возникает необходимость сделать выбор [22]. Таким образом, любая неопределенность представляет

собой проблему, требующую разрешения, а любая проблема имманентно включает в себя неопределенность (неопределенность причин произошедшего, отсутствие шаблона поведения в ситуации, неожиданность или невозможность предсказания исхода и пр.). Следовательно, неопределенность и проблемность выступают как взаимосвязанные характеристики ситуации.

Тем не менее «статус» самих ситуаций неопределенности в психологии долгое время не был определен. Воспитание и обучение было (и зачастую во многом остается) направленным на подготовку подрастающего поколения к усвоению готовых, «шаблонных» способов решения задач в определенных условиях. И мало кто из теоретиков или практиков образования рассматривал в качестве отдельной, а тем более первостепенной, задачи развитие способности действовать в ситуациях с новыми, неизвестными условиями. Одними из первых данную проблему подняли разработчики системы развивающего обучения.

В рамках системы развивающего обучения проблемные ситуации рассматриваются как содержащие мощнейший развивающий потенциал [24; 14]. А условием реализации их развивающей функции выступает готовность и способность человека к рефлексивному анализу происходящего [25, с. 72; 26]. Способность действовать в незнакомых ситуациях, способность оценивать границы своих знаний и умений и при необходимости обращаться за конкретной помощью ко взрослому – важнейший показатель сформированности субъектной позиции в учебной деятельности [11; 13]. Способность преодолевать новые нестандартные ситуации является внешним, а способность осознавать смысловые основания собственной деятельности – внутренним проявлением общей способности к саморегуляции (О.А. Конопкин) [26].

Вместе с этим ситуации неопределенности могут вызывать не рефлексивное осмысление происходящего, а, наоборот, выступать в качестве «трансогенного фактора» [28]. В недирективном гипнозе и нейролингвистическом программировании функционирование психики в ситуации неопределенности рассматривается как состояние измененного состояния сознания [28; 29]. Ситуация неопределенности – это задача, условия которой не позволяют вывести ее решения при помощи перцептивных и интеллектуальных действий, то есть обычными средствами познания. Находясь в замешательстве, человек стремится к преодолению данной ситуации и, как следствие, оказывается готов воспользоваться любым способом: согласиться с мнением другого человека, принять внушения терапевта. Феномен конформности в группе также свидетельствует о том, что некоторые ситуации способствует снижению рефлексивности отдельных участников. При совместном выполнении деятельности человек может «перекладывать» необходимость осмысления на людей, занимающих более высокий статус или являющихся, по его мнению, более компетентными в данной ситуации.

Характер влияния ситуаций неопределенности на функционирование сознания в каждом конкретном случае будет зависеть от степени стрессогенности данной ситуации, что, в свою очередь, определяется индивидуальными особенностями человека. Особенности восприятия и поведения человека в ситуациях неопределенности, прежде всего, зависят от степени сформированности личностной устойчивости (В.Э. Чудновский, Дж. Барднер) [29; 28]. Личность, устойчивая к неопределенности, реагирует на неопределенную ситуацию поиском новых способов действия, а при неустойчивости личность формирует тенденцию интерпретировать их в качестве опасных. Личностная устойчивость выступает как определенный результат, продукт личностного уровня саморегуляции, эффективность которого, в свою очередь, связана с развитостью рефлексивного самосознания (В.Э. Чудновский, Г. Клейн, Р. Гарднер). Г. Клейн и Р. Гарднер выделили самостоятельность действия как один из эмпирических критериев устойчивости к неопределенности [22].

На роль *самостоятельности* в развитии личностного способа жизнедеятельности указывал С.Л. Рубинштейн. Он рассматривал самостоятельность как глобальный источник развития самосознания личности не только в раннем онтогенезе, но на протяжении всей жизни. Самостоятельность выражается в изменении взаимоотношений субъекта с окружающими. В ряду внешних событий жизни источником развития самосознания в широком смысле слова является все, что делает человека самостоятельным субъектом общественной и личной жизни [30, с. 239–240]. К.А. Абульханова-Славская также придавала большое значение самостоятельности в развитии осознанного, ответственного отношения к собственной жизни, становлении субъектности [2]. Исследования Г.А. Цукерман показали, что готовность к самостоятельному действию является одним из показателей становления младшего школьника как субъекта учебной деятельности [13]. Е. Хайнер выделяет активное участие и возможность совершать автономные (т.е. свободные) выборы как обязательное условие, необходимое для проявления и развития рефлексивных процессов [20]. Самостоятельность имманентно предполагает и *свободу* действия. Именно осознание свободы совершаемого выбора, принимаемого решения «нейтрализует» подавляющее влияние других людей в ситуации совместной деятельности. Это условие не теряет своей актуальности и при самостоятельном выполнении деятельности, т. к. понятие свободы является сугубо субъективным переживанием. Ведь даже в отсутствие других людей над человеком могут довлеть те или иные долженствования или шаблоны.

В то же время многочисленные исследования говорят о развивающем потенциале *совместного выполнения* деятельности [11; 12; 13; 15; 16]. Именно при совместном выполнении деятельности может актуализироваться интерпсихическая форма функционирования рефлексивных процессов. В ситуации взаимодействия более очевидно для субъекта происходит столкновение различных смыслов.

На первый взгляд рассмотрение самостоятельности и совместного выполнения деятельности как условий актуализации личностной рефлексии противоречат друг другу и являются взаимоисключающими. В действительности ситуация будет развивающей только при совокупности этих двух условий. И, более того, рефлексия смысловых оснований собственной деятельности возможна только при одновременном соблюдении этих двух условий. При низкой степени самостоятельности рефлексивное осмысление ситуации тормозится под влиянием высокой конформности, в то время как при высокой самостоятельности для человека важно осознать собственное отношение к происходящему.

Заключение

Таким образом, все ситуации, в которых актуализируется рефлексия смысловых оснований собственной деятельности, могут быть квалифицированы как «задачи на смысл». Общим психологическим механизмом актуализации рефлексии в данных ситуациях является возникновение конфликтных личностных смыслов. В качестве общих характеристик ситуаций, способствующих актуализации рефлексивных процессов, мы выделили: проблемность и неопределенность, совместное выполнение деятельности. Самостоятельность (свобода) действия выступает как общее условие актуализации рефлексии.

Рассмотренные характеристики не являются однопорядковыми. Так, например, неопределенность, проблемность, свободу и самостоятельность действия можно определить в большей степени как «внутренние» характеристики. Они отражают переживания субъектом самого себя в той или иной ситуации. В то время как совместное выполнение деятельности является объективной характеристикой ситуации, внешней

по отношению к субъекту. К тому же в каждой конкретной ситуации, как правило, сочетается несколько факторов, что подчеркивает нелинейность их влияния.

Проведенный нами анализ, несомненно, не является завершенным. Он, скорее, представляет собой попытку за всем множеством исследований, методов и приемов диагностики и развития рефлексивных процессов увидеть конкретные механизмы, обеспечивающие их действенность. Выделение ключевых характеристик ситуаций необходимо не только для систематизации представления о факторах, способствующих каталитизации рефлексивных процессов. Как периодическая система химических элементов Д. Менделеева позволяет определять свойства еще не открытых элементов, так и выделенные характеристики позволяют конструировать новый инструментарий для диагностики и развития личностной рефлексии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн, С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с. – (Серия «Мастера психологии»).
2. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
3. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности : учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М. : Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
4. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев // Избр. психологич. произвед. : в 2 т. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 94–231.
5. Леонтьев, Д.А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.
6. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс – М. : Практика, 1997. – 1056 с.
7. Зейгарник, Б.В. Теория личности К. Левина / Б.В. Зейгарник. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 118 с.
8. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.С. Выготский ; под ред. В.В. Давыдова. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2 : Проблемы общей психологии. – 504 с.
9. Выготский, Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л.С. Выготский ; под ред. Т.А. Власовой. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 5 : Основы дефектологии. – 368 с.
10. Андрущенко, Т.Ю. Диагностические пробы в психологическом консультировании : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Т. Ю. Андрущенко. – М. : Академия, 2002. – 80 с.
11. Младший школьник как субъект учебной деятельности / В.В. Давыдов [и др.] // Вопр. психологии. – 1992. – № 3–4. – С. 14–19.
12. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте / В.И. Слободчиков [и др.] // Вопр. психологии. – 1990. – № 3. – С. 25–36.
13. Цукерман, Г.А. Опыт типологического анализа младших школьников как субъектов учебной деятельности / Г.А. Цукерман // Вопр. психологии. – 1999. – № 6. – С. 3–18.
14. Цукерман, Г.А. Что развивает и чего не развивает учебная деятельность младших школьников / Г.А. Цукерман // Вопр. психологии. – 1998. – № 5. – С. 68–81.
15. Венгер, А.Л. Психическое развитие ребенка в процессе совместной деятельности / А.Л. Венгер // Вопр. психологии. – 2001. – № 3. – С. 17–26.
16. Рубцов, В.В. Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения / В.В. Рубцов ; Науч.-исслед. ин-т общей и пед. психологии Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика, 1987. – 160 с.

17. Обучение учебному сотрудничеству / Г.А. Цукерман [и др.] // *Вопр. психологии*. – 1993. – № 2. – С.35–43.
18. Цукерман, Г.А. Переход из начальной школы в среднюю как психологическая проблема / Г.А. Цукерман // *Вопр. психологии*. – 2001. – № 5. – С. 21–34.
19. Крейн, У. Теории развития. Секреты формирования личности / У. Крейн. – 5-е межд. изд. – СПб. : прайм–ЕВРОЗНАК, 2002. – 512 с.
20. Хаяйнен, Е.В. Условия становления личностной рефлексии в подростковом возрасте : автореф. ... дис. канд. психол. наук : 19.00.13 / Е.В. Хаяйнен ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 23 с.
21. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 156 с.
22. Велиханова, Н.Ф. Проблема исследования тревожности детей дошкольного возраста / Н.Ф. Велиханова // *Национальная молодежная биржа труда [Электронный ресурс]*. – Режим доступа : <http://www.firstjob.ru/?SciensView&ID=185>. – Дата доступа : 05.01.2008.
23. Асмолов, А.Г. Психология личности : Принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – Москва : Смысл, Академия, 2002. – 416 с.
24. Развивающее образование : теоретические основания преемственности дошкольной и начальной школьной ступеней / В.В. Давыдов [и др.] // *Вопр. психологии*. – 1997. – № 1. – С. 3–18.
25. Кузьмина, Е.И. Психология свободы: теория и практика / Е.И. Кузьмина. – СПб. : Питер, 2007. – 336 с. – (Серия «Учебное пособие»).
26. Конопкин, О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М., 1980. – 279 с.
27. Лопатин, В. Стратегии познавательной деятельности в ситуациях неопределенности / В. Лопатин // *Бесплатная электронная библиотека по психологии [Электронный ресурс]*. – Режим доступа : <http://www.library.evro.-bit.ru/index.php?type=1&page=13>. – Дата доступа : 10.09.2007.
28. Измененные состояния сознания / В.В. Кучеренко [и др.] // *Вопр. психологии*. – 1998. – № 3. – С. 70–78.
29. Чудновский, В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни / В.Э. Чудновский. – М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2006. – 768 с. – (Серия «Психологи России»).
30. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.

Marchenko E.E. Psychological Analysis of Cause Conditions of the Reflexion of the Whole Activity

The article deals with the analysis of cause conditions of reflexion of a part of the whole activity that is considered as a psychological mechanism of personal behavior. The author proposed analysis of the diverse researches of reflexion. The attempt to define the status and allocation of the situations determining the reflexion is made. The role of undefined situations in this process is considered. The results of theoretical study showed the possibility of unlinear reciprocal action different cause conditions of reflexion of a whole activity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.08

УДК 159.922.6

И.В. Ковалевич

ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье рассматриваются современные подходы к исследованию пожилых людей. Доказывается идея необходимости пересмотра традиционных методов работы с данным контингентом людей. Показано, что отношение к старикам зависит от используемой методологии. Доказывается, что принцип индивидуализации должен стать основополагающим при решении научных и практических задач геронтологической проблематики. Высказывается предположение о том, что оптимальным методом работы с пожилыми людьми является полуструктурированное интервью. Утверждается, что в ходе интервью можно получить информацию о жизненном мире личности. Анализируется возможность определить структуру переживания жизненного мира личности. Предполагается, что параметрами жизненного мира личности, которые можно выявить в ходе полуструктурированного интервью, являются жизнестойкость и психологическое благополучие. Причем жизнестойкость есть динамический параметр, который определяет психологическое благополучие, т. е. результативность жизненного мира.

Введение

Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения – характерная демографическая черта современного мира. Население Беларуси также стареет. Причем в нашей стране старение происходит не за счет увеличения продолжительности жизни, как во многих странах Западной Европы. Наблюдается процесс старения населения, который проявляется в увеличении доли пожилых людей при сокращении доли детей. Ожидается, что через 40 лет число пожилых людей в мире превысит число детей, хотя в отдельных странах, в том числе в Беларуси, численность пожилых людей еще 10 лет назад превысила численность детей. По методике расчетов ООН страна считается старовозрастной, если доля проживающих на ее территории лиц старше 65 лет составляет 7%. Если в 1985 г. население старше 65 лет в Беларуси составляло 10%, то в 2007 г. уже 15%. В настоящее время в Беларуси насчитывается 2,6 млн. пенсионеров (26% населения), на выплату пенсий уходит 11% ВВП, что является самым высоким показателем в странах СНГ. При этом продолжительность жизни людей в нашей стране невысокая, по данным за 2007 год: у мужчин – 64,5 года, у женщин – 76,2 [1; 2].

Считается, что заключительный период жизни человека – старость – наступает в 55–60 лет со времени выхода на пенсию. Традиционно этот этап человеческой жизни воспринимают как период потерь, печали, страданий, беспомощности, угасания физиологических функций, итогом которого является немощность, постоянные болезни и физическая зависимость. В академическом, художественном дискурсе, в обыденном сознании глубоко укоренилось именно такое, негативное восприятие старости и соответственное пренебрежительное, жалеющее отношение к пожилым людям:

- в пожилом возрасте снижается способность к обучению и переменам (пластичность);
- пожилые люди в основном ведут себя как «жалобщики»: они не признают своей ответственности за настоящую ситуацию и/или проблему, ищут причины в

Научный руководитель – Л.А. Пергаменщик, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

окружающих людях или обстоятельствах, а себя считают неспособными участвовать в их разрешении больше, чем они это уже делают;

- жесткость (ригидность) мышления пожилых людей делает их мнение и высказывания категоричными, безапелляционными. Их мир – это сформированные нормы, идеи, концепции, которые они, с одной стороны, не готовы пересматривать, и которые, с другой стороны, являются для них опорой и поддержкой в изменяющемся с возрастом соотношении их активности и отстраненности в процессе преобразования окружающей действительности;

- пожилые люди склонны жить воспоминаниями, сравнением нынешней ситуации с эпизодами или периодами прошлого;

- общение с пожилыми людьми всегда затруднительно;

- психокоррекция личности пожилого человека невозможна;

- они скучны, пессимистичны, полны страхов и опасений;

- старики навязчивы и догматичны;

- старики одиноки, изолированы [3].

Существует предрасположенность исследователя к получению определенных результатов, соответствующих его исходной установке. Исследования в области геронтопсихологии, выполненные посредством традиционных методов (анкет, опросников, тестов, апробированных в большинстве своем на молодых людях), и приводят к подобным результатам.

Практика использования количественного подхода с опорой на применение формализованной (жесткой) анкеты, анализ статистических данных, изучение дневников, биографий и т. д. является более привычной и традиционной для психологической науки. Еще в 20-е годы прошлого столетия Л.С. Выготский в процессе тщательного анализа разрозненных психологий делает вывод о существовании двух основных тенденций: «естественнонаучно ориентированной психологии» и «феноменологической психологии», которые невозможно объединить в единое целое. Это делает задачу определения предмета и адекватного метода исследования в психологии довольно трудно решаемой. Выход из такого методологического тупика Л.С. Выготский видит в отмирании одной – описательной, субъективной, феноменологической – психологии [4]. Но, как известно, феноменологическая психология за прошедшие годы не исчезла. Более того, ее история началась и продолжает развиваться в рамках движения за единую научную психологию [5]. Психология описательная, понимающая, феноменологическая, индетерминистская, субъективная, опирающаяся на непосредственный опыт, ориентированная на ценности, – такой должна быть психологическая наука. Диалог, текст, голос, многоголосье, чужая и собственная речь – такие важные психические феномены должны заполнять содержание психологических текстов [6].

Основная часть

Феноменологическая позиция исследователя особенно важна при изучении пожилых людей, поскольку она позволяет избежать результатов, которые диктуются исходной негативной установкой в понимании старости. Метод является тем единственным мостом, по которому могут происходить взаимообогащающие обмены между теорией и практикой [7], что особенно важно понимать при столкновении с малоизученным феноменом. Масштабных психологических исследований пожилых людей в Беларуси ранее не проводилось, соответственно отсутствуют и четко сформулированные принципы работы с данным контингентом людей.

Исходя из нашего опыта можно утверждать, что пожилым людям важно иметь собеседника, который позволяет высказаться, причем так, как они сами этого хотят. Им очень импонирует профессиональная позиция психолога как заинтересованного

слушателя, который внимательно относится к их жалобам, проблемам. Наиболее адекватным методом работы с пожилыми людьми, на наш взгляд, является метод качественного интервью, цель которого – обрисовать жизненный мир интервьюируемого, что подразумевает интерпретацию смысла описываемых феноменов.

Полуструктурированное интервью, которое мы применяем в исследовании, состоит из тематических блоков и содержит перечень обязательных аспектов, относительно которых должна быть получена информация. Здесь важно в ходе свободной беседы задавать вопросы, интересующие интервьюера, но так, чтобы они не нарушали общего хода беседы, а органически вписывались в рассказ как уточнения [8]. Работа с рассказами пожилых людей позволяет заглянуть в их внутренний мир, узнать, чем они живут, о чем думают: чем длиннее жизнь, тем больше воспоминаний. Для пожилого человека рассказ о событиях своей жизни – это возможность ее рефлексии и переосмысления. В своем исследовании мы создаем ситуацию свободного повествования о жизни рассказчика без активного вмешательства со стороны интервьюера, кроме возможных эмоциональных проявлений заинтересованности, которые стимулируют и поддерживают нить рассказа. Предполагается, что в ходе такого свободного изложения в памяти респондента ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. В ходе интервью человек как бы заново переживает свою жизнь, выделяя наиболее важные моменты, конструирующие его биографию.

Во время интервьюирования приходит понимание того, что существующие установки относительно стариков только мешают рассмотреть индивидуальность каждой личности. Результаты теоретического анализа и собственной практики исследования пожилых людей отражены в таблице.

Таблица – Восприятие пожилых людей в зависимости от используемой методологии

Индикаторы старости		Естественнонаучная методология	Феноменологическая методология
Б и о л о г и ч е с к и е	Соматическое здоровье	Пожилые люди постоянно болеют. Они беспомощные и физически зависимые.	Болезнь и старость – не синонимы. Часто пожилые люди «конвенционально» признают себя больными из-за распространенных негативных общественных стереотипов [9].
	Общее физиологическое состояние	Старость – период угасания физиологических функций, итогом которого является немощность.	Даже в старости организм компенсирует неблагоприятные изменения, происходящие на всех уровнях организации [10]. Старики находят в себе силы радоваться каждому дню даже при наличии серьезных заболеваний.

Продолжение таблицы

Социальные проблемы	Время наступления старости	Старость наступает в 50–60 лет (одновременно с выходом на пенсию).	Время выхода на пенсию значительно опережает наступление старости. Люди, которые продолжают профессиональную деятельность после выхода на пенсию, находятся в том же психологическом возрасте, что и другие, более молодые работающие люди.
	Общественное положение	Люди, вступающие в период старости, автоматически превращаются в вымирающий слой.	Пожилые люди выполняют важную функцию в обществе, передавая свой опыт, исполняя те роли, которые не могут или не хотят брать на себя профессионально занятые люди зрелого возраста. У пожилых людей много друзей и знакомых. Причем среди них встречаются как ровесники, так и люди намного моложе их самих.
	Положение в семье	Усиливается отчужденность между членами семьи разных поколений.	Благодаря старикам осуществляется преемственность поколений. Зачастую бабушки и дедушки являются воспитателями, няньками, учителями дошкольников и школьников – своих внуков.
	Реализация свободного времени	С выходом на пенсию пропадает возможность приложить где-то свои силы и знания.	Масса свободного времени, которое можно использовать для реализации давно зародившихся планов. Телевизор – не единственный «друг» «бабушек», а дача и огород – не самый любимый способ времяпрепровождения. Пожилые люди много читают, интересуются музыкой, политикой, искусством, участвуют в общественных организациях, занимаются творчеством и т. д.
Психологические	Самоощущение, эмоциональный фон	Тоска по былому, ощущение прожитости жизни, ожидание смерти, существование в унылой реальности, отсутствие надежд.	У пожилых людей преобладают спокойствие, умиротворенность, удовлетворение прожитой жизнью. Они свободны в выражении своих мыслей. По-философски относятся к неизбежному завершению жизни.
	Изменения, происходящие с личностью	С личностью происходят необратимые закономерные изменения – инволюция.	Развитие личности продолжается. Благодаря полученному за долгую жизнь опыту, пожилые люди приобретают такое качество, как мудрость.
	Наличие возрастных новообразований	Появляются новые личностные образования в основном негативного характера.	Более четкие очертания обретают свойства, сформированные в течение предыдущей жизни. Старики умеют шутить, могут быть насмешливыми и ироничными, грустить и веселиться, как и люди всех возрастов.
Целостное восприятие старости		Старость – финал жизни.	Старость – новая стадия в развитии человека.

Одним из наиболее распространенных феноменологических методов исследования индивидуальной жизни и отражения в ней социально-культурных норм, соотношение социального и индивидуального, является рассказ истории жизни. Из рассказа становится понятным, какая форма и какое содержание у внутреннего мира человека, потому что знание о себе дано нам в виде нарратива (англ. и фр. *narrative* – рассказ, повествование). Во время интервью исследователь слышит, *что* говорится, видит, *как* это

делается, и имеет возможность совместно с рассказчиком ответить на все возникающие *почему*. На границе протекающих параллельно процессов рассказывания и слушания происходит не поиск объективных истин, а создание правдоподобной картины. История складывается при посредничестве культурных норм и личностных верований. В ходе повествования, рассказывания, перед психологом разворачивается долгий и неповторимый жизненный путь, который, наполняясь эмоциями, переживаниями рассказчика, создает объемную картину *жизненного мира*.

Понятие жизненного мира было введено в обиход Л. Бинсвангером как понятие идиографическое, описывающее феноменологию той уникальной реальности, в которой обнаруживает себя каждый человек [11]. Швейцарский психиатр и философ пользуется терминологией М. Хайдеггера, работая с понятием *Dasein*. Существующие русскоязычные издания текстов Л. Бинсвангера содержат различные варианты перевода этого немецкого слова: «бытие-в-мире», «собственный мир», «жизненный мир». Однако именно Л. Бинсвангера считают автором психологического понятия «жизненный мир».

Согласно точке зрения Л. Бинсвангера, человек одновременно существует в трех модусах своего бытия (жизненного мира):

1. Внутренний мир (*Eigenwelt*). Человек выступает в отношении самого себя как духовное существо. В этом модусе снято противоречие между субъективным и объективным миром. Это мир, который человек творит, как свой мир, мир, в котором он живет. Это собственный мир. «Я»-мир.

2. Социальный мир (*Mitwelt*). Это место для личности, социального существа, где находится мир людей, совместный мир, в котором осуществляется диалог, обмен, взаимодействие с другими людьми.

3. Природный мир (*Umwelt*), в котором человек выступает как организм. Это пространство окружающей среды.

Мир есть только у человека, причем у каждого человека свой. Тем не менее эти индивидуальные миры взаимодействуют между собой, они открыты друг другу, хотя степень этой открытости может различаться. Нет единственного пространства и единственного времени, а есть столько времен и пространств, сколько существует субъектов. Контекст жизненного мира придает смысл чему-либо, в том числе самой жизни. Чтобы определить смысл любого объекта, действия или события, нужно определить его место в жизненном мире, охватывающем не только фактически наличное, но и возможное, (то, что может быть), и желательное, (то, что должно быть). Чтобы изменить смысл, необходимо найти новый контекст, расширив представление о том, что есть, может быть и должно быть. Можно говорить и об общем мире, являющимся пересечением множества индивидуальных миров. Чтобы понять человека, бесполезно его обмерять, изучать, тестировать, надо проникнуть в его жизненный мир.

Л. Бинсвангером описаны три возможных типа нарушений «форм бытия». Во-первых, человек не может гармонично сочетать свое существование в трех мирах (Внутренний, Социальный, Природный). Во-вторых, он не может «свободно перемещаться» в системе *Aigenwelt — Mitwelt — Umwelt*, вследствие жесткой «привязанности» к какому-либо одному миру. И, в-третьих, человек утрачивает способность одновременно находиться сразу в трех формах своего существования [12].

К понятию «жизненный мир» обращались К. Левин (понятия «психологический мир», «жизненное пространство» и «жизненный мир» употребляются им как синонимы). Некоторые современные психологи (П.П. Горностай, Е.В. Некрасова, Д.А. Леонтьев, Г.С. Абрамова), не используя термин «жизненный мир», обращаются к идее изучения жизни как единого целого. Они сходятся во мнении, что это пространственно-временная дефиниция, которая кроме физических характеристик трехмерного

пространства и времени включает в себя и другие измерения – значения, смыслы, ценности – все характеристики жизненного мира. Таким образом, идея изучения жизненного мира личности не нова для психологической науки.

Интересной представляется типология жизненных миров Ф.Е. Василюка. Для своей классификации он выделил два аспекта жизненного мира – внешний мир и внутренний. «Внешний мир» может обладать двумя возможными состояниями: он может быть «легким» или «трудным». «Внутренний мир» может быть «простым» или «сложным». Пересечение этих оппозиций дает следующую категориальную типологию: 1) инфантильный (простой и легкий) мир; 2) реалистический (простой и трудный) мир; 3) ценностный (легкий и сложный) мир; 4) творческий (сложный и трудный) мир. Достаточно заманчивой видится перспектива проведения эмпирического исследования, взяв за основу идеи Ф.Е. Василюка. Но сам автор признается, что еще не выработан адекватный метод исследования человеческих переживаний [7].

Поэтому определение структуры переживания жизненного мира личности выступает актуальной исследовательской задачей. Причем понятие «переживание» в случае исследования пожилых людей включает в себя способ изложения истории жизни, описание жизненных событий, рассказ о том, что происходило и, самое главное, что осталось в памяти, в «сухом» остатке. Переживание – единица для изучения личности и среды. В переживании дана, с одной стороны, среда в отношении к личности, в том, как она переживает эту среду; с другой – сказываются особенности развития личности. В переживании отражается то, в какой мере все свойства личности, как они сложились в ходе развития, участвуют здесь в определенную минуту [13]. В процессе интервью у исследователя есть возможность выяснить все важное, что волнует человека: люди, отношения, достижения, успехи и неудачи, мечты и разочарования, место человека в собственном жизненном мире.

Таким образом, в процессе интервью открывается возможность понимания результативности жизненного мира для человека. Удовлетворенность собой, окружающими, наличие целей в жизни, стремление к саморазвитию и т. д. – информацию обо всем этом прямо или косвенно можно получить в ходе интервью. Психологическим понятием, характеризующим такую область переживаний и состояний здоровой личности, является понятие «психологическое благополучие».

В психологии еще нет единого общепризнанного определения понятия «психологическое благополучие». Среди всего разнообразия подходов к пониманию психологического благополучия как зарубежными, так и отечественными психологами выделяются два основных – гедонистический (от греческого *hedone* – «наслаждение») и эвдемонистический (от греческого *eudaimonia* – «счастье, блаженство») [14].

В рамках гедонистического подхода психологическое благополучие определяется через достижение удовольствия и избегание неудовольствия, при этом удовольствие – это не только телесное удовольствие, но и удовлетворение от достижения значимых целей. В качестве наиболее общего индикатора психологического благополучия сторонниками данного подхода принимается «переживание счастья» или «субъективное благополучие» человека.

Эвдемонистический подход разрабатывается преимущественно в рамках гуманистической психологии. (Дж. Бюдженталь, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, Г. Оллпорт и др.). С позиции данного подхода психологическое благополучие рассматривается как «полнота самореализации человека в конкретных жизненных условиях и обстоятельствах, нахождение «творческого синтеза» между соответствием запросам социального окружения и развитием собственной индивидуальности» [14, с. 109].

В соответствии с выбранной феноменологической методологией настоящего исследования более продуктивным представляется эвдемонистический подход к изучению психологического благополучия пожилых людей.

Таким образом, психологическое благополучие, являясь одним из параметров жизненного мира, отражает меру удовлетворенности собой, своим окружением, своей жизнью в целом, т. е. степень результативности жизненного мира человека. Данный параметр, по нашему предположению, зависит от умения человека справляться с возникающими трудностями, выстраивать отношения со своим окружением, активно относиться к собственной жизни. Для такой системы убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром уже существует теоретическое понятие – «жизнестойкость».

Жизнестойкость (hardiness) – мера способности личности выдержать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Эта диспозиция включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания (hardy coping) со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Человек с развитым компонентом *вовлеченности* получает удовольствие от собственной деятельности. В противоположность этому отсутствие подобной убежденности порождает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. Человек с сильно развитым компонентом *контроля* ощущает, что сам выбирает собственную деятельность, свой путь. Противоположность этому – ощущение собственной беспомощности. В основе *принятия риска* лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование. Это убежденность человека в том, что все, что с ним случится, способствует его развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, – неважно, позитивного или негативного [15].

Таким образом, в фокусе нашего исследования оказывается пожилой человек – думающий, чувствующий, действующий субъект, который творчески участвует в создании мира вокруг себя, придает свой смысл и значение как собственному поведению, так и поведению других. Для понимания жизненного мира пожилого человека не достаточно рационального языка категорий и абстракций. Каждая человеческая ситуация уникальна, содержит специфический социальный опыт, особые переживания, которые в совокупности складываются в специфический «жизненный мир». Переживание этого мира как «особое» мы делаем объектом исследования. Логически закономерным к такому «особому» уникальному объекту исследования является качественный подход.

Выводы:

1. Принцип индивидуализации должен стать основополагающим при решении научных и практических задач геронтологической проблематики.

2. В силу психовозрастных особенностей пожилым людям важно иметь собеседника, который позволяет высказаться, поэтому оптимальным методом работы с пожилыми людьми является полуструктурированное интервью.

3. В ходе интервью исследователь получает информацию о жизненном мире личности – пространственно-временной дефиниции, которая кроме физических характеристик трехмерного пространства и времени включает в себя и другие измерения – значения, смыслы, ценности, отношения, убеждения и т. д. Единицей анализа жизненного мира может выступать переживание.

4. Параметрами жизненного мира личности, которые можно выявить в ходе полуструктурированного интервью, являются жизнестойкость и психологическое благо-

получие. Причем жизнестойкость есть динамический параметр, который определяет психологическое благополучие, т. е. результативность жизненного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулич, В. Нужно ли в Беларуси повышать пенсионный возраст и как это делать? / В. Акулич // «Белорусы и рынок», 9 июня 2008 года / Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – № 337–338 16–29 июня 2008. – Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2008/0337/gazeta018.php>. – Дата доступа : 30.03.2009.
2. Пенсия для Паркинсона / Телеграф [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : http://telegraf.by/in_belarus/blog/1970.html. – Дата доступа : 30.03.2009.
3. Манухина, Н.М. Применение нарративного подхода в работе с пожилыми людьми / Н.М. Манухина // Психология зрелости и старения. – 2006. – №3 (35). – С. 74–116.
4. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса / Л.С. Выготский // Психология развития человека. – М. : Смысл, Эксмо, 2005. – С. 41–190.
5. Кучинский, Г.М. Феноменологическая тенденция в психологии / Г.М. Кучинский // Психологический журнал. – 2005. – № 1. – С. 4–12.
6. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин ; сост. С. Бочаров, В. Кожинов. – М. : Худож. лит., 1986. – 543 с.
7. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1984. – 200 с.
8. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности) / В.А. Ядов. – М. : Академкнига, Добросвет, 2003. – 600 с.
9. Краснова, О.В. Социальное познание и проблемное поведение в позднем возрасте / О.В. Краснова // Психология зрелости и старения. – 2006. – № 3 (35). – С. 47–66.
10. Фролькис, В.В. Старение и увеличение продолжительности жизни / В.В. Фролькис. – Л. : Наука 1988. – 239 с.
11. Леонтьев, Д.А. К типологии жизненных миров / Д.А. Леонтьев / II Всероссийская науч.-практ. конф. по экзистенциальной психологии : материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – С. 114–116.
12. Бинсвангер, Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли. Экзистенциальная психология. Экзистенция / Л. Бинсвангер. – М. : Апрель-пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 308–332.
13. Выготский, Л.С. Кризис семи лет / Л.С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 376–385.
14. Созонтов, А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия / А.Е. Созонтов // Вопросы психологии. – 2006. – № 4. – С. 105–114.
15. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.

Kovalevich I.V. The Life-Worlds of Elderly People: Qualitative Approach to Research

In the article modern approaches to the research of elderly people are examined. The idea of the necessity of the revision of traditional methods of work with this category of people is proved. Relations to elderly people are shown to be dependent on the methodology used. Initialization principle proved to be ground in decision of scientific and practical purposes of gerontological problems. Semi-structured interview is supposed to be the most useful method of work with elderly people. Interview time is considered to be productive of getting information of a person's life-world. Possibility to determine the structure of emotional structure of personality is analyzed. Living conditions of any person which can be detected during the semi-structured interview are firmness and psychological well-being. Hardiness is dynamic parameter which determines psychological well-being – that means living effectiveness.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.05.09

УДК 001 8+37

М.С. Ковалевич

ЦЕНТР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ «ПРОФОРИЕНТИР»: МЕТОДОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ, ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлен проект деятельности Центра «Профориентир», научная и практическая новизна которого заключается в том, что он создается на новой методологической основе. В качестве концептуальных оснований организации деятельности Центра выступают: концепция стратегии жизни, учение о временной перспективе личности, о стремлении к смыслу жизни, личностно-ориентированный подход, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоопределяющейся личности как системы.

Введение

Подготовка учащейся молодежи к жизни в новых социально-экономических условиях предполагает активизацию ее личностного и профессионального самоопределения, творческого развития. В системе непрерывного образования должны «выращиваться» культурные, высокообразованные люди, способные творчески мыслить и действовать. В связи с этим содержание и технологии образования переосмысливаются в направлении ориентации на развитие личности ребенка. Личность становится самоцелью общества, главной движущей силой общественного прогресса. При этом под развитием понимается прежде всего саморазвитие (Selbstentwicklung), а непрерывно саморазвивающиеся люди становятся главным капиталом общества.

В социальном самоопределении молодежи, ее самореализации важнейшее значение приобретает профессиональный выбор, обоснованность и верность которому оказывает определяющее влияние на весь дальнейший жизненный путь личности. Сделать социальный и личностный выбор в профессиональном самоопределении – задача не из простых и не из легких. Самостоятельный выбор профессии – это «второе рождение человека». Ведь от того, насколько правильно выбрана жизненная стратегия, зависит общественная ценность человека, его место среди других людей, удовлетворенность работой, физическое, психическое и личностное здоровье.

Общество расширяет поле жизненного самоопределения молодежи. Перед ней открываются возможности для приложения своих сил и способностей в самых различных областях деятельности на собственное и общественное благо. Таким образом, профессиональная деятельность, которой предшествует осознанный выбор, – один из важнейших факторов, во многом определяющих качество жизни современного человека.

Неопределенность условий в которых протекает процесс профессионального выбора, оказывает существенное влияние на возможность достижения поставленных личностью целей. Поэтому любая информация о ситуации на рынке труда и мире профессий способна частично снять неопределенность, поскольку непредвиденное будет всегда, ибо абсолютное знание о постоянно меняющемся профессиональном мире невозможно.

Проблема осмысленности, полноценности существования, личного счастья непосредственно связана с ролью профессионального труда в жизни человека. Выбор направленности обучения, построение жизненной перспективы приходится на ранний

юношеский возраст. Именно в это время возникают ведущие потребности, происходит дифференциация интересов, появляются основания для выделения жизненных ценностей, совершаются первые профессиональные практические пробы.

Как показывают результаты нашего многолетнего исследования, личностное и профессиональное самоопределение молодежи не стало приоритетной целью современной школы. Профессиональное самоопределение не обеспечено психолого-педагогическими средствами. В результате школьники оказываются слабо информированными о сложном мире профессий, и часто их выбор оказывается неадекватным и необоснованным. Большие трудности возникают в случае необходимости соотнесения личностных качеств и требований профессии. Возникает потребность и необходимость компенсаторной психолого-профессиоведческой поддержки старшеклассников, абитуриентов и слушателей подготовительного отделения вузов.

В целях координации совместной деятельности и обеспечения эффективного взаимодействия органов управления образованием и средних общеобразовательных школ, лицеев и гимназий области в создании условий для оптимального профессионального самоопределения учащейся молодежи в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина создан Центр профессионального самоопределения молодежи Брестской области «Профориентир».

Основные цели и задачи деятельности Центра «Профориентир»:

Центр «Профориентир» руководствуется в своей деятельности Конституцией Республики Беларусь, законами Республики Беларусь, указами и декретами Президента Республики Беларусь, постановлениями и распоряжениями Совета Министров Республики Беларусь, нормативными актами Министерства образования Республики Беларусь, Уставом учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

Нами разработано Положение о деятельности Центра, которое регулирует оказание центром профессиографической и психоло-педагогической поддержки молодежи при выборе профессии с учетом индивидуальных особенностей, личностных интересов и склонностей, потребности рынка труда.

Основными *целями* деятельности Центра «Профориентир» являются:

- координация совместной деятельности и обеспечение эффективного взаимодействия органов управления образованием и средних общеобразовательных школ, лицеев и гимназий Брестской области в создании условий для оптимального профессионального самоопределения учащейся молодежи;
- педагогическая поддержка делающего выбор (далее оптанта) в его профессиональном самоопределении, преодолении преград на пути профессионального выбора;
- социально-психологическое содействие оптанту в преодолении трудностей профессионального старта, формировании целенаправленной активной позиции при выборе будущей профессии;

Цели определяют *задачи*, стоящие перед Центром:

- диагностика готовности оптанта к профессиональному самоопределению, выявление интересов, склонностей, профессиональных предпочтений, особенностей профессиональной мотивации, типа личностной направленности, ценностных ориентаций и жизненных потребностей, характерологических особенностей, коммуникативных и организаторских способностей;
- профессиональное просвещение, направленное на повышение уровня психологической и профессиоведческой компетентности учащейся молодежи;
- профессиональное консультирование оптанта, направленное на развитие про-

фєссїонального самосознанья, адекватный выбор пути получения образования и сфєры трудовой дєятельности;

- інформаційно-експертна підтримка старшекласників в підвищенні осведомленности о профілях обучения и сфєрах профєссїональной дєятельности с целью расширения вероятностного приложения своих сил в соответствии с интересами и склонностями, потребностями рынка труда;

- емоційно-енєргетизуюча підтримка оптанта, удовлетворение его потребности в емоційном благополучии, согласовании его ценностей, желаний и мотивов;

- профєссїонально-дєятельностная підтримка оптанта, направленная на подтверждение или опровержение выбора, организация профєссїональных проб и обсуждение их результатов на предмет перспективности, приложения жизненных сил по любой из альтернатив;

- личностно-развивающая підтримка оптанта в переосмыслении профєссїонального выбора в связи с изменившимися условиями жизни (вынужденный переезд в другой город, потеря одного из родителей, ухудшение здоровья и др.);

- социологическое исследование динамики и содержания профєссїональных намерений выпускников школ Брєстской области.

Основными направлениями дєятельности Центра являются: научно-исследовательское, научно-методическое, психолого-педагогическое, программно-прикладное, финансово-экономическое. Для реализации целей в системе основных направлений дєятельности сотрудники Центра «Профориентир»:

- планируют, организуют и проводят исследования с целью изучения мнений педагогической общественности, учащихся, абитуриентов и их родителей для формирования системы профориентационных услуг, а также обеспечения и совершенствования учебно-воспитательного процесса;

- осуществляют научно-методическую підтримку профєссїонального самоопределения учащейся молодежи;

- организуют и проводят профориентационные мероприятия для педагогических работников, молодежи, родителей, направленные на формирование профєссїонального самосознанья и объективного выбора выпускниками учреждений, обеспечивающих получение общего среднего образования, дальнейшего образовательного пути в соответствии с индивидуально-личностными особенностями и потребностями области в квалифицированных кадрах;

- участвуют в разработке и издании учебно-методической литературы по вопросам профєссїонального самоопределения молодежи.

Создано научное обеспечение организации профориентационной работы учащейся молодежи. Опубликованы монография, учебно-методические пособия, статьи в журналах и научных сборниках. Создан диагностико-развивающий комплекс, включающий блок-схемы «Профєссїональный ореол учебного предмета», диагностические методики для определения уровня профсамосознанья, адаптированные тексты профєссїограмм, авторская программа спецкурса «Профєссїональна самавизначєння і самаядасканалєння асобы» и ее методическое обеспечение, учебно-методические рекомендации для учителей, классных руководителей, студентов, учебно-методические материалы для системы повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, специалистов образования [3; 4; 5].

Совместно с учителями экспериментальных школ сотрудники Центра осуществляют исследование профориентационных возможностей учебного процесса, апробацию и совершенствование вариативной технологии підтримки личности в профєссїональном самоопределении.

На социально-педагогическом факультете БрГУ имени А.С. Пушкина читается учебный курс «Психологические основы профессиональной ориентации». Программа курса направлена на углубление и расширение знаний будущих педагогов и психологов о мире профессий, их классификации; методологических и психологических основах выбора профессии; способах принятия решения о выборе профессии, критериях эффективности профессионального самоопределения; способах осуществления профессиональной консультации; профессиональной карьере и основах профессионального прогнозирования. Находится в печати учебно-методическое пособие по данному курсу.

В ходе практических занятий отрабатываются умения анализировать профессию, составлять формулы профессий, осуществлять диагностику интересов, склонностей, способностей и особенностей характера, соотносить их с требованиями выбираемой профессии, составлять программу самовоспитания для подготовки к избранной профессии. По окончании занятий студенты имеют возможность приобрести пакет диагностических методик для определения уровня развития профессионального самосознания, ознакомиться с современными технологиями организации профессионального самоопределения.

Нами разработана Программа психолого-педагогической поддержки абитуриентов, в соответствии с которой:

- Центр участвует в организации Дня открытых дверей на факультете и университете;
- проводит тестирование будущих абитуриентов в экспресс-режиме с целью определения их профессиональной направленности;
- организует выставки научных достижений ученых кафедры и научных работ студентов, выполняемых под их руководством;
- организует и проводит профориентационные мероприятия для педагогических работников, молодежи, родителей, направленные на формирование профессионального самосознания и объективного выбора выпускниками дальнейшего образовательного пути в соответствии с индивидуально-личностными особенностями и потребностями области в квалифицированных кадрах;
- организует выезд в районы для проведения профориентационной работы среди выпускников.

Особо необходимо подчеркнуть, что ректорат университета создал все условия для работы Центра. Выделен отдельный кабинет для организации профессионального консультирования старшеклассников и абитуриентов, который оборудован компьютерными средствами и современной мебелью.

Для организации научно-исследовательской работы и повышения эффективности работы в 2009 году Центр получил финансовую поддержку ректората.

Прогнозируемый социально-психологический и социально-экономический эффект заключается в повышении уровня профессионального самосознания учащейся молодежи; выявление районов области, которые нуждаются в более глубокой профинформационной поддержке; избавление родителей от лишних материальных затрат на подготовку детей к поступлению в вуз в условиях частой смены профессиональных намерений; обеспечение учащихся информацией об условиях поступления и обучения по избранной специальности, особенностях построения профессиональной перспективы и способах самореализации.

Для повышения эффективности работы Центра, организованного проведения психологического профконсультирования учащихся и абитуриентов необходимо в выделение ставок психологов, методиста по координации связей со школами, лицеями, гимназиями области, районными и городскими отделами образования, а для программно-прикладного обеспечения работы Центра – выделение ставки программиста центра информационных технологий (0,5 ст.).

Перед сотрудниками Центра стоит задача – создание условий для эффективной диагностики и самодиагностики, личностного роста и профессионального самоопределения, успешной самореализации в учебно-профессиональной деятельности за счет адаптации имеющихся и разработки новых комплексных и нетрадиционных форм и методов педагогической диагностики и развития личности.

Успешность работы Центра во многом определяется теми методологическими основаниями, которые используются для разработки концептуальных и инструментальных моделей организации его деятельности.

Новизна предлагаемого проекта деятельности Центра «Профориентир» заключается в том, что он создается на новой методологической основе. В качестве теоретической аргументации концептуальных оснований организации профессиональной и педагогической поддержки выступают: концепция стратегии жизни, учение о временной перспективе личности, о стремлении к смыслу жизни, личностно-ориентированный подход, которые соответствуют синергетическим представлениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоопределяющейся личности как системы.

Методологические основания организации деятельности Центра «Профориентир»

Философский уровень методологии представлен философской антропологией, логикой, аксиологией и философскими теориями, в которых в качестве первоначального понятия выступает понятие «жизнь» как реальная природная целостность, источник духовного развития (Ф. Ницше, Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская), гуманистической стратегией (А. Маслоу, К.Р. Роджерс, Д. Сьюппер, Э. Фромм).

Философско-антропологическое учение (В.С. Библер, Н.А. Бердяев, В. Франкл, Э. Фромм, М. Хайдеггер) выступает как мировоззренческая основа решения проблемы профессионального выбора. В педагогике принцип антропоцентризма предусматривает обращение к субъективности человека, к пониманию его жизни как самосозидания, его развития как самоопределения и саморазвития. В педагогической антропологии стратегическая роль образования реализуется через педагогическую поддержку личности в ее самоопределении и саморазвитии. Появляется возможность удержать исходную целостность человека как природного индивида, социокультурного существа и духовного практического субъекта на протяжении этапа начального образования, положив тем самым основу настоящему самоопределению и самореализации личности.

Учение философской антропологии о человеке понимает его как самоценную, творческую и свободную личность. Самым ценным качеством человека является его принципиальная незавершенность, открытость миру, к возможному действию, способность и обязанность делать выбор. Поэтому педагогическая деятельность профконсультанта – это деятельность, связанная с созданием условий для самоопределения и саморазвития личности, обеспечением для нее свободы выбора, возможностей свободного и творческого действия. Идея самосозидающего человека, открытого для всех возможностей, – центральная идея философской антропологии. Сущность человека – в развитии, в постоянном духовном преобразовании самого себя, в самовоспитании.

Анализ концепции жизни (Ш. Бюлер, С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская) дает возможность рассматривать оптанта как субъекта трудовой и будущей профессиональной деятельности, а его профессиональное самосознание – как отношение к себе в качестве субъекта будущей профессиональной жизни. С.Л. Рубинштейн неоднократно подчеркивал роль внутренней активности личности в самоопределении. При этом он не отрицает значения внешних и внутренних факторов ее развития. Внутренняя активность, по С.Л. Рубинштейну, проявляется в готовности к действию, на-

правленному на формирование индивидом себя как личности, а также в способности к самореализации. Человек есть существо, которое имеет проект. «Проект он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее создает, сам из себя что-то создает, отсюда его сущность – свобода» [7, с. 375]. Будущее, настоящее и прошлое взаимосвязаны.

Основные методологические подходы С.Л. Рубинштейна развивает в своих научных трудах К.А. Абульханова-Славская. Для нее самоопределение – это определение личностью своего «способа жизни», определение человеком своей позиции в социальной действительности, проведение своей личностной позиции в многочисленных ситуациях общения. Творческое осмысление идей С.Л. Рубинштейна позволило К.А. Абульхановой-Славской разработать принцип саморегуляции, реализация которого лежит в основе определения уровня организации жизни. Тут выделяют: исходный уровень – невыделенность личности из процесса жизни; предличностный уровень – личность начинает определяться сама по себе как таковая; личностный уровень, на котором происходит самоопределение в отношении к жизни в целом, вырабатывается и проводится «своя линия в жизни». Согласно К.А. Абульхановой-Славской, механизмом личностной саморегуляции является рефлексия [1]. Рефлексия необходима для изменения уровня и характера активности в зависимости от хода деятельности.

Сущность педагогической поддержки заключается в том, чтобы показать развивающейся личности все богатство жизни, счастье собственной наиболее полной самореализации даже в трудных условиях. Педагогическая поддержка – это борьба за высший уровень человеческого существования, за вершину человеческого бытия. Жизненный путь – это не только движение человека вперед, но и движение вверх, к высшим, более совершенным формам, к лучшим проявлениям человеческой сущности, достижение личностного совершенства. А личность в качестве субъекта жизни выступает как ее организатор, формирует позицию и «линию своей жизни» согласно своему проекту, в соответствии со своими склонностями, стремлениями, стилем жизни. Чем больше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем больше он стремится ее организовать, определить направление, тем более уникальной, ценной, творческой она становится.

По данным отечественных исследователей, жизненные планы белорусской молодежи связаны с созданием хорошей семьи и достижением успехов в профессиональной трудовой деятельности. Половина молодых людей смысл жизни ищет среди экзистенциальных ценностей, подчеркивая значимость самосовершенствования, использования всех возможностей, встречающихся на жизненном пути. Каждый третий молодой белорус считает удачной ту жизнь, в которой присутствуют и реализуются возможности достижения собственных целей, целей жизни, целеустремленность, возможность заниматься в жизни тем, что нравится, к чему стремиться и что любить. Каждый четвертый смысл жизни связывает с деньгами и богатством; для каждого второго молодого белоруса важнейшим фактором, влияющим на оценку жизни, является материальная независимость, деньги, финансовая безопасность [9].

Учение о временной перспективе личности, которое утверждает, что те или иные ожидания и представления о будущем воздействуют на поведение человека в настоящее время и переживание им своего настоящего: положительные ожидания в отношении будущего придают настоящему ценность, негативные – обесценивают его. Психологическое будущее существует как проект, его функция – в обеспечении смысловой и временной перспективы. Существование временной перспективы связано с активностью личности и продуктивностью ее действия в настоящее время. Отсутствие или ограничение перспективы ведет к пассивности, дезорганизации, неэффективности деятельности [2, с. 61]. С одной стороны, успешное саморазвитие личности в настоящем

наполняет будущее смыслом, структурирует его, а человек становится субъектом собственной деятельности. Когда же развитие по некоторым причинам замедляется, будущее воспринимается как бессмысленное, неструктурированное, а человек целиком зависит от внешних воздействий.

Выступив в роли субъектов организации собственного времени, старшеклассники могут своевременно с учетом индивидуальных возможностей, планов, перспектив и общественных потребностей осуществить собственное жизненное профессиональное самоопределение. Время может выступать движущей силой личности, если у нее развиты качества субъекта времени, и тормозом развития, если такие качества не развиты. Стратегия опережения реального времени, планирования своих действий вперед, является стратегией преобразования времени в условие развития, реализации своих задач. Стратегия «активного игнорирования» норм времени приводит к безнадежному отставанию, к профессиональной и личностной некомпетентности. Поэтому своевременность является неотъемлемым качеством субъекта труда и профессиональной деятельности. Своевременность как повседневная практика должна стать способом жизни уже в школьные годы, определить стратегию жизни, стратегию «опережения» хронологического времени. Старшеклассников нужно учить использовать свои временные психические способности и механизмы, развивать временную направленность деятельности.

Расширение временных возможностей личности связано с жизненным опытом, развитием способностей и умений, которые ускоряют деятельность. Развивается способность к личностной организации времени. Это возможно, если личностное и профессиональное самоопределение являются адекватными, а выбор осуществляется в пользу личностного роста. Неадекватное профессиональное самоопределение – это уничтожение ценностей и трата времени.

Ценностное отношение к жизни проявляется в стремлении личности к самосовершенствованию, реализации своих возможностей в общественно ценных сферах деятельности, расширении индивидуальных вкладов в общество, ценность которых не уменьшается с течением времени. Когда же профессиональная деятельность не является ценностью личности, происходит обесценивание личностного времени. Личность способна оптимально использовать время, наполнять его смыслом. Активность личности увеличивает ее временные возможности, содействует более полной самореализации, адекватному самоопределению, увеличивает ценность реального времени жизни.

Наше исследование показало, что, являясь психологически притягательным для старшеклассника современной школы, профессиональное будущее не всегда является личностно перспективным. Причины видятся в неопределенности оснований для выбора профессии, незнании своих личностных качеств, способностей, трудностей поступления в вуз, т. е. независимости будущего от личности, его неопределенности.

Учитывая то, что жизненная перспектива подростков и юношей пока ограничена, надо бережно относиться к их психологической перспективе, развивать веру в собственные возможности самоопределения и самореализации. ПСО, его характер (творческий или подчиненный) определяют жизненные перспективы личности. Педагогическая поддержка должна быть направлена на помощь оптанту в поиске оптимальной жизненной позиции, которая открывает жизненные профессиональные перспективы.

Учение о стремлении к смыслу жизни, в котором потребность в самоопределении рассматривается как потребность в развитии конкретной смысловой системы, где главным компонентом является представление о смысле собственной жизни. Основной тезис учения о стремлении к смыслу: «человек стремится найти смысл и чувствует фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» [6, с. 11].

Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни В. Франкл рассматривает как природное качество человека. Оно является основным двигателем

поведения и развития личности: «для того, чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым владеют его поступки» [8, с. 10]. Именно в юношеском возрасте, по мнению В. Франкла, вопросы о смысле жизни возникают наиболее часто и являются наиболее злободневными. Поскольку профессиональное самоопределение является важнейшим компонентом жизненного самоопределения, можно предположить, что оно невозможно, если личность не нашла своего смысла жизни и находится в «экзистенциальном вакууме». С другой стороны, ПСО личности будет содействовать выходу ее из этого положения, нахождению смысла собственной жизни.

Из закономерностей нахождения человеком смысла жизни возникают специфические задачи и ограничения в педагогической поддержке оптантов, которые находятся в ситуации поиска смыслов или экзистенциальной фрустрации. Нельзя предлагать оптанту готовый смысл, но можно расширить его представления о возможностях, потенциальных смыслах. «Смыслы определяются, а не придумываются», «смыслы не могут даваться произвольно, а должны находиться ответственно». Навязывание педагогом своего смысла другому человеку недопустимо, «образование должно дать человеку средства для нахождения смысла» [8, с. 310].

Человек свободен в своем самоопределении потому, что его поведение определяется ценностями и смыслами. Свобода дана человеку для того, чтобы принять ответственность за свою судьбу.

Концепцию самоактуализации А.Х. Маслоу и В.Э. Франкла, с точки зрения которой потребность в самоактуализации – это важнейшая человеческая потребность. В концепции иерархии потребностей А.Х. Маслоу она занимает высшую ступень. Развитие личности представляется как возвышение ее биологических потребностей, надстройка над ними социальных и духовных, вершиной которых является потребность в самореализации. Маслоу признает, что дело самоактуализации может быть сделано лучше через влюбленность значимой работой.

В гуманистической психологии потребность в самоактуализации рассматривается как желание человека стать тем, кем он может стать. Человек, достигнув высшего уровня, добивается полного развития своего таланта, способностей, личностного потенциала, реализации смысла. А.Х. Маслоу отмечал: «Музыканты должны играть музыку, художники должны рисовать, поэты должны сочинять стихи, если они, в конце концов, хотят быть в мире с самим собой. Люди должны быть теми, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» [10, с. 22]. Концепция самоактуализации А.Х. Маслоу актуальна и сегодня, она заставляет современного человека задуматься над тем, чем и кем он может быть, а значит, придает его жизни смысл и цель.

Если жизнь – это процесс выбора, то самоактуализация – это выбор в пользу личностного роста. Важнейшие рекомендации А.Х. Маслоу о путях самоактуализации помогли нам при разработке гуманистической технологии организации ПСО. Среди них:

- Представить, что жизнь – это процесс постоянного выбора. Осуществить выбор в пользу личностного роста.
- Прислушаться к собственному «Я», найти самого себя.
- Понять, что самоактуализация – это процесс актуализации собственных возможностей ради того, чтобы стать тем, кем ты можешь стать.
- Сформировать собственную жизненную позицию.
- Взять ответственность за свою профессиональную судьбу.
- Поверить в возможность своей максимальной самореализации, и в первую очередь, в профессиональной деятельности.
- Отношение к себе как к субъекту планируемой профессиональной жизни.

Активность личности проявляется в том, что она преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует жизненную позицию на основе своих ценностей и потребностей. Вот почему так важно развивать стремление личности к самосовершенствованию: такая позиция обеспечивает успех и в профессиональном самоопределении. «Личность, если она настоящая личность, сама является своим основным детерминантом. Каждая личность является частично своим собственным проектом и создает сама себя» [6, с. 235].

Общенаучный уровень методологии реализуется с помощью разнообразных общенаучных методов нефилософского характера и представлен синергетическим подходом. С позиции синергетики организация процесса ПСО заключается в выборе таких воздействий на открытую неравновесную систему, которые бы соответствовали ее внутренним тенденциям развития. Синергетика не принимает метод прямого воздействия на систему. Вместе с тем правильно организованные, резонансные воздействия на открытую сложную систему, которой и является процесс профессионального выбора, очень эффективны. Резонансные педагогические воздействия подталкивают систему на один из собственных путей ее развития. Это позволяет рассматривать процесс организации ПСО как активизацию внутренних возможностей системы, которой присущ нелинейный характер развития.

Можно сказать, что когерентность действия педагога и оптанта выполняет двоякую функцию: сберегает целостность и устойчивость системы профессионального выбора и содействует возникновению нового выбора на длительном пути профессионального становления личности.

При этом самоорганизация обеспечивает динамичное равновесие, а эволюция – последовательность неравновесных процессов и их усложнение. Заметим, что решающую роль в этом процессе играет не борьба за существование, а взаимопомощь, согласованность, сотрудничество, совместные усилия педагога и воспитанника в строительстве и осуществлении жизненной перспективы. А упорядоченной можно считать такую педагогическую систему, которая является открытой для творчества педагогов и воспитанников, восприимчивой к возникающим инновациям, поддерживает последние изменениями в своей структуре.

Синергетический подход дает нам возможность выхода на новые смысло-жизненные ориентиры, которые можно сформулировать как «самоопределение человека в самоорганизующемся динамическом мире». Истина не дана, она формируется и меняется в процессе познания. Поэтому апелляция в суждениях должна смениться большей осторожностью в высказываниях.

В связи с вышесказанным, синергетика требует осмысления целей, содержания, технологии конкретного этапа профессионального самоопределения. Решения личности в ситуации выбора нельзя оценить как хорошие или плохие, они существуют и получают смысл в череде человеческих поступков. Поэтому оценки шагов оптанта на пути профессионального самоопределения должны быть согласованным, обдуманым, как сбалансирован всемирный процесс самоорганизации. В них не должна игнорироваться случайность, так как она может сыграть большую роль в синергетическом процессе профессионального самоопределения. Педагогу-профконсультанту необходимо понимать место и смысл каждого штриха в согласованном когерентном поведении подрастающего человека.

Исходя из синергетических представлений о процессе профессионального самоопределения попытаемся сформулировать некоторые советы профконсультанту:

1. Не нужно стремиться спрогнозировать весь жизненный профессиональный путь личности в деталях: достаточно организовать только несущие конструкции системы (такой несущей конструкцией в системе профессионального самоопределения явля-

ется самосознание личности), после чего динамика системы вынесет нас туда, куда мы стремимся. В связи с этим нет необходимости планировать на далекую перспективу все детали профессионального пути выпускника, нужно обозначить только главную жизненную перспективу и роль профессиональной деятельности в ее осуществлении, определить главные способы и средства достижения поставленной цели, в которые жизнь внесет свои коррективы.

2. Постоянный поиск, что дает возможность наблюдать за движением личности к собственному оптимальному самоопределению и самоорганизации. Примером такого поискового, эвристического взаимодействия может быть организация практической «пробы и сил» в области будущей профессиональной деятельности.

3. Стимуляция решений, которые увеличивают количество альтернативных выборов, организация оптанта на многократность выборов на трудном жизненном пути.

4. Создание положительного психологического микроклимата, способствующего формированию оптимистического отношения к необходимости планирования своего будущего, убеждению в необходимости максимальной самореализации в профессиональной деятельности.

5. Формирование способности самостоятельно определять, строить свою жизненную профессиональную судьбу и нести за нее ответственность.

6. Активизация профессионального самосознания оптанта, его психологическая и профессиоведческая поддержка.

7. Педагогическая поддержка оптанта в процессе соотнесения им своих внутренних ресурсов и требований профессии, актуализация его субъектного опыта.

Таким образом, синергетический подход дает нам возможность по-новому посмотреть на процесс профессионального самоопределения, оптимально организовать педагогическую поддержку оптанта в ситуации выбора.

Конкретно-научный уровень методологии представлен личностно-ориентированным (Е.В. Бондаревская, О.С. Газман, В.В. Сериков, А.П. Сманцер, И.С. Якиманская) подходом. В основе личностно-ориентированного подхода признание человека в нестабильном и слабо прогнозируемом мире не до конца познаваемым, учет его индивидуальности, самобытности, самооценности, развитие его не только как коллективного субъекта, но и как индивида, наделенного своим неповторимым «субъектным опытом». Личность оптанта – не только субъект выбора профессии, но и субъект определяющий, приоритетный. ПСО предусматривает прежде всего «заказ личности», в зависимости от которого организуется дальнейший процесс профессионализации. Ориентация на личность – это поддержка подростка в раскрытии и развитии его склонностей и способностей, которые помогут ему постепенно выявлять, ставить и решать собственные, в том числе и профессиональные, проблемы в непредвиденных обстоятельствах и отвечать за собственные решения.

Методический уровень исследования представлен технологией перевода идеальных теоретических установок в практические операции по организации процесса ПСО старшеклассников. На этом уровне используются модели-предписания и технологические карты последовательности реализации дидактических предписаний на мотивационном, диагностическом, эвристическом, практическо-прогностическом, рефлексивно-оценочном этапах, учитывается специфика организации в синергетической и кибернетической фазах процесса ПСО.

Таким образом, в качестве теоретической аргументации концептуальных оснований организации профессиоведческой и педагогической поддержки клиентов Центра «Профориентир» выступают: концепция стратегии жизни, учение о временной перспективе личности, о стремлении к смыслу жизни, концепция самоактуализации, личностно-ориентированный подход, которые соответствуют синергетическим представ-

лениям об открытости, нелинейности и неравновесности самоопределяющейся личности как системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 229 л.
2. Гинзбург, М.Р. Психология личностного самоопределения: дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.13 / М.Р. Гинзбург. – М., 1996. – 205 л.
3. Кавалевіч, М.С. Прафесійнае самавызначэнне старшакласнікаў інавацыйнай школы: метадалогія, тэорыя, тэхналогія : манаграфія / М.С. Кавалевіч. ; пад рэд. М.К. Сцепаненкава. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2003. – 267 с.
4. Кавалевіч, М.С. Прафесійнае самавызначэнне старшакласнікаў профільнай школы: дыягностыка-развіццёвы комплекс / М.С. Кавалевіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2006. – 92 с.
5. Ковалевич, М.С. Методологические основания исследования проблемы профессионального самоопределения старшеклассников / М.С. Ковалевич // Профориентация и профадаптация (теория и практика) : межвузовское учеб.-метод. пособие : в 2 кн. / М.С. Ковалевич ; под науч. ред. А.М. Кухарчук, Л.Ф. Мирзаяновой. – Барановичи : БарГУ, 2006. – Кн. 1. – С. 18–53.
6. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу ; отв. ред. С.Н. Иващенко ; перев. О.О. Чистяков. – М. : Рефл–бук. Ваклер, 1997. – 300 с.
7. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.
8. Франкл, В.Э. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 367 с.
9. Яковук, Т.И. Неопределенность как регулятор духовной жизни молодежи монография / Т.И. Яковук. – Брест БГТУ, 2005. – 172 с.
10. Maslow, A.H. Motivation and Personality / A.H. Maslow. – (3 rd. ed.). – New-York : Harper and Row, 1987.

Kovalevich M.S. The Centre Of Youth Professional Self-Determination “Prof-Orientator”: Methodology Of Organization, Problems And Directions Of Activity

In the article the project of the activity of the centre “PROF-ORIENTATOR”, whose scientific and practical newness is contained in the fact that it is built on a new methodological bases, is presented. The concept of life strategy, the learning of person’s temporary perspective, of aspiration for life sense, personally-oriented approach, which correspond to synergetic notions about open, non-linear and unbalanced character of self-determinative person as a system, appear in the capacity of conceptual bases of organization of activity of the centre.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.02.09

УДК 796.0

А.В. Шаров

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ ТРЕНИРОВОЧНЫХ НАГРУЗОК ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЧАСТОТЫ СЕРДЕЧНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

В статье анализируется контроль за интенсивностью нагрузки в тренировочном процессе по показателю частоты сердечных сокращений. Наиболее проблематично определение зон интенсивности тренировочных нагрузок. Это вызвано тем, что основные изменения аэробной производительности происходят в диапазоне от 75 до 90% от максимальной ЧСС. Таким образом, для спортсменов становится важным определение данного показателя. Формулы определения, связанные с возрастом, не могут отразить реальных значений. В аналитическом обзоре даны современные подходы определения интенсивности нагрузки по ЧСС_{макс}. Приводятся практические примеры определения оптимальной интенсивности нагрузки для бегунов. Нагрузка представлена диапазоном из 8 классов функционального воздействия.

Введение

Актуальность. К 80-м годам прошлого века основой планирования тренировочного процесса в видах спорта «с преимущественным проявлением выносливости» считалось определение объема и интенсивности нагрузки [1]. Главным звеном – определение общих годовых объемов специфической (профилирующей) нагрузки, дифференцированных в зависимости от спортивно-квалификационного уровня или возраста (в детско-юношеском спорте) и распределяемых затем по отдельным зонам-компонентам (определение «парциальных» объемов). После чего эти компоненты общего объема распределялись по мезоциклам (месяцам) и микроциклам. В результате объем работы выражался в километрах профилирующей тренировочной работы. Наиболее проблематично было определение интенсивности тренировочного воздействия. Поиски оптимального варианта планирования с учетом интенсивности не прекращались и являются актуальными и в наше время. Педагогические критерии, которые сложились к началу 50-х годов как передвижение в «три четверти», «одну вторую», «одну четвертую силы», основывались на тестировании или имеющихся результатах на соответствующих дистанциях [2]. Позднее такая трактовка констатировала процентное соотношение от максимальной скорости передвижения [3] или рекордной скорости передвижения на соответствующих дистанциях [4]. Любой из способов планирования часто вынуждал спортсменов превышать оптимальный уровень работы [2]. Все это потребовало обращаться к биохимическим и физиологическим критериям напряжения работы.

Проблематика. Литературный анализ показал, что способы количественной оценки интенсивности идентифицировались в соответствии с педагогическими критериями (скорости передвижения или процентного отношения от максимальных значений интенсивности) и физиологической напряженности работы (по частоте сердечных сокращений – ЧСС или концентрации лактата крови) или учитывали оба критерия [1; 2; 3; 4]. Развитие «методологических основ циклической нагрузки» [5] определилось двумя основными направлениями оптимизации интенсивности:

– за счет уточнения числа «зон относительной мощности», имеющих принципиальное отличие по метаболическому обеспечению, а следовательно, и по тренирующему воздействию на отдельными функциональные системы организма;

– в поисках наилучшего способа количественной оценки интенсивности. Такая оценка возникла для идентификации зон при практической тренировочной работе.

За многие десятилетия прошлого века проблеме циклической нагрузки были посвящены тысячи научно-исследовательских работ, выполненных учеными многих го-

сударств. Нельзя утверждать, что на данный момент имеется полностью разработанная, а самое главное, научно обоснованная теория циклической нагрузки, хотя некоторые работы претендуют на данную всеобщность [5]. Можно по-прежнему констатировать, что применяемые в спорте величины параметров и объемов тренировочной циклической нагрузки носят во многом эмпирический характер [6].

С тех пор как в практике видов на выносливость появилась известная трактовка показателей интенсивности работы [7] в зависимости от максимальной частоты сердечных сокращений – ЧСС_М (в трактовке известного финского физиолога Карвонена), появились сначала 3 класса работ (90% и выше – анаэробные, 80–70% – аэробные развивающие и ниже 70% – аэробные), расширенные позднее до 5–6 компонентных моделей. Такой подход позволяет по разному оценить классы работ, а тем более возникает определенная неточность планируемой интенсивности воздействия.

Новизна исследования. Учитывая большой разброс данных в трактовке классов нагрузки по показателю интенсивности, нами решено провести исследования литературных данных и собственных исследований модели расчетных и практических критериев интенсивности нагрузки в зависимости от показателя максимальной частоты сердечных сокращений.

Цель. Создать теоретически и практически обоснованную модель классификации тренировочных нагрузок в соответствии с максимальными значениями индивидуальной частоты сердечных сокращений.

Результаты исследования

Выведение интенсивности нагрузки на основе показателя частоты сердечных сокращений. К 70-м годам прошлого века классификации тренировочных нагрузок определились двумя главными составляющими по преимущественному обеспечению: анаэробному и аэробному. Н.И. Волковым [8] была предложена многокомпонентная модель тренировочных нагрузок, последовательно усложнявшаяся от 4-х до 6 классов нагрузок (для видов на выносливость трансформированных в 5–6-компонентные зоны воздействий). Для практики спорта это определялось показателями ЧСС – 120–140 уд./мин (аэробная), 140–170 уд./мин (смешанная), 170–180 уд./мин (режима МПК), 190 и выше – анаэробная [1]. С известной долей трактовками они часто соотносились с применяемыми методами (непрерывным, переменным, интервальным и повторным) и определялись обобщенно как «зоны интенсивности» [2].

Современные методики тренировки бегунов на выносливость определяются точностью соблюдения функционального режима, в котором необходимо развивать специфические свойства энергообеспечения организма [3]. По мнению Ю.В. Вехошанского, «...управление специфичностью тренирующего воздействия нагрузки – единственный путь к повышению эффективности системы тренировки спортсменов высокого класса» [9]. Для бега на выносливость наиболее эффективным режимом считается бег на уровне анаэробного порога (АнП, ПАНО), который проще определять по методике Конкони [10]. Наиболее передовые методики тренировки позволяют программировать тренировочный процесс в развитии выносливости по показателю ЧСС и его вариационным составляющим [11]. Учитывая, что в тренировке бегунов на средние и длинные дистанции объем бега в аэробных режимах может составлять до 60–80% от общего объема бега, нами решено исследовать данные средства тренировки.

Учитывая, что показатель ЧСС имеет большую индивидуальную сонстраенность с показателями энергообеспечения, возникает необходимость тестирования необходимых состояний – для бега наиболее важными являются показатели аэробного (АЭП) и анаэробного порогов (АнП), а также максимального потребления кислорода [3; 6; 10]. Все это требует «избирательности режимов циклической нагрузки», поскольку

ку только последовательная проработка отдельных режимов позволяет наиболее эффективно их развивать [5]. В то же время представления о классификации тренировочных нагрузок у зарубежных авторов [12] основываются на тренировке основных физиологических систем: фосфатная система, толерантность к лактату, максимальное потребление кислорода, анаэробный порог, аэробный порог.

Основной эффект тренировки определяется взаимосвязью двух компонентов – максимализации и экономизации функционирования, поэтому увеличение показателей МПК характеризует первую тенденцию, а повышение скорости бега на уровне порогов – вторую. Хорошо известно, что применение любого метода имеет свой адаптационный резерв, который для одного режима колеблется от 25 до 40 тренировочных занятий [4]. Тем не менее в практике спорта происходит либо увеличение данной продолжительности до 60–100 занятий на отдельный режим при однопиковой подготовке, либо уменьшение до 10–20 тренировок при многопиковой [3]. Все это требует точной градации тренировочных режимов.

Современные представления о планировании тренировочных нагрузок по показателям ЧСС показывают высокую эффективность такого подхода, причем используются как расчетные, так и практические критерии тренировочных нагрузок [13]. Тем не менее в практике для каждой дистанции можно установить процент от индивидуального уровня максимального потребления кислорода, или МПК [14].

Таблица – Рекомендуемые зоны интенсивности в расчетных критериях % от ЧССм (переработанные данные собственных исследований и литературных)

Зона	%ЧССм	ЧСС*	ЧСС**	Решаемое функциональное значение
1	100%	192	210	Функциональное интегрирование (соревнование)
2	95%	184	203	Анаэробная (скорости 200–800 м)
3	90%	176	196	Режим МПК мощности (скорости 1,5–3 км)
4	85%	169	182	Режим МПК емкости (скорости 3–5 км)
5	80%	161	175	Анаэробного порога (скорости 6–10 км)
6	70%	146	168	Кардиоваскулярного развития (скорости 15–40 км)
7	60%	131	154	Аэробного порога. Аэробного сжигания жиров и восстановления запасов углеводов
8	50%	116	140	Восстановления и компенсации

Примечание – ЧСС* – тренированные спортсмены;

ЧСС** – начинающие и недостаточно подготовленные

(определялись стандартными расчетными методами для возраста 10 – начинающие и 25 – тренированные)

Нами (А.В. Шаров) [15] был предложен модифицированный тест Конкони, который позволял трактовать несколько классов тренировочных нагрузок. Интерпретации взаимосвязи «ЧСС – скорость бега» с точки зрения современных знаний механизмов энергообеспечения мышечной деятельности позволяет трактовать 6 следующих тренировочных режимов:

1. Аэробный – до АЭП, небольшое увеличение ЧСС – «дрейф» на 10 уд./мин, (ЧСС – 120–150 уд./мин.).

2. Пороговый – от АЭП до АНП – выраженный наклонный участок, (ЧСС – 140–175).

3. Темповый – от АНП до МПК, экспонентоциальное увеличение ЧСС (ЧСС – 165–185).

4. МПК – горизонтальный участок с небольшим «дрейфом» до 5 уд./мин (ЧСС – 178–195 уд./мин).

5. Анаэробный – наклонное увеличение до максимальной ЧСС (ЧСС – 180–200 уд./мин).

6. Соревновательный (максимальный) – горизонтальный участок, максимальная ЧСС (ЧСС – 185–210 уд./мин).

Тренировка только функциональных состояний хорошо соотносится у малокавалифицированных спортсменов (или, как описывают в зарубежной литературе, – квалификации фитнеса, т. е. людей, стремящихся поддержать или улучшить свое физическое состояние). Для высококвалифицированных спортсменов необходимо соотносить тренируемое состояние со скоростью бега на различных дистанциях [14].

На основании собственных данных и рекомендаций других авторов предлагается следующая классификация специфических нагрузок в беге, представленная в таблице.

Таблица – Рекомендуемые зоны интенсивности в расчетных критериях % от ЧСС_м (переработанные данные собственных исследований и литературных)

Зона	%ЧСС _м	ЧСС*	ЧСС**	Решаемое функциональное значение
1	100%	192	210	Функциональное интегрирование (соревнование)
2	95%	184	203	Анаэробная (скорости 200–800 м)
3	90%	176	196	Режим МПК мощности (скорости 1,5–3 км)
4	85%	169	182	Режим МПК емкости (скорости 3–5 км)
5	80%	161	175	Анаэробного порога (скорости 6–10 км)
6	70%	146	168	Кардиоваскулярного развития (скорости 15–40 км)
7	60%	131	154	Аэробного порога. Аэробного сжигания жиров и восстановления запасов углеводов
8	50%	116	140	Восстановления и компенсации

Обсуждение результатов

Соответствие предложенной классификации классификациям используемым в практике. Научные и методические разработки часто детализируют разнообразные методы тренировки, которые способны повысить выносливость, максимальное потребление кислорода (МПК) и анаэробный порог [1; 2; 3]. Для объяснения воздействия обычно обращаются к качественным производным (общая, специальная, аэробная и т. д. выносливость), тренировочной интенсивности и сердечной производительности, позволяющей достигнуть более высокого результата в видах спорта с преимущественным проявлением выносливости. Как правило, рекомендуется тренировка с высокой интенсивностью, с очень высокими показателями сердечной производительности, чтобы достигнуть результатов, которые должны происходить при работе в истинно устойчивом состоянии, соответствующей относительно умеренной мощности работы. Часто ее определяют как целевую интенсивность аэробного тренировочного развития. Таким образом, использование целевой тренировочной интенсивности и значений частоты сердечных сокращений является также полезным для тех, кто ставит целью использование аэробной тренировки для улучшения здоровья и подготовленности или общей подготовленности при спортивном восстановлении. Расчетные формулы объяснения тренировочного процесса всегда

начинаются с формулы: $ЧСС_M = 220 - \text{возраст в годах}$ или формулы Карвонена. Относительно $ЧСС_M$ зоны интенсивности находятся в следующей пропорции:

- 100–90% – зона максимальных нагрузок используется в интервальных и вторых методах только у подготовленных спортсменов (The Red Line Zone);
- 90–80% – пороговая анаэробная зона определяемая индивидуальным анаэробным порогом или «точкой дефлексии», позволяет максимально интегрировать аэробный и анаэробный метаболизм (The Anaerobic Zone);
- 80–70% – аэробная зона или коридор оптимального развития кардиоваскулярной системы за счет использования углеводов и жиров (The Aerobic Zone);
- 70–60% – компенсаторная зона, развивающая общую выносливость и аэробные способности за счет качественного использования жиров (The Energy Efficient or Recovery Zone);
- ниже 60–50% – оздоровительная или восстановительная зона.

Как определяются стандартно зоны интенсивности нагрузки: а) определение $ЧСС_M$ по формуле 1 (пример $220 - 40 = 180$); б) вычисление $ЧСС$ покоя – лежа через 20 минут (60), в) вычисление резерва $ЧСС = ЧСС_M - ЧСС_п$ ($ЧСС_п = 180 - 60 = 120$), г) определение % $ЧСС$ в зоне резерва (для 70% (120×70)/100 = 84); д) к полученному прибавить $ЧСС_п$ ($70\%ЧСС_M = 84 + 60 = 124$ уд./мин).

То, что в практике подготовки бегунов на средние длинные дистанции необходимо использовать определенную пропорциональность средств подготовки, определяемых по интенсивности нагрузки, было известно достаточно давно. Так, Ф. Уилт [2], известный специалист в области бега на средние и длинные дистанции, анализируя методические и практические рекомендации, отмечал закономерность данных подходов в различных школах бега уже в 50-60-х годах прошлого века. Отсюда, позднее, основной методический аспект связывался с объемом средств, применяемых с использованием различных методов тренировки – непрерывного, переменного повторного и соревновательного. Интенсивность здесь предопределялась самим методом тренировки. С начала 60-х годов используются идеи энергетического обеспечения, и проблема тренировки начала сводиться к выполнению объемов работ по различным зонам интенсивности – аэробной, смешанной, анаэробной, алактатной [8]. Но, справедливо отметить, что практика подготовки должна соответствовать закономерностям «избирательности» использования средств подготовки сообразно запросам соревновательных режимов [3; 5]. Сложность данной проблемы состоит в точности измерения режима и его составляющих, а практика спорта все еще апеллирует к известному показателю $ЧСС$ [1; 3; 5; 6; 9; 10; 15; 16; 17]. Использование данного показателя может достаточно эффективно выявлять зоны интенсивности, но необходимо использовать определенные методики [7; 10; 11; 12], а не усредненные показатели, которые имеют довольно существенную ошибку [1; 2; 3; 4]. Такие способы определения нагрузок дают довольно большие ошибки до 20 уд./мин на одну зону, что часто эквивалентно работам с большей интенсивностью с последующими негативными моментами [14]. Для эффективной программы тренировки предлагается использовать мониторы сердечного ритма [6; 7; 10; 11; 14; 16]. Дело в том, что, если использовать сердечные мониторы $ЧСС$, это дает небольшой эффект, если не известно точно, что представляет рассчитанная тренировочная интенсивность. Нами, А.В. Шаров с соавт. [15; 16], исследовалась эффективность применения мониторов сердечного ритма в целях контроля различных программ бега. Было отмечено, что простейший мониторинг дает малый эффект, если не применять дополнительных производных – например показателей вариационной пульсометрии. Даже небольшие завышения интенсивности бега давали отрицательные эффекты на симпатические или парасимпатические составляющие метаболизма. Использование высокотехнологичных разработок фирмы «POLAR» [11] показывает, что часто идет ориентация на формулы несколько устарев-

шого содержания. Такой подход часто не может объяснить возможности дифференцированного или интегрированного развития функций, а иногда может даже приводить к стабилизации результатов или их снижению [17].

Практика организации высокоэффективного тренировочного процесса показывает, что умение спроектировать свой тренировочный процесс по показателям частоты сердечных сокращений стало давно назревшей реальностью и применяется в настоящее время в различных школах бега [18; 19; 20].

Проведенные исследования и литературные данные позволяют предположить, что бегуны, соблюдая внешнюю (педагогическую) направленность тренировки, не выполняли основные положения соблюдения интенсивности нагрузки и тем самым снижали эффективность внутреннего (физиологического) статуса ожидаемого воздействия, что определяло низкую «сопряженность» от воздействий [14].

Подведение итогов тренировки в видах спорта с преимущественным проявлением выносливости [6] показало, что данный процесс строился на педагогических принципах закономерного соотношения между различными упражнениями и возникающими эффектами от их применения, интенсивность при этом определялась педагогическим воздействием (для бега – скоростью бега). Очевидный прагматизм такого подхода выразился, в конечном итоге, как определяется некоторыми авторами [9], методологическим застоєм теории спортивной тренировки. И хотя существует сильная связь между объемом выполняемой нагрузки, специальными показателями работоспособности и спортивным результатом, стремление к предельным показателям необходимо соотносить с рациональным «тренирующим потенциалом» выполняемых работ. Таким образом, четкие градации интенсивности тренировочных воздействий остаются по-прежнему довольно актуальными. Очевидно, что дальнейший аспект требует более тщательных, индивидуальных градаций и учета более существенных характеристик зон интенсивности тренировочных воздействий.

Выводы

1. Современная трактовка зон интенсивности нагрузки в видах спорта с преимущественным проявлением выносливости показывает необходимость более точного соблюдения пропорций между отдельными зонами нагрузок, количество которых может ранжироваться на несколько классов воздействия.

2. Для спортивной тренировки наиболее важным является «сопряжение» скорости бега с развитием определенных функций. Такое развитие может определяться дифференцированным или интегрированным развитием различных механизмов энергообеспечения, что требует четкого восприятия «скоростного режима» самим спортсменом.

3. Для практики спорта наиболее просто классифицировать зоны воздействия по частоте сердечных сокращений. Используя стандартные подходы и результаты собственных исследований в процентах от максимальной частоты сердечных сокращений, предлагается 8-компонентная модель нагрузок для видов спорта на выносливость.

4. Для повышения эффективности тренировочного процесса предлагается использовать мониторы сердечного ритма. В качестве этапного контроля предлагается применять модифицированный тест Конкони для коррекции расчетных зон интенсивности тренировочных воздействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бег на средние и длинные дистанции: Система подготовки / Ф.П. Сулов [и др.] ; под ред. В.В. Кузнецова. – М. : Физкультура и спорт, 1982. – 186 с.
2. Уилт, Ф. Бег, бег, бег / Ф. Уилт. – М. : Физкультура и спорт, 1967. – 376 с.

3. Подготовка сильнейших бегунов мира / Ф.П. Суслов [и др.]. – Киев : Здоровья, 1990. – 208 с.
4. Свитин, В.Ф. Индивидуальное управление тренировочной нагрузкой бегунов на средние дистанции : дисс. канд. пед. наук / В.Ф. Свитин. – Минск : АФВиС РБ, 1996. – 186 с.
5. Смирнов, М.Р. Еще раз о «зонах относительной мощности» / М.Р. Смирнов // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 10. – С. 10–17.
6. Колесов, А.И. Соревновательная деятельность и подготовка спортсменов высшей квалификации в различных природно-географических условиях / А.И. Колесов, Н.А. Ленц, Е.А. Разумовский. – М. : Физкультура и спорт, 2003. – 292 с.
7. ACSM Position Stand. The recommended quantity and quality of exercise for developing and maintaining cardiorespiratory and muscular fitness in healthy adults / ACSM Position Stand // *Medicine & Science in Sports & Exercise*. – 1990. – V. 22. – № 5. – P. 265–274.
8. Волков, Н.И. Некоторые вопросы теории тренировочной нагрузки / Н.И. Волков, В.М. Зацюрский // Теория и практика физической культуры. – 1964. – № 6. – С. 20–24.
9. Верхошанский, Ю.В. Актуальные проблемы современной теории и методики спортивной тренировки / Ю.В. Верхошанский // Теория и практика физической культуры. – 1993. – № 8. – С. 21–28.
10. Тест Конкони для бегунов на средние дистанции: Легкая атлетика // Система подготовки зарубежных спортсменов: Экспресс-информация. – Москва, 1986. – Вып. 11. – С. 3–12.
11. Polar Precision Performance™ Software for Windows(R) Version 2 / User's Guide. GBR 187070.E. 5-th Ed. – 1999. – 150 p.
12. Bompa, T.O. Physiological Intensity Values Employed to Plan Endurance Training / T.O. Bompa // *Track Technique*. – 1989. – № 108. – P. 3435–3442.
13. Boulay, M.R. Monitoring high-intensity endurance exercise with heart rate and thresholds / M.R. Boulay [et al.] // *Med. Sci. Sports Exerc.* – 1997. – V. 29. – № 1. – P. 125–132.
14. Horwill, F. Old physiology Vs. New physiology Vs. logic / F. Horwill // *Track Coach*. – 1995. – V. 132. – P. 4211–4213.
15. Шаров, А.В. Этапная индивидуализация тренировочных нагрузок в беге на средние и длинные дистанции с использованием модифицированного теста Конкони / А.В. Шаров // Мир спорта. – 2004. – № 4(17). – С. 15–18.
16. Шаров, А.В. К проблеме использования автоматизированных систем для трактовки тренировочных состояний и здоровья у спортсменов / А.В. Шаров, А.И. Шутеев, Ф.К. Гоголюк // Улучшение, сохранение и реабилитация здоровья в контексте международного сотрудничества : материалы. междунар. науч.-практ. конф, Брест, 21–23 окт. 2005 г.) / редкол. А.Н. Герасевич [и др.]. – Брест : 2005. – С. 205–206.
17. Шаров, А.В. Методы тренировки как способы развертывания и интегрирования функциональной структуры соревновательного действия в беге на средние и длинные дистанции / А.В. Шаров // Ученые записки : сб. реценз. науч. тр. – Минск : БГАФК, 2003. – Вып. 7. – С. 121–130.
18. Слимейкер, Р. Серьезные тренировки для спортсменов на выносливость / Р. Слимейкер, Р. Браунинг. – Мурманск : Тулома, 2007. – 328 с.
19. Арселли, Э. Тренировка в марафонском беге: научный подход / Э. Арселли, Р. Канова. – М. : Терра-Спорт, 2000. – 224 с.
20. Hottenrott, K. Ausdauertraining: intelligent, effektiv, erfolgreich / K. Hottenrott. – Luneburg : Wehdemeier & Pusch, 1995. – 2.Aufl. – 82 p.

Sharov A.V. Definition of Intensity of Training Loading's on Parameters of Heart Rate

In the article the control over intensity of loading in training process on a parameter of heart rate is analyzed. The Definition of zone intensity of training loadings is most problematic. It is caused by that the basic changes of aerobic productivity occur in a range from 75 up to 90 % from maximal heart rate – MHR. Thus, for sportsmen is important a definition of the given parameter. Formulas of the definition, age-related cannot reflect real values. It is important to define the given parameter/ In analytical review modern approaches of the definition of loading intensity for MHR are revealed. Practical examples of definition of optimum intensity of loading for runners are given. Loading is submitted by a range from 8 classes of functional influence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 10.03.08

УДК 378.016

В.А. Халецкий

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ХИМИЧЕСКОГО ЛАБОРАТОРНОГО ПРАКТИКУМА В ТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассмотрена организация лабораторного практикума по общей и органической химии для студентов инженерных специальностей, обучающихся в Брестском государственном техническом университете. В основу практикума положено несколько базовых принципов: целостность курса; постепенность развития умений и навыков студентов; прикладной характер и экологическая направленность работ. В качестве объектов изучения были выбраны объекты, имеющие непосредственное отношение к будущей специальности студентов (антифризы, лакокрасочные материалы, пигменты, полимеры и др.). Результаты анкетирования, в котором приняло участие 105 студентов первого курса и 20 студентов третьего курса, показали, что профессионализация практикума способствует выработке у студентов положительного отношения к химии как к науке, стимулирует мотивацию к изучению дисциплины, показывает востребованность химических знаний в будущей профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Введение

Специалисты инженерных профессий являются одними из самых востребованных на рынке труда в нашей стране. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь численность работающих в промышленности (в том числе машиностроении и производстве строительных материалов) в 2008 году составила 1 087 тыс. человек [1]. Поэтому важнейшей задачей отечественной высшей технической школы является подготовка квалифицированного специалиста, обладающего всем комплексом знаний, умений и навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности. Образование в области естественных наук, в том числе и химии, в значительной степени ответственно за формирование профессиональных и академических компетенций, необходимых будущему инженеру.

Экспериментальный характер химической науки в значительной степени определяет ту важную роль, которую играет лабораторный практикум в обучении химии. Общей теории организации и проведения лабораторных работ в высшей школе были посвящены труды известных исследователей, специалистов в области химического образования Г.М. Чернобельской, О.С. Зайцева, В.В. Сорокина, Н.Ф. Талызиной. Вопросы построения и проведения практикума по общей химии для студентов инженерных специальностей рассмотрены в работах, опубликованных главным образом в 1970–1980-е гг. и имеющих преимущественно частно-методический характер (Л.Г. Гуськова, Р.Р. Мавлютов, В.Н. Крылов, Л.А. Малясова).

Профессионализация лабораторного практикума по общей химии

Необходимо отметить, что в отечественных вузах, осуществляющих подготовку инженерных кадров, используются различные подходы к построению лабораторного практикума. В Белорусском национальном техническом университете, ведущем вузе страны для специальностей строительства и машиностроения, основой является традиционный практикум по общей химии, в который включены также лабораторные работы, имеющие прикладной характер [2; 3]. Аналогичный подход принят и в Белорусском аграрном техническом университете [4]. Отдельные вопросы, связанные со специали-

Научный консультант – Е.И. Василевская, кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры неорганической химии Белорусского государственного университета

зацией студентов, рассматриваются в практикуме по химии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники [5]. В Гродненском государственном университете студентам инженерных специальностей предлагается универсальный базовый практикум по химии без профильных лабораторных работ [6].

Ранее нами [7] были сформулированы важнейшие принципы, которые должны лежать в основе лабораторного практикума для студентов нехимических специальностей (целостность курса; постепенность развития умений и навыков студентов; прикладной характер и экологическая направленность работ). Данные принципы реализованы при построении практикума по химии для студентов машиностроительных и строительных специальностей, обучающихся в Брестском государственном техническом университете. При этом первоначально было подвергнуто ревизии содержание лабораторных работ, предлагаемых студентам, с целью определения возможности их профилирования. Затем были разработаны отдельные практикумы для студентов строительных и машиностроительных специальностей с учётом их будущей деятельности. Профессионализация практикума осуществлена за счёт создания профильных лабораторных работ, а также за счёт включения в базовые лабораторные работы опытов, рассматривающих вопросы специализации. Для каждой работы разработано соответствующее методическое обеспечение.

Для определения эффективности предложенной модели организации лабораторного практикума в 2008/2009 учебном году было проведено анкетирование студентов первого курса машиностроительного факультета в начале изучения курса общей химии на первом занятии и после сдачи студентами итогового экзамена. Анкетирование было добровольным с обязательным указанием фамилии.

В начальном анкетировании приняло участие 103 из 125 студентов (82,4%). Анкетирование проводилось с целью получения основных сведений об уровне подготовки студентов, ознакомления с их восприятием химии, выявления уровня мотивации к её изучению. Результаты опроса показали, что студенты в целом довольно осторожно относятся к химии как к науке. В одной из анкет можно было прочесть: *«Никогда меня химия не интересовала. Поскольку нужна была оценка, приходилось иногда открывать книгу и пытаться выполнять задания, если не получалось, пользовался решебником»*.

Меньше половины студентов были убеждены в необходимости изучения химии как дисциплины, необходимой им для будущей профессиональной деятельности и повседневной жизни. Подробные результаты начального анкетирования приведены в [8].

Итоговое анкетирование должно было показать, изменилось ли отношение студентов к химии после изучения дисциплины в университете, появилось ли у них представление о востребованности в будущем химических знаний. Важным было также понять, каким видят лабораторный практикум студенты, как они оценивают его достоинства и недостатки. Для исключения субъективных факторов опрос проводился после того, как студенты уже сдали экзамен. В итоговом анкетировании приняло участие 105 из 125 студентов, т. е. 84,0% от общего числа. Часть вопросов анкеты были открытыми, в остальных студенты имели возможность выбрать ответ из нескольких возможных.

Как можно было предположить, анкетлируемые отметили важную роль, которую играет лабораторный практикум в подготовке студентов. Если начальное анкетирование показало, что далеко не все студенты обладают простейшими навыками в проведении опытов (рисунок 1), то после прохождения практикума 98,1% опрошенных отметили, что они получили общее представление о работе в химической лаборатории.

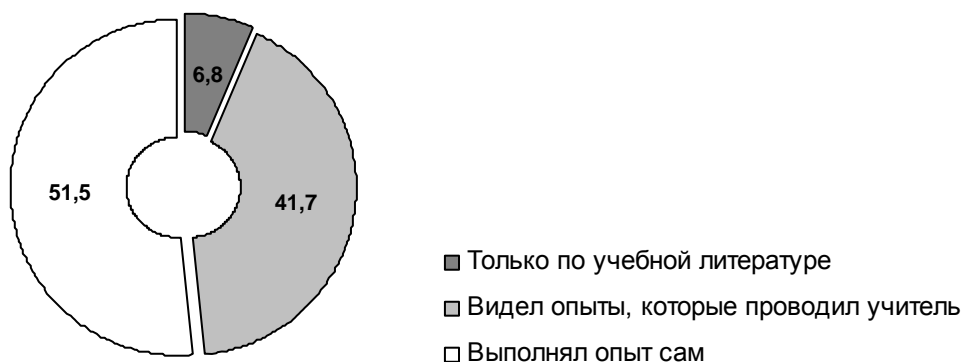

Рисунок 1 – Знакомство студентов-первокурсников с проведением химических опытов до начала изучения курса химии в университете

Кроме того, практически все студенты отметили, что практикум способствовал усвоению теоретического материала (99,0%), помог научиться решать химические задачи (91,4%).

Вопросы анкеты о достоинствах и недостатках лабораторного практикума были сформулированы открытыми. Чаще всего среди достоинств студенты отмечают то, что выполнение лабораторных работ было для них интересно (10,5%), они могли наглядно ознакомиться со свойствами веществ и особенностями протекания химических реакций (10,5%), опыты помогли для них лучше понять содержание лекций (18,1%). Но самое главное – студенты имели возможность самостоятельно работать в химической лаборатории (20,0%). Также к достоинствам практикума опрошенные относят хорошую организацию лабораторных работ, доступность и разнообразие опытов.

К недостаткам студенты относят малое количество времени, которое отводится для проведения практикума (18,1%), а также необходимость защиты лабораторных работ (7,6%).

Самыми интересными лабораторными работами студенты считают те, которые непосредственно связаны с их будущей специальностью. Почти половина опрошенных (49,5%) назвала в качестве интересной лабораторную работу «Коррозия металлов», 14,3% студентов отметили работу «Химия металлов», а 6,7% – «Гальванические элементы». Также 8,6% студентов отметили, что их интерес вызвала работа, посвящённая изучению ионных равновесий: «Гидролиз солей». Остальные лабораторные работы назывались при опросе значительно реже.

Темы лабораторных работ, вызвавших наибольший интерес при их проведении хорошо коррелируют с темами, которые студенты называют самыми важными среди изученных в университете. Самой важной темой студенты считают изучение коррозионных процессов и методов борьбы с коррозией (59,0%), ионные равновесия (20,0%), электролиз (16,2%), гальванические элементы (14,3%), химию металлов (7,6%). Следует отметить, что интерес, который проявляют студенты машиностроительных специальностей к блоку прикладных тем курса общей химии (коррозия металлов, гальванические элементы, электролиз, химия металлов) и к ионным равновесиям, является традиционным, и отмечался при исследованиях в предыдущие годы [9].

Итоговое анкетирование показало, что интерес, который проявили студенты при изучении химии в университете, в значительной степени изменил их отношение к химии как к науке. Диаграмма, отражающая данный процесс, приведена на рисунке 2. По сравнению с начальным опросом значительно (с 35,9% до 93%) увеличилась доля

студентов, положительно воспринимающих химию. Лишь один студент из 105 опрошенных, отметил, что его отношение к химии после изучения в университете ухудшилось, назвав в качестве причины излишне строгий, по его мнению, экзамен.

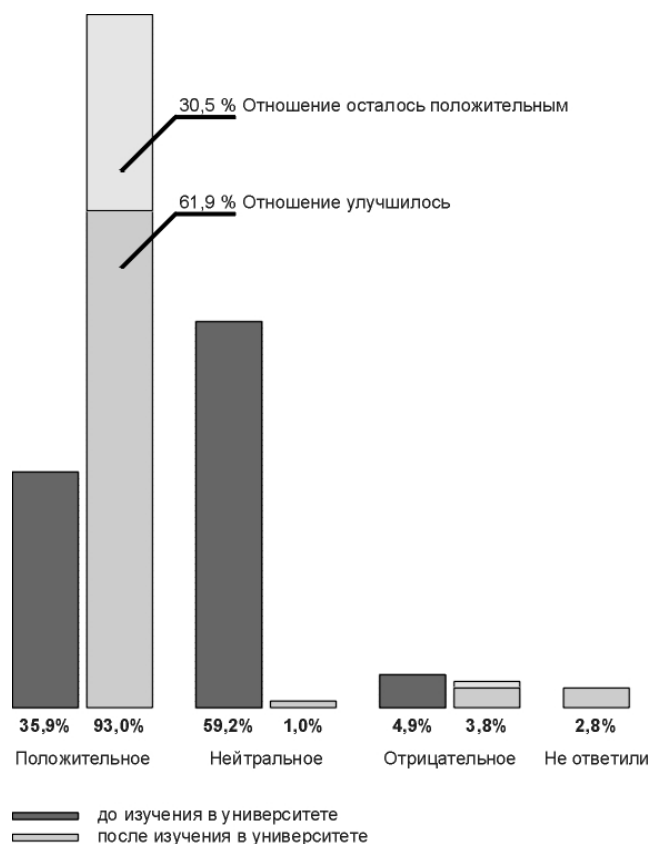

Рисунок 2 – Динамика изменения отношения к химии как к науке у студентов-первокурсников до и после её изучения в университете

Что было крайне важно, итоговое анкетирование также диагностировало рост понимания студентами необходимости химических знаний для их будущей профессии и для повседневной жизни. Если в начале изучения дисциплины в университете меньше половины студентов были убеждены в этом, то после сдачи экзамена больше двух третей от числа студентов отметили, что знания по химии необходимы для них (рисунок 3). Часто студенты в анкетах давали развернутый ответ на данный вопрос:

«Мне нравится сам предмет потому, что с помощью химии можно много сделать интересного, красивого и нужного»;

«Я смог увидеть, как происходят реакции в реальности, и это помогает понять химию».

Среди трудностей, с которыми студенты-первокурсники встречаются при изучении химии, нужно отметить большой объем изучаемого материала (6,7%) и слабый уровень школьной подготовки (5,7%). Как и в предыдущие годы [9], основным источником при подготовке студентов к экзамену был конспект лекций (95,2%), учебные пособия (57,1%) и методические указания (38,1%).

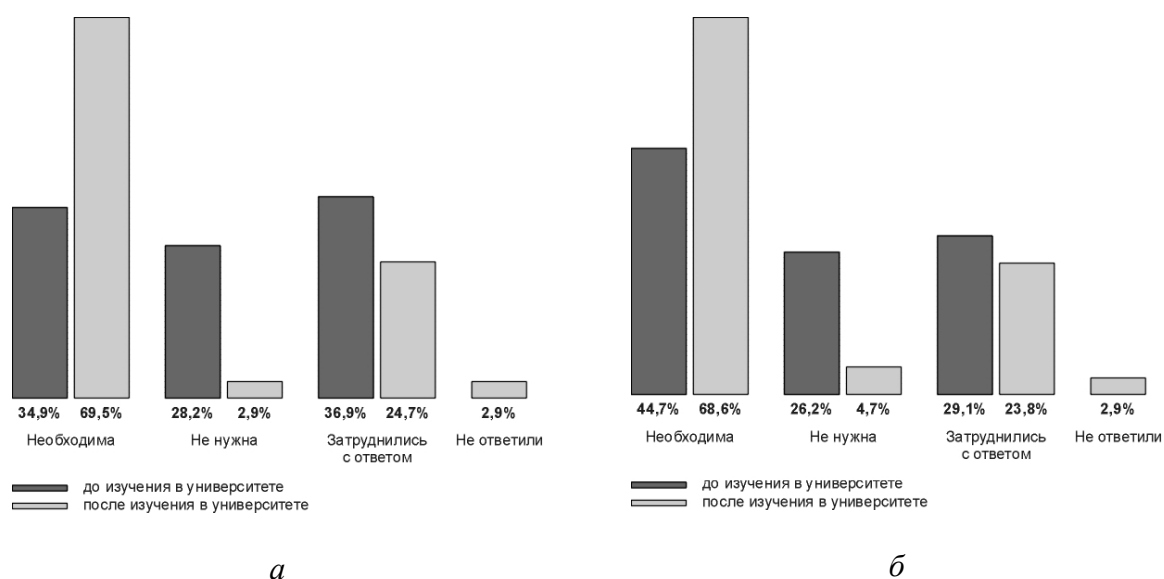

Рисунок 3 – Динамика изменения понимания необходимости знаний по химии у студентов-первокурсников до и после её изучения дисциплины в университете: а – в будущей профессиональной деятельности; б – для повседневной жизни

Профессионализация лабораторного практикума по органической химии

Студенты некоторых инженерных специальностей помимо курса общей химии изучают на старших курсах отдельные разделы химии. Так, в учебный план подготовки студентов специальности «Производство строительных изделий и конструкций» в Брестском государственном техническом университете включена дисциплина «Органическая химия». Первоначально лабораторные работы преимущественно заключались в качественном наблюдении и изучении химических процессов, реакций и свойств важнейших классов органических соединений. Такая модель практикума по органической химии до сих пор широко используется вузами, осуществляющими подготовку студентов инженерных специальностей, например, она принята в Гродненском государственном университете им. Я. Купалы [10]. При построении лабораторного практикума по данному предмету был учтён ряд обстоятельств. Во-первых, курсы общей и органической химии разделены промежутком в полтора года. Во-вторых, большой объём учебного материала несоизмерим с количеством учебных часов, выделяемых на дисциплину. Поэтому был сделан акцент на усиление самостоятельной роли практикума. Среди множества опытов были выбраны те, которые дают представление студентам о технике лабораторных операций, присущих именно органической химии. Также большее, чем обычно, внимание было уделено навыкам коллективной работы студентов в составе рабочих групп.

Начиная с 2001 года было пересмотрено содержание практикума. Наряду с работами, посвящёнными методам очистки органических соединений, качественным реакциям, простейшим органическим синтезам, студентам были предложены и профильные лабораторные работы. В частности, студенты исследовали свойства растворов и дисперсий полимеров, применяемых в строительстве [11]. В 2008/2009 учебном году содержание практикума по органической химии было изменено за счёт дополнительного включения профильных работ. В настоящее время он включает в себя пять базовых лабораторных работ, посвящённых качественному определению основных классов органических соединений; органическим поверхностно-активными веществами, полимерным материалам в строительной промышленности, лакокрасочным материалам на основе

полимерных дисперсий, а также применению органических красителей и пигментов. При проведении практикума нами используется маршрутный способ проведения занятий. Достоинство практикума обусловлено использованием в нём реальных объектов из сферы будущей профессиональной деятельности студентов. Так, знакомство со свойствами важнейших пигментов и красителей, применяемых при создании современных строительных материалов, позволит оценить возможность их использования в реальных системах. В ходе лабораторной работы по созданию водно-дисперсионных красок студенты не только знакомятся с органическими веществами – составляющими веществами, но и получают представление о технологии получения лакокрасочных материалов.

Для того чтобы оценить, правильно ли был выбран подход при создании практикума по органической химии для студентов третьего курса строительного факультета, обучающихся по специальности «Производство строительных изделий и конструкций», в 2008/2009 учебном году было проведено анкетирование. Анкетирование было добровольным с обязательным указанием фамилии и проводилось после прохождения студентами цикла лабораторных работ. В нём приняло участие 20 из 22 обучающихся по данной специальности студентов, т. е. 90,9%.

Прежде всего следует отметить, что все студенты ответили положительно на вопрос: «Помог ли Вам лабораторный практикум в усвоении теоретического материала?». Как и в случае предыдущего анкетирования, вопросы о достоинствах и недостатках лабораторного практикума также были открытыми. 55% студентов отметили, что практикум был для них интересным, 20% студентов к достоинствам практикума отнесли возможность своими руками выполнять лабораторные опыты. Также были отмечены доступность, наглядность и прикладной характер практикума. К недостаткам предложенных лабораторных работ студенты относят опыты с токсичными, едкими и неприятно пахнущими веществами (35%), а также необходимость оформления лабораторных работ в рабочих журналах (25%).

В анкетах студенты отмечали положительное отношение к практикуму:

«Очень доступные и понятные работы. Делались с удовольствием»;

«Увлекательно, интересно, познавательно»;

«Доступно изданы методические указания. Материал изложен понятно и затруднений не вызывает».

Однако наиболее лаконично мнение об организации практикума по органической химии было выражено в анкете одним из студентов: *«Видели. Нюхали. Поняли!!!»*

Поскольку количество лабораторных работ в практикуме по органической химии невелико, студентам было предложено охарактеризовать каждую работу с точки зрения её прикладного значения, интереса, который она вызывает, простоты выполнения, понимания цели работы и получения новых навыков. Анкетирование показало, что практикум вызвал большой интерес студентов. Во всех анкетах отмечены прикладной характер работ и относительная простота их выполнения. Цель выполнения лабораторных работ была понятна большинству опрошенных, в ходе выполнения практикума студенты получили новые навыки. Наибольшее количество положительных отзывов вызвала лабораторная работа по приготовлению водно-дисперсионных лакокрасочных материалов (рисунок 4).

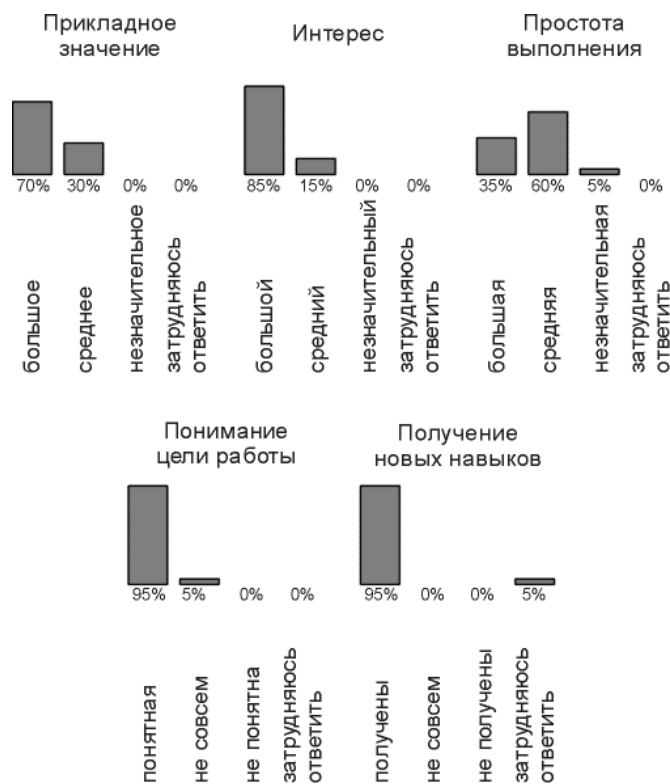

Рисунок 4 – Результаты оценки студентами-третьекурсниками лабораторной работы «Лакокрасочные материалы на основе полимерных дисперсий» практикума по органической химии

Заключение

1. Эффективная организация лабораторного практикума по химическим дисциплинам в технических вузах обеспечивается при условии его профессионализации, т. е. адаптации к потребностям будущей специальности студентов. Профессионализация практикума может быть осуществлена, во-первых, за счёт создания профильных лабораторных работ, во-вторых, за счёт включения в базовые работы опытов, посвящённых вопросам специализации.

2. Анализ результатов педагогического эксперимента показал, что внедрение разработанной модели профессионально ориентированного лабораторного практикума позволяет студентам изменить впечатление о химии как о трудной, невостребованной в реальной жизни и профессиональной деятельности, способствует формированию у них положительного образа химической науки, стимулирует их мотивацию к изучению дисциплины.

Модель подготовки будущего специалиста инженера призвана не только удовлетворить потребность отечественной промышленности в квалифицированных специалистах, но и должна способствовать становлению социально активной и творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Республика Беларусь в цифрах, 1995–2008 г.г. Промышленность // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/industry1.php>. – Дата доступа : 07.05.2009.

2. Бурак, Г.А. Задачи и упражнения по химии : учеб.-метод. пособие / Г.А. Бурак [и др.] ; под ред. В.Н. Яглова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : БНТУ, 2006. – 124 с.
3. Бурак, Г.А. Задачи предлабораторного контроля по химии : учеб.-метод. пособие / Г.А. Бурак [и др.] ; под ред. В.Н. Яглова. – Минск : БНТУ, 2005. – 134 с.
4. Корнилова, Н.Н. Лабораторный практикум по курсу «Общая химия» для студентов очной и заочной форм обучения / Н.Н. Корнилова, С.И. Полушкина. – Минск : БГАТУ, 2003. – 96 с.
5. Боднар, И.В. Химия : учеб.-метод. пособ. для практ. занятий : в 2 ч. / И.В. Боднар [и др.]. – Минск : БГУИР, 2006. – Ч. 2. – 96 с.
6. Опарин, А.Д. Лабораторный практикум по курсу «Химия» для студентов инженерно-технических специальностей : метод. указания / А.Д. Опарин, А.В. Медведь. – Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, 2006. – 68 с.
7. Василевская, Е.И. Основные принципы построения лабораторного практикума по химии для студентов нехимических специальностей / Е.И. Василевская, В.А. Халецкий, П.П. Строкач // *Хімія – проблеми викладання*. – 2000. – № 4. – С. 115–120.
8. Халецкий, В.А. Особенности восприятия химии студентами первокурсниками инженерных нехимических специальностей / В.А. Халецкий // *Новое в методике преподавания химических и экологических дисциплин в региональном вузе : материалы регион. науч.-метод. конф., Брест, 21 нояб. 2008 г.* / Брест. гос. техн. ун-т ; редкол.: В.А. Халецкий [и др.]. – Брест, 2008. – С. 3–6.
9. Халецкий, В.А. Химическое образование для студентов инженерных специальностей: организация и анализ результатов / В.А. Халецкий // *Свиридовские чтения : сб. ст.* / редкол.: Т.Н. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 4. – С. 275–282.
10. Опарин, А.Д. Лабораторный практикум по курсу «Органическая химия» для студентов специальности 1-36 01 04 Оборудование и технологии высокоэффективных процессов обработки материалов : метод. указания / А.Д. Опарин, А.В. Медведь. – Гродно : Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы, 2007. – 70 с.
11. Халецкий, В.А. Методические указания к лабораторным работам по курсу «Органическая химия» для студентов специальности Т 19.02 «Производство строительных изделий и конструкций» / В.А. Халецкий [и др.]. – Брест : Брест. гос. техн. ун-т, 2001. – 58 с.
12. Ценностные приоритеты и социальные функции современной системы образования Республики Беларусь : Интервью с проф. А.Н. Сендер / А.Н. Сендер // *Вестн. Брестск. ун-та. Сер. гуманитарных и социальных наук*. – 2006. – № 1. – С. 3–9.

Khaletski V. Profession-Oriented Chemistry Laboratory Course In Technical Education In Higher School

Organization of chemistry laboratory courses in general and organic chemistry for would-be engineers in Brest State Technical University is described in the article. There are several basic principles in the background of laboratory course: integrity, gradual development of students' competences and skills, applied abilities and environmental-friendly orientation. Real-world objects (antifreeze, waterborne paints, pigments and dyes, polymers etc.) were chosen as objects for labs. To certain the effectiveness of offered model of laboratory course a questioning was held. 105 first-year and 20 third-year students took part in the experiment. The results of students questioning show that profession orientation of laboratory course stimulate the motivation and form positive perception of chemistry.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.06.09

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркушаі, ў электронным варыянце на дыскеце 3,5 дм. у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21 x 29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15 x 23 см або 23 x 15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1–2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1–2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаваанне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, Т.І. Шкапіч*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 02.10.2009. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 11,76.
Тираж 100 экз. Заказ № 587.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.

РЭЦЭНЗІІ

ЛЫСЮК А.И. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: СОДЕРЖАНИЕ, СПОСОБЫ, ЭВОЛЮЦИЯ. – ЧЕРНОВЦЫ : БУКРЕК, 2008. – 384 С.

Рецензируемая монография посвящена чрезвычайно интересной проблеме: каким образом отдельные социальные феномены влияют на институт политического лидерства. Подобный анализ тем более интересен, что именно культура, по мнению автора, и с этим трудно не согласиться, – определяет и содержание, и стилистику деятельности политического лидера. Данное обстоятельство крайне важно, потому что в подавляющем большинстве исследований, посвящённых подобной проблематике, акцент делается на анализ либо психологических факторов, либо институциональных, которые регулируют деятельность политического лидера. Автор в своей монографии удачно использует методологию деятельностного подхода, определяет механизм детерминации политического лидерства посредством ряда институциональных и правовых факторов, и, в конечном счёте, предлагает достаточно обоснованную схему этого сложноорганизованного процесса.

А.И. Лысюк демонстрирует хорошее знание различных подходов и оценок в данной области знания, и это позволяет в высокой степени определиться в собственных теоретических построениях, что, в свою очередь, способствует стремлению к системному «охвату» изучаемого феномена.

К достоинствам работы следует также отнести выделение и последующий анализ культурных феноменов, определяющих базовые характеристики государственного лидерства. При этом анализу подвергаются не только определённые политико-идеологические ориентации лидера и его последователей, но и присвоенные основополагающие духовные скрижали, определяющие «дух» нации, народа, государства, вплетённые в определённый исторический контекст. Важным является стремление автора, используя веберовскую концепцию «идеальных типов», осуществить историко-сравнительный анализ социокультурных детерминант политического лидерства в рамках отдельных историко-культурных систем начиная с античности и заканчивая эпохой постмодерна. При этом в центре исследования находится система *мотивации*, непосредственно регулирующая деятельность лидера и последователей, представленная, с одной стороны, их потребностями, а с другой – ценностными ориентациями.

Кроме этого, анализируются *идеальные образы политического лидера*, присвоенные лидером и последователями и определяющие их представление о структуре властных отношений в политической системе, о содержании выполняемых ими политических ролей. Поскольку сущность взаимодействий лидера и последователей заключается в *коммуникативных процессах*, понимаемых в предельно обобщённом плане как передача определённого сообщения (смысла) из одной социальной позиции в другую, то очевидно, что социокультурное содержание этой коммуникации будут составлять как стилистика политических действий, так и ценностное содержание задействованных в ней медиаторов. Существо политической коммуникации в системе политического лидерства составляют *коммуникационный дискурс (речевой и текстовый)*, *политика символов* и *символическая политика* государственного лидера.

Процесс историко-сравнительного анализа основных переменных социокультурной детерминации политического лидерства эффективен только при использовании

адекватных единиц. Важным достоинством данной монографии является разработка и их содержательное обоснование. В конечном счёте в исследовании были «задействованы» следующие «единицы» сравнения:

а) иерархическое расположение того или иного свойства изучаемого объекта в рамках определённых культурно-исторических систем;

б) интенсивность проявления той или иной детерминанты в конкретных исторических обстоятельствах;

в) уровень гомогенности или гетерогенности изучаемого свойства объекта, т. е. насколько он представляет доминирующие в обществе представления и настроения, или же носит субкультурный характер;

г) степень специфичности признаков прототипа, т. е. определение своеобразия их проявления в конкретной историко-культурной системе;

д) выяснение степени проявления признаков прототипа изначально заявленной гипотезе с помощью индуктивных выводов.

Методологическая обоснованность и последовательность, соответствующая проблематике данного исследования, позволила определить систему взаимосвязей и взаимозависимостей совокупности социокультурных детерминант, присущих определённым культурно-историческим системам в их синхронном и диахронном разрезе. Необходимо также подчеркнуть, что автор достаточно свободно ориентируется в выбранном исследовательском пространстве, умело и корректно использует терминологический аппарат.

Считаю, что монография доцента А.И. Лысюка является существенным вкладом в развитие политической науки Беларуси. Книга представляет интерес не только для политологов, социологов, историков, но и для широких общественных слоёв и может быть использована в качестве дополнительного знания в учебном процессе высшей школы.

Касьяненко А.П., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

**ЛЮКЕВІЧ У.П. САДОЎСКІ А. БЕЛАСТОК. САЦЫЯЛЬНЫ
КАПІТАЛ ЖЫХАРОЎ ГОРАДА. – БЕЛАСТОК :
ВЫДАВЕЦТВА ВЫШЭЙШАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ШКОЛЫ
Ў БЕЛАСТОКУ, 2006. – 263 с. (на польскай мове)**

Чарговая кніга прафесара Анджэя Садоўскага не можа не прыцягнуць да сябе ўвагі. Гэта звязана не толькі і не столькі з тым, што ў навуковым свеце ён вядомы як адзін з найлепшых знаўцаў беларуска-польскага памежжа, і не таму, што ён з’яўляецца дэканам гісторыка-сацыялагічнага факультэта Універсітэта ў Беластоку. Для прадстаўнікоў гістарычных, культуралагічных, сацыялагічных, філасофскіх і эканамічных колаў Польшчы і Беларусі гэтая праца, прысвечаная Беластоку, можа разглядацца ў якасці метадалогіі навуковых даследаванняў у адносінах да памежных гарадоў, што надзвычай актуальна для Брэста, які неўзабаве адзначыць сваё тысячагоддзе.

На прыкладзе вывучэння спадчыны Беластока прафесар А. Садоўскі на лакальным узроўні прасочвае ўзнікненне, станаўленне, функцыянаванне і развіццё грамадскага капіталу жыхароў горада праз такія сацыялагічныя катэгорыі, як “чалавечы капітал”, “сацыяльны капітал” і “культурны капітал”. Як піша сам аўтар, галоўнай мэтай працы з’яўляецца “падкрэсліванне асаблівага значэння катэгорыі сацыяльнага капіталу ў адносінах да даследаванняў насельніцтва вялікага горада, які знаходзіцца ў перыферычным рэгіёне, на абшары, што абазначаны як памежжа, і пэўным чынам змушаны да пошукаў уласных, эндагенных фактараў развіцця” (с. 9). Поўнасьцю можна пагадзіцца з тым, што буйны горад, які знаходзіцца далёка ад дамінантных урбаністычных цэнтраў, не мае магчымасцяў самастойна паспяхова канкураваць з метраполіяй у атрыманні знешніх рэсурсаў развіцця як на ўзроўні нацыянальных інвестыцыяў, так і замежных. У выніку не застаецца нічога іншага, як скарыстацца двума наступнымі шляхамі. Першы варыянт палягае на тым, што выбіраецца ўзор будучага развіцця па прыкладзе іншых, пераважна цэнтральных гарадоў, з усведамленнем таго, што гэта адназначна другасная пазіцыя, калі прыходзіцца крочыць сцежкамі ў ар’ергардзе тых, хто апярэдзіў сваіх канкурэнтаў у часе і прасторы. Другі варыянт звязаны са зваротам да пошукаў унутраных рэсурсаў, іх дыягназу і выкарыстання ў наступных працэсах развіцця. Такі падыход перадусім дазваляе лепш выкарыстаць ужо вядомыя рэсурсы, якія да пэўнага часу не былі рэалізаваныя, альбо нават адкрыць новыя патэнцыяльныя магчымасці. У сістэме эканамічных і сацыяльных навуковых ведаў паняцце рэсурсаў датычыцца як прыродных, гаспадарчых, фінансавых, так і чалавечых, сацыяльных, культурных, інтэлектуальных і інш аспектаў развіцця. Зацікаўленасць канцэпцыйнай сацыяльнага капіталу можа пашырыць сферу ведаў і практычнага дасведчання, напрыклад у тым, чаму папярэднія намаганні ў накірунку стымулявання гаспадарчага і грамадскага развіцця не сталі паспяховымі насуперак чаканням насельніцтва.

Вызначэнне накірункаў і магчымасцяў развіцця рэгіёна звязваецца з самымі разнастайнымі фактарамі. Непасрэдна ў адносінах да Беластока пералічваюцца наступныя: памежнае і перыферычнае палажэнне, лакалізацыя ў сельскім атачэнні, залежнасць развіцця горада безадносна ягонай велічыні, пачуццё комплексу правінцыйнасці ў насельніцтва, недавер да ўласных сілаў, уцёкі ад стандартаў культурнага забеспячэння нацыянальнай меншасці, ад сацыяльнай культурнай самасвядомасці нацыянальнай меншасці, міграцыйны характар горада і інш. Як відаць, шэраг пазначаных момантаў мае непасрэдныя адносіны і да памежнага Брэста. У той жа час прафесар А. Садоўскі задае пытанне: “Культурныя адрозненні горада

з'яўляюцца хутчэй фактарам стрымлівання ягонага развіцця ці могуць быць і значным козырам у развіцці?" (с. 10). Адказ на гэтае пытанне, як і на шэраг іншых, знаходзім у манаграфіі.

Як пазначана на вокладцы выдання, галоўным паняццем дадзенай навуковай працы з'яўляецца "сацыяльны капітал". Аўтарам гэты тэрмін трактуецца вельмі шырока. У змест яго ўключаецца такі від капіталу (альбо капіталаў), які можа быць атрыманы пры дапамозе развіцця мноства лакальных рэсурсаў, як тых, што паходзяць ад індывіда, так і тых, што звязаныя з патэнцыялам супольнасці. Гэта мае адносіны да культуры (ці культураў) насельніцтва, якое не толькі ўзаемадзейнічае паміж сабой, але разам імкнецца да вызначанай мэты, да рэсурсаў, якія маюць значэнне ў працэсах камунікацыі. Падставай набытага капіталу з'яўляюцца чалавечыя, сацыяльныя рэсурсы, а таксама культурныя, згрупаваныя праз паасобныя адзінкі, узмоцненыя пры дапамозе кантактаў і саюзаў, залежнасці паміж імі, якія абапіраюцца на акрэсленыя ў культуры вартасці, правілы, узоры паводзінаў з асаблівым акрэсленнем узаемнага даверу (с. 10). Сацыяльны капітал ствараецца праз такія культурныя механізмы, як рэлігія, традыцыя, гістарычныя навыкі, а таксама праз грамадскія нормы з высокім маральным патэнцыялам – давер, лаяльнасць, добрасумленнасць, узаемнасць і г.д. (с. 32).

Функцыянаванне чалавечай адзінкі і супольнасці ў сучасным глабалізацыйным свеце немагчыма без канкурэнцыі ў самых разнастайных сферах грамадства. Таму ўвага да сацыяльнага капіталу асобнага горада, які можа быць ахарактарызаваны ў адносінах развіцця з пункту гледжання на перспектыву стварэння адпаведнага цэнтра, з'яўляецца вельмі важнай справай. Гэта можа быць абумоўлена эфектамі інвеставання "ў самога сябе", калі ўлічыць такія важныя чыннікі, як адукацыя, здароўе, рацыянальнасць паводзінаў на рынку (працы) – "прадаць" свае ўменні і г.д. Іншымі словамі, размова ідзе пра фарміраванне спажывецкага дабрабыту. Рынкавая эканоміка вымагае ад чалавечай асобы шэраг якасцяў, якія неабходныя ў працэсе абмену паслугамі і абапіраюцца на такія паказальнікі, як не толькі здароўе, але якасць і ўзровень фізічнага і псіхалагічнага здароўя, не толькі адукацыя, але якасць і ўзровень віду адукацыі, шматузроўненасць і забеспячэнне міжчалавечых культурных сувязяў, што ў рэшце рэшт вядзе да дасягнення самых розных мэтаў і значэнняў. У структуры працы згодна з гэтым вызначаюцца чалавечы капітал, сацыяльны капітал і культурны капітал як падставовыя элементы капіталу, які звязаны з чалавекам і ягонай індывідуальнай і грамадскай дзейнасцю.

Немалая ўвага ў манаграфіі надаецца эмпірычнай частцы. Тут у асноўным прадстаўлены вынікі даследаванняў па праблеме сацыяльнага капіталу жыхароў Беластока, якія зробленыя ў верасні 2003 года. Яны інтэрпрэтуюцца таксама з іншымі навуковымі даследаваннямі, што праводзіліся раней на абшары Беластока і ваяводства. Такі падыход звязаны з практычнымі мэтамі працы, што перасякаецца з патрэбамі вывучэння сацыяльнага капіталу горада, каб ацаніць патэнцыял ягоных рэсурсаў і памагчы масці выкарыстаць ужо ў бліжэйшай будучыні. Тым больш гэта важна ў сувязі з тым, што Польшча за вельмі кароткі час падверглася і працягвае падвяргацца найбольш істотным эканамічным, сацыяльным і культурным зменам, якія адбываюцца на свеце апошнім часам. Сведчаннем гэтага працэсу з'яўляюцца вынікі сусветнага фінансавага крызісу 2008–2009 года.

Даследаванням у галіне развіцця сацыяльнага капіталу Беластока важнае месца належыць памежжу. Як і ў Брэсце, тут назіраюцца самыя разнастайныя змяненні не толькі ў эканамічнай галіне, але і кўльтурнай сферы. Менавіта польскае памежжа не паддалася да канца дзяржаўнай палітыцы асіміляцыі і захавала свой характар культурнай разнастайнасці. Аўтар задае пытанне: "Калі і ў якіх варунках культурная разнастайнасць жыхароў уяўляе відавочны культурны капітал, што нясе задавальненне

насельніцтву і нават дае падставы для іх рынкавага поспеху, для кар’еры? У той жа час у якіх сітуацыях гэты капітал з’яўляецца тым баластам, што абцяжарвае рэалізацыю жыццёвай кар’еры насельніцтва, а ў сувязі з гэтым не ўплывае, а нават замаруджвае развіццё патэнцыялу сацыяльна-эканамічнага развіцця рэгіёну? Чаму Падляскае ваяводства, як найбольш культурна разнастайнае ваяводства ў краіне, не чэрпае з гэтага відавочнай карысці, у тым ліку карысці эканамічнай?” (с. 13). Самая галоўная праблема вывучэння Беластоку датычыцца велічыні і багацця чалавечага, сацыяльнага і культурнага капіталу, а таксама таго, якой з’яўляецца ступень яго выкарыстання ў механізме функцыянавання грамадска-эканамічнага і культурнага жыцця горада. Сярод даследніцкіх праблемаў тут называюцца такія, як:

- Ці інвестуюць жыхары горада ў чалавечы капітал?
- Ці сведчаць папярэднія працэсы ў горадзе пра магчымасці стварэння і выкарыстання сацыяльнага капіталу насельніцтва, з’яўляюцца яны нейтральнымі ці абмяжоўваюць яго?
- Ці маюцца магчымасці (і якія) выкарыстання культурнага капіталу для развіцця горада?
- Ці эвалюцыянуе (і ў якой ступені) Беласток ў накірунку да плюралістычнага грамадства?
- Беласток з’яўляецца горадам з нізкім ці высокім (багатым) капіталам развіцця?
- Як насельніцтва бачыць шанцы і пагрозы для Беластока, што звязваюцца з месцам Польшчы ў ЕС і з’яўленнем на ўсходзе краіны шчыльнай мяжы ЕС? (с. 40).

Манаграфія прафесара А. Садоўскага ў дадатку ўтрымлівае 24 табліцы, дзе прадстаўленыя вынікі сацыялагічных даследаванняў, што звязаныя з вывучэннем сацыяльнага капіталу жыхароў Беластока, анкету “Беласток – сацыяльны капітал насельніцтва горада”. Бібліяграфія налічвае 125 крыніцаў па тэме даследавання.

У заключэнні неабходна адзначыць, што дадзеная навуковая праца з’яўляецца сацыяльна запатрабаванай у варунках развіцця сучаснага грамадства. Яна не толькі ўздымае актуальныя пытанні адносна перспектывы функцыянавання вялікіх гарадоў на перыферыі, якія маюць пасведчанне гістарычных рэгіянальных цэнтраў, але спрабуе прадвызначыць шляхі іх далейшага развіцця. Шэраг палажэнняў кнігі мае самыя непасрэдня адносіны і да Брэста. Таму ў праекцыі на бліжэйшую перспектыву хацелася б, каб Дамова аб супрацоўніцтве паміж Брэсцкім дзяржаўным універсітэтам імя А.С. Пушкіна і Універсітэтам у Беластоку дала падставы для напісання параўнальнай навуковай працы па праблеме функцыянавання і развіцця буйных памежных гарадоў.

Люкевіч У.П., кандыдат філасофскіх навук,
дацэнт, загадчык кафедры культуралогіі
Брэсцкага дзяржаўнага універсітэта
імя А.С. Пушкіна

ЕВГЕНИЮ МИХАЙЛОВИЧУ ШУКЕВИЧУ – 95

В этом году, 3 августа, исполнилось 95 лет со дня рождения Евгения Михайловича Шукевича, более полувека посвятившего педагогической и спортивной деятельности. Родился он в 1914 году в Минске, где и прошло его детство. Жил с матерью. Отец погиб на Первой мировой войне.

В 1929 году, после окончания семилетки, обучался в минской школе ученичества Московско-Белорусской железной дороги, где изучил рабочие специальности: помощник машиниста, кочегар, ремонтник, слесарное и кузнечное дело. Окончил фабрично-заводское обучение в 1932 году и поступил на рабфак, совмещая обучение с работой на железной дороге. Закончил рабфак в 1934 году, а в 1935 успешно сдал вступительные экзамены в политехнический институт, на механический факультет. После первого курса был призван в армию и отслужил в РККА с 1936 по 1938 год. В том же году поступил в институт физической культуры, закончить который удалось лишь после Великой Отечественной войны в 1946 году.

Смена обучения в политехническом институте на институт физической культуры году была не случайной. К этому времени у Евгения Михайловича уже были немалые навыки в занятиях спортом, проявилась склонность к педагогической деятельности. Любовь к занятию физическими упражнениями ещё в школе ему привил учитель физической культуры. В фабзавуче он начал заниматься боксом, а преподаватель рабфака, видя его спортивное увлечение, просил оказывать помощь в проведении занятий по физкультуре. В политехническом институте и в армии занятия боксом не оставил – стал чемпионом Белорусского военного округа. Помимо бокса Евгений Михайлович зани-

мался вольтижировкой (гимнастические упражнения на скачущей лошади) и джигитовкой, каждый день бегал кроссы. Всё это позволило ему приобрести разностороннюю физическую подготовленность, не раз помогавшую переносить тяготы в годы войны.

В период финской кампании Евгений Михайлович добровольцем вступил в лыжный батальон. С первых дней Великой Отечественной войны был призван в армию и участвовал в боевых действиях. Был командиром отделения минометчиков и, выходя из окружения, раненым попал в плен. Затем побег, опять плен и следующий побег. Воевал в партизанском отряде № 210 имени Сталина, в конном взводе разведки.

За боевые заслуги Евгений Михайлович награждён орденом «Отечественной войны» I степени и многими медалями, одни из которых – «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I степени. Боевые действия закончились для Евгения Михайловича в 1944 году, когда после освобождения Беларуси его направили в Могилёвский спорткомитет начальником учебно-спортивного отдела.

С 1946 года Евгений Михайлович работает преподавателем кафедры лёгкой атлетики Минского института физической культуры, с того же года началась и его тренерская деятельность. Активная трудовая деятельность длилась по 2001 год, пока Евгений Михайлович не ушёл на заслуженный отдых. За время работы в высших учебных заведениях СССР и Республики Беларусь им подготовлено огромное количество специалистов в области физического воспитания и спорта, работающих в Беларуси и других странах СНГ.

Пройдя многие преподавательские ступени высшей школы – преподаватель, старший преподаватель, доцент, – Евгений Михайлович все годы проводил тренировочные занятия среди студентов. Именно на тренерском поприще раскрылось его дарование как педагога, тренера, воспитателя. Им подготовлено несколько десятков спортсменов высокого класса в различных видах лёгкой атлетики: спортивная ходьба, барьерный бег, прыжки в высоту, прыжки с шестом, толкание ядра, метания копья, диска, молота, 10-борье. Ученики Евгения Михайловича становились не только мастерами спорта, но и установили 48 рекордов Беларуси, 26 рекордов СССР и 7 рекордов мира.

Самыми выдающимися учениками в спорте были метатели молота: Михаил Кривоносов, Василий Руденков, Алексей Балтовский и Ромуальд Клим. С 1952 по 1971 год они были сильнейшими метателями мира, завоевав на пяти Олимпийских играх 2 золотые и 2 серебряные медали, на шести чемпионатах Европы 2 золотые и 3 серебряные награды, а на чемпионатах СССР – 14 золотых, 3 серебряные и 5 бронзовых наград.

С 1953 по 1958 год Евгений Михайлович был старшим тренером сборной СССР по метанию молота и непосредственно готовил группу метателей к XVI Олимпийским играм, проходившим в 1956 году в Мельбурне. На этой Олимпиаде, наряду с серебряной медалью Михаила Кривоносова, бронзовую медаль завоевал Анатолий Самоцветов, а Дмитрий Егоров занял 7 место. За выдающиеся успехи в воспитании и подготовке высококвалифицированных спортсменов приказом Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в 1956 году, одному из первых тренеров в стране Евгению Михайловичу Шукевичу присвоено звание «Заслуженный тренер СССР».

Учебную и тренерскую работу Евгений Михайлович постоянно совмещал с научными исследованиями. Одним из первых в СССР он внедрил в практику спорта ежедневные тренировки. Постоянно изучая и совершенствуя технику метания молота и систему подготовки в этом виде метаний, излагал свои взгляды на семинарах тренеров, с трибун научно-практических конференций, на страницах печати. В ряде учебных пособий «Лёгкая атлетика», изданных с 1952 по 1958 год, им освещалась методика тренировки спортсменов высокой квалификации, оказавшая большое влияние на становление современной отечественной и зарубежных школ метания молота – Польши, Болгарии,

Венгрии, ГДР. Монография «Метание молота», подготовленная со своим учеником, кандидатом педагогических наук, профессором М.П. Кривоносовым и изданная в 1971 году, на долгие годы стала настольной книгой многих тренеров в стране и была переиздана в 1974 году в Болгарии.

Трудовые заслуги Евгения Михайловича отмечены государством: орден «Трудового Красного Знамени», медали «За трудовую доблесть», «За доблестный труд» и многие другие награды и грамоты.

Работая с 1971 года в БГПИ имени А.С. Пушкина и более десяти лет возглавляя кафедру лёгкой атлетики, плавания и лыжного спорта, а затем и в БрГУ имени А.С. Пушкина доцентом, Евгений Михайлович большое внимание уделял молодым преподавателям, продолжая создавать свою школу педагогического мастерства. Постоянно посещал их занятия и проводил анализ деятельности, указывая на неточности и ошибки в методике преподавания. Делалось это в очень тактичной форме. А занятия, проводимые самим Евгением Михайловичем, отличались высоким профессиональным мастерством.

В 1983 году по инициативе одного из учеников, тренера ШВСМ г. Бреста В.П. Коломейцева, проведён I республиканский турнир по легкоатлетическим метаниям на призы заслуженного тренера СССР Е.М. Шукевича, прерванный в связи с распадом СССР. Возобновился турнир по предложению другого ученика Евгения Михайловича, преподавателя кафедры лёгкой атлетики, плавания и лыжного спорта и БрГУ имени А.С. Пушкина А.А. Носова. Сотрудники кафедры поддержали данное предложение и в этом году турнир проведён в 25-й раз.

В турнире принимают участие не только сильнейшие метатели Республики Беларусь, но и зарубежные спортсмены. Рекорды турнира высоки и могут служить украшением многих международных соревнований. Главное отличие соревнований состоит в том, что основную судейскую работу на хорошем профессиональном уровне выполняют студенты. Это неоднократно отмечали представители БФЛА. Многие преподаватели и студенты, пройдя школу судейства на турнире, в последующем стали спортивными судьями высокой квалификации.

Постоянное общение со спортсменами и тренерами на турнире и многих других легкоатлетических соревнованиях, проводимых в Республике Беларусь, позволяют Евгению Михайловичу консультировать их по многим вопросам системы спортивной подготовки. Советы выдающегося тренера вносят определённый вклад в достижение ведущими белорусскими метателями высоких спортивных результатов на международных соревнованиях, а следовательно, и в признание белорусской школы метаний в мире.

Стремление к знаниям, познанию нового и переосмыслению известного Евгений Михайлович всегда воспитывал в своих учениках и поощрял их устремления в этом. Большинство из учеников, прошедших его школу, отличаются большим трудолюбием и добиваются успехов во многих сферах жизнедеятельности. Одни из них стали именитыми тренерами: П.В. Зайцев – заслуженный тренер СССР, Н.С. Коженец, В.И. Сивцов, И.И. Дыбин, Р.И. Клим – заслуженные тренеры БССР. А иные, как М.П. Кривоносов, А.И. Балтовский А.А. Зданевич Г.Б. Шацкий и многие другие, защитили диссертации не только в области физического воспитания и спорта, и им были присуждены учёные степени и звания.

Жизненный путь Евгения Михайловича и его отношение к жизни и работе – преданность своему делу, трудолюбие, глубокие знания, всегда служат примером его ученикам. Они передают это наследие своим ученикам, а те – своим. Значит, школа, заложенная Евгением Михайловичем Шукевичем, продолжает жить.

Анатолий Софенко, Александр Носов

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ:

Бункевіч Н.С. – аспірантка 3-га года навучання Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі

Грыбава С.У. – аспірантка кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы

Кавалевіч І.В. – аспірантка кафедры псіхалогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Кавалевіч М.С. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры педагогікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Касьяненка А.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры сацыялогіі і паліталогіі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна імя Ф. Скарыны

Кутузава Н.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, супрацоўнік Цэнтра гісторыка-філасофскіх і кампаратыўных даследаванняў Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Лысюк Л.Г. – доктар псіхалагічных навук, прафесар, прафесар кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мартыненка І.Э. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры грамадзянскага права і працэсу Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы

Марчанка А.Я. – магістр псіхалагічных навук, выкладчык кафедры псіхалогіі развіцця Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Марчук В.В. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальнага права Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Паўлоўская В.А. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык Цэнтра гісторыка-філасофскіх і кампаратыўных даследаванняў Інстытута філасофіі НАН Беларусі

Трухановіч А.В. – выпускніца юрыдычнага факультэта 2009 г. спецыяльнасці «Правазнаўства» Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Халецкі В.А. – дацэнт кафедры інжынернай экалогіі і хіміі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Храмаў С.М. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры крымінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шалаева Т.З. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шароў А.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры лёгкай атлетыкі, плавання і лыжнага спорту Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна